

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

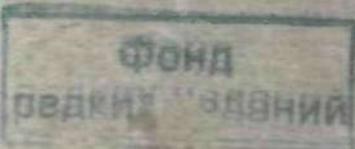
20

Б. Лауфер

ОЧЕРК МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перевод В. А. Казакевича

под редакцией и с предисловием
Б. Я. Владимирцова

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ
1927

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

20

Б. Лауфер

ОЧЕРК МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перевод В. А. Казакевича

под редакцией и с предисловием
Б. Я. Владимирцова*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

1927

Ленинградский Гублит № 40115. — 7½ пея. л. — Тираж 1000.

Государственная Академическая Типография.

В. О., 9 линия 12.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Предисловие Б. Я. Владимирцова	I—XXII
Введение	1—2
Пособия к изучению монгольского языка:	
1. Грамматика	2—5
2. Лексикография	5—6
3. Хрестоматии	6—8
Монгольский язык в Китае и Корее и туземная лексикография	8—18
Письмо и печать:	
Письмо	18—22
Книгопечатание	22—27
Литература:	
Старые литературные памятники	27—37
Новейшие надписи	37—40
Историческая литература	40—51
Географическая литература	51
Шаманская литература	51—52
Буддийская литература	52—68
Китайская литература	68—70
Дидактическая литература	70—71
Народная литература	71—83
Юридическая литература	83—88
Медицинская литература	88
Астрономическая литература	88—89
Переводы Библии	89—93
Заключение	93—95

ПРЕДИСЛОВИЕ

Б. Я. Владимирцова.

Работа Dr. Berthold Laufer'a, *Skizze der mongolischen Literatur*, появилась в печати двадцать лет назад (см. журнал Keleti Szemle—Revue Orientale, VIII, 1907, pp. 165—261) и до сих пор остается незамененной. В своем «*Очерке*» Dr. Berthold Laufer, известный и разносторонний ориенталист, дает живую общую картину монгольской литературы и разбор разных произведений монгольской письменности, при чем с особой подробностью он останавливается на сочинениях, изданных или обследованных в Европе.

Приходится отметить, что многие явления монгольской литературы остались вне поля зрения Dr. Berthold Laufer'a, потому что он не был знаком с самыми богатыми хранилищами монгольских рукописей и ксилографов: с Азиатским Музеем Академии Наук СССР и с Библиотекой Ленинградского Университета. Когда Dr. Berthold Laufer составлял свою работу по монгольской литературе оба эти указанные книгохранилища имели в своем распоряжении только рукописные (инвентарные) каталоги-списки монгольских рукописей и ксилографов, которыми, разумеется, можно было пользоваться только на месте. К сожалению, такое положение продолжается и до сих пор; и в настоящее время Азиатский Музей и Библиотека Университета имеют в своем распоряжении только частичные каталоги (напечатанные), охватывающие лишь незначительную часть хранящихся в них сокровищ.

В виду такого положения, работа Dr. Berthold Laufer'a оказывается до сих пор не устаревшей и не потерявшей своего

значения, в особенности в качестве хорошего обзора европейской литературы о монгольской словесности вообще, письменной и устной.

Но вместе с тем нельзя забывать и того, что за истекшие со временем появления в свет работы Dr. Berthold Laufer'a двадцать лет монголоведение сделало значительный шаг вперед, а вместе с тем сильно изменилось состояние наших сведений о Средней Азии вообще, благодаря находкам и исследованиям, связанным с Восточным Туркестаном. Поэтому суждения, которые высказывает Dr. Berthold Laufer о происхождении и начале монгольского письма приходится признать устаревшими. Исследования последних лет изменили также прежние взгляды на монгольскую народную поэзию и на разные монгольские наречия и поэтому вряд-ли в настоящее время монголист согласится с Dr. Berthold Laufer'ом в его оценке некоторых работ по этому вопросу (см. ниже, стр. 77; на этой же странице Dr. Berthold Laufer говорит, что в монгольском языке «теперь ударение в большинстве случаев находится на последнем слоге», тогда как в настоящее время вполне установлено, что ударение во всех известных монгольских живых говорах находится на первом слоге). Упоминаемые Dr. B. Laufer'ом ярлыки ханов Золотой Орды (см. ниже, стр. 29—30), приводятся по недоразумению, потому что они, как известно, составлены не на монгольском, а на тюркском языке. Приходится отметить еще одно из недоразумений. Упоминаемый Dr. B. Laufer'ом (см. ниже, стр. 18, прим.) словарь «Источник мудрецов»—не что иное, как тот словарь, о котором говорится на стр. 17, послуживший для монгольского перевода *Данджура*.

Переводчик работы Dr. B. Laufer'a, В. А. Казакевич, и я оставили без малейшего изменения текст «*Очерка*» и позволили себе сделать только несколько мелких поправок, которые, конечно, всякий раз оговорены; затем мы исправили несколько дат, согласно принципу, установленному проф. Р. Pelliot и признанному самим Dr. B. Laufer'ом. Далее мы изменили транскрипцию

монгольских и тибетских слов и даем их в том виде, в каком они транскрибируются в последнее время русскими монголистами; китайские слова тоже транскрибируются согласно русской транскрипции наших китаистов.

Для того, чтобы читатель мог легче представить себе дальнейший ход развития монголоведения и в частности развитие наших сведений и суждений в области монгольской литературы, я, не изменяя текста Dr. B. Laufer'a и не давая особых примечаний, не отмечая того, что уже устарело, кроме оговоренного выше, привожу библиографические списки важнейших работ согласно отделам, на которые распадается «*Очерк монгольской литературы*» Dr. B. Laufer'a. При этом я привожу только главные работы, научного характера, оставляя статьи не специальной повременной печати в стороне. Впрочем с большинством последних, правда главным образом русских, можно познакомиться по библиографическим очеркам, которые тоже приводятся мною. Остается в стороне также большинство работ на японском языке, требующих особого описания специалиста япониста; тоже приходится сказать и о новейших китайских работах по монгольской литературе.

В большинстве случаев я не упоминаю старых работ, почему либо не приводимых Dr. B. Laufer'ом; некоторых из них обнаруживаются по библиографическим обзорам, каталогам и подсобным работам, приводимым мною, при чем цитируются и старые издания, о которых Dr. B. Laufer не упоминает. Не упоминаются также, за редким исключением, и рецензии.

Dr. B. Laufer, часто ссылаясь на «Казанский каталог» монгольских книг, повидимому, как и вообще на Западе, не осведомлен относительно того, что упоминаемые в нем книги, находившиеся вначале в Казани, были в свое время переданы Ленинградскому теперь Университету.¹

¹ См. Материалы для истории Факультета Восточных Языков, СПб. 1909, стр. 94—97, В. В. Бартольд, Обзор деятельности факультета 1855—1905, с приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г.

монгольских и тибетских слов и даем их в том виде, в каком они транскрибируются в последнее время русскими монголистами; китайские слова тоже транскрибируются согласно русской транскрипции наших китаистов.

Для того, чтобы читатель мог легче представить себе дальнейший ход развития монголоведения и в частности развитие наших сведений и суждений в области монгольской литературы, я, не изменяя текста Dr. B. Laufer'a и не давая особых примечаний, не отмечая того, что уже устарело, кроме оговоренного выше, привожу библиографические списки важнейших работ согласно отделам, на которые распадается «*Очерк монгольской литературы*» Dr. B. Laufer'a. При этом я привожу только главные работы, научного характера, оставляя статьи не специальной повременной печати в стороне. Впрочем с большинством последних, правда главным образом русских, можно познакомиться по библиографическим очеркам, которые тоже приводятся мною. Остается в стороне также большинство работ на японском языке, требующих особого описания специалиста япониста; тоже приходится сказать и о новейших китайских работах по монгольской литературе.

В большинстве случаев я не упоминаю старых работ, почему-либо не приводимых Dr. B. Laufer'ом; некоторых из них обнаруживаются по библиографическим обзорам, каталогам и подсобным работам, приводимым мною, при чем цитируются и старые издания, о которых Dr. B. Laufer не упоминает. Не упоминаются также, за редким исключением, и рецензии.

Dr. B. Laufer, часто ссылаясь на «Казанский каталог» монгольских книг, повидимому, как и вообще на Западе, не освещен относительно того, что упоминаемые в нем книги, находившиеся вначале в Казани, были в свое время переданы Ленинградскому теперь Университету.¹

¹ См. Материалы для истории Факультета Восточных Языков, СПб. 1909, стр. 94—97, В. В. Бартольд, Обзор деятельности факультета 1855—1905, с приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г.

Переходя теперь к библиографическому перечню новейших, главным образом, работ, хотел бы еще раз отметить, что правильное представление о монгольской литературе можно получить только после ознакомления с богатейшими собраниями Азиатского Музея и Библиотеки Ленинградского Университета. За самые последние годы Монгольский Ученый Комитет успел собрать в Урге (Улан-Батор) тоже очень хорошую коллекцию монгольских рукописей и ксиографов, среди которых встречаются уники и такие ценности, как Монгольский Данджур.

Введение: Каталоги, очерки литературы.

— Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском и санскритском языке, находящимся в библиотеке Азиатского Департамента, СПб. 1843; (тоже восточными шрифтами, СПб. 1844). — В. А. Dorn, Das Asiatische Museum der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg, 1846, pp. VII, 2, 9, 69, 90, 92, 97, 110, 117, 122, 126. — Б. Я. Владимирцов, Монгольские рукописи и ксиографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева, Известия Российской Академии Наук 1918, стр. 1549—1568. — Азиатский Музей Российской Академии Наук, 1818—1918, Краткая Памятка, Петербург 1920: Б. Я. Владимирцов, Монгольский фонд, стр. 77—85; — Б. Я. Владимирцов, Mongolica polyglotta. стр. 85—87. Musei Asiatici Petropolitani Notitia VII, curante C. Salemann, Petropoli 1905 (Известия Импер. Академии Наук, 1905, март, т. XXII, № 3): Список материалам Ц. Жамцаранова и Б. Бардийна, 1903—1904, стр. 049—084. — B. Laufer, Descriptive account of the collection of chinese, tibetan, mongol, and japanese books in the Newberry Library, Publications of the Newberry Library, Nr. 4, Chicago 1913. — А. Лебедев, Рукописи

Киевского Церковно-Археологического Музея, т. I, Саратов 1916, № 208—210, 259.

— А. М. Позднеев, Лекции по истории монгольской литературы, читанные... в 1897/98 акад. году, т. III, записаны и изданы бывшими студентами Факультета Восточных языков Имп. СПб. Университета Г. В. Подставиным и Г. Ц. Цыбиковым, Владивосток 1908 (литография). — Б. Владимирцов, Монгольская литература, «Литература Востока», сборник статей, изд. «Всемирная Литература», Петербург 1920, стр. 90—115.

— H. Cordier, *Bibliotheca Sinica*, v. IV, Paris 1907, №№ 2792—2802, 3224, 2760—2802. — П. И. Хороших, Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности. Изд. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Географ. Общ., Иркутск 1923. — П. К. Казаринов, О библиографии бурят и их края, Бурятоведческий сборник, Вып. I, изд. Бурят-монг. секции ВСОРЛО, Иркутск 1926, стр. 3—24. — П. И. Хороших, Литература о народной и тибетской медицине бурят-монголов, *ibid.*, стр. 42—45. — П. И. Хороших, Литература о музыке, театре, песнях и народных развлечениях бурят-монголов, *ibid.*, стр. 65—68. — Н. И. Паршин, Материалы к библиографии по Калм. Области за революционные годы, журнал «Калмыцкая Область», Астрахань 1925, № 1, стр. 118—136.

— Б. Барадийн и В. Котвич, Бурятск. язык и литература, Нов. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Эфона, т. 8, 1912, стр. 680—682.

Пособия к изучению монгольского языка.

— Г. И. Рамstedt, Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха́ско-Ургинского говора, Перевод студентов Факультета Восточных Языков Имп. СПб. Университета, с первого немецкого издания, под редакцией прив.-доц. А. Д. Руднева, с дополнениями автора, СПб. 1908. — G. J. Ramstedt, Über die zahlwörter der altaischen sprachen, Journal

de la Société Finno-ougrienne, XXIV, 1.—G. J. Ramstedt, Zur verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen sprachen, *ibid.*, XXVIII, Helsingfors 1912,—G. J. Ramstedt, Zur Geschichte des labialen Spiranten im Mongolischen, Festschrift Vilhelm Thomsen, Leipzig, 1912, pp. 182—188.—G. J. Ramstedt, Ein anlautender stimmloser labial in der mongolisch-türkischen ursprache, Journ. de la Soc. Finno-ougrienne, XXXII, 2 (1916—1920).—G. J. Ramstedt, Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte, Keleti Szemle, XV 1914/15, pp. 135—150; XVI, 1915/16 pp. 66—84.—G. J. Ramstedt, Die verneinung in den altaischen sprachen, Mémoires de la Soc. F.-ougri. LII, pp. 196—215.—Ф. Е. Корш, Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках, Живая Старина, XVIII, 1909, стр. 156—162.—А. Д. Руднев, Материалы по говорам Восточной Монголии, СПб. 1911, изд. Факультета Вост. Яз. СПб. Университета № 30.—А. Д. Руднев, Хори-Бурятский говор (Опыт исследования, тексты, перевод и примечания), Вып. 1, 2, 3, СПб.—Петроград 1913—1914, изд. Факультета Вост. Яз. СПб. Универ. № 42.—Г. Ц. Цыбиков, Пособие к практическому изучению монгольского языка, Владивосток 1915 (дважды издававшееся перед тем литографским способом во Владивостоке).—В. Л. Котвич, Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, Петроград 1915 (литография).—И. А. Подгорбунский, Материалы для грамматики разговорного бурятского языка. Несколько замечаний о глаголе в бурятском языке, Иркутск 1910 (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Географ. Общ. т. XL, 1911, стр. 40—115).—И. А. Подгорбунский, Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транссирипции бурятских текстов, Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Географ. Общ. т. XL, 1910, стр. 10—39, Иркутск 1911 (отдельн. оттиск.: Иркутск 1910, стр. 1—30).—Б. Я. Владимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, Записки Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. т. XX, СПб. 1911, стр. 153—184.—Julius Németh, Die türkisch-mongolische Hypothese, Zeitschrift der Deutsch.

Morgenländ. Gesellsch., B. 66, pp. 549—577, Leipzig 1912.—
Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов изд. Раин-
сатанtra, СПб. 1921 (тоже без указателей: Сборник Музея
Антрополог. и Этнограф. при Академии Наук СССР, т. V, вып. 2,
Ленинград 1925).—Б. Владимирцов, Отчет о командировке
к дэрбэтам Кабдинского округа летом 1908 г., Изв. Русск.
Комитета для изучения Среди. и Вост. Азии, № 9, СПб. 1909,
стр. 47—60.—Ф. В. Муромский, Предварительный отчет о
поездке в калмыцкую степь Астраханской губ., *ibid.*, № 6,
СПб. 1906, стр. 50—52.—Н. Очиров, Отчет о поездке к Астра-
ханским калмыкам летом 1909 г., *ibid.*, № 10, СПб. 1910,
стр. 61—76.—Г. И. Рамстедт, Этимология имени Ойрат,
Записки И. Русск. Географ. Общ. по отд. этнографии, т. XXXIV,
Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, СПб. 1909,
стр. 547—558.—Б. Я. Владимирцов, О частицах отрицания
при повелительном наклонении в монгольском языке, Изв. Росс.
Академии Наук, 1916, стр. 349—358.—Б. Я. Владимирцов,
Анонимный Грузинский историк XIV в. о монгольском языке,
ibid. 1917, стр. 1487—1501.—Berthold Laufer, Sino-
Iranica, Chinese Contribution to the History of Civilisation in
Ancient Iran, Chicago 1919, Appendix I, Iranian Elements in
Mongol.—B. Laufer, Jurči and Mongol Numerals, Körösi Csoma
Archivum, 1921, Budapest, pp. 112—115.—Munkásci B.,
Kalmukische Namen der Wochentage, Körösi Csoma Archiv,
I Band, Budapest 1921—1925, p. 412.—P. Anton Volpert,
S. V. D., Etwas über Tu yen, Ureinwohner von Westkansu,
Anthropos, 1923—1924, t. XVII—XIX, p. 553—556.—Б. Я.
Владimirцов, О двух смешанных языках Западной Мон-
голии, Яфетический сборник, II, Петроград 1923, стр. 32—
52.—Н. Н. Поппе, Чувашский язык и его отношение к мон-
гольскому и тюркским языкам, Изв. Росс. Академии Наук,
1924, стр. 289—314; 1925, стр. 23—42, 405—426.—
Г. Ц. Цыбиков, Грамматика бурят-монгольского письменного
языка, на монг. яз.: *Cebeg-ün, Buriyat Mongol-un nom bicig-ün*

kelen-üdürim, Верхнеудинск 1924.—Б. Я. Владимирцов, О прозвище «Даян»-قاγан, Доклады Росс. Академии Наук, 1924-В, стр. 119—121.—Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе, Из области вокализма монголо-турецкого языка, *ibid.*, 1924, стр. 33—35.—Б. Я. Владимирцов, Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке, *ibid.*, 1924, стр. 55—56.—Н. Н. Поппе, К консонантизму алтайских языков, *ibid.*, 1924, стр. 43—44.—Н. Н. Poppe, Sur un phonème turco-mongol, *ibid.*, 1924, стр. 97—98.—Н. Н. Поппе, Система глухих смычных в алтайских языках, *ibid.*, 1925, стр. 11—13.—Н. Н. Поппе, Пережитки культа огня в монгольском языке, *ibid.*, 1925, стр. 14.—Н. Н. Поппе, Монгольские этимологии, *ibid.*, 1925, стр. 19—22.—Н. Н. Poppe, Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache, *Asia Major*, v. I, Fasc. 2—4, pp. 668—675.—Н. Н. Поппе, Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвии, Записки Коллегии Востоковедов при Азиат. Муз. Академии Наук, Ленинград 1925, стр. 195—208.—Б. Я. Владимирцов, *Mongolica I*, Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии, *ibid.*, стр. 305—341.

— Грамматики монгольского языка, изданные в Пекине, и Южной Монголии и Японии на монгольском языке (частью печатанные, частью литографированные).

— Paul Pelliot, Les mots à *H* initiale aujourd’hui amuie dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles, J. A., Avril—Juin 1925, pp. 193—263.—Erich Haenisch, Beiträge zur mongolischen Schrift- und Volkssprache, Mitteilungen des Seminars für Orient. Spr. zu Berlin, XXVII, Abteil. I, Ostasiat. Studien, Berlin 1925, pp. 170—185.—N. Poppe, Geserica, Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Vertion des Gesserkhan, *Asia Major*, v. III, fasc. 1, Lipsiae 1926, pp. 1—32.—Б. Я. Владимирцов, О тибетско-монгольском словаре *Li-čili gur-khañ*, Доклады Академии Наук СССР. 1926-В, стр. 27—30.—Б. Владимирцов, Следы грамматиче-

ского рода в монгольском языке, *ibid.*, стр. 31—34. — Б. Я. Владимирцов, Об одном окончании множественного числа в монгольском языке, *ibid.*, стр. 61—62. — Ипп. Клюкин, Ключ к изучению живой монгольской речи и письменности, ч. I, фонетика, простейшая грамматика и образцы живой речи, труды Гос. Дальневост. Универс., серия VI, № 4, Владивосток 1926. — A. N. T. Whymant, A Mongolian Grammar, outlining the Khalkha Mongolian with notes on the Buriat, Kalmuck and Ordoss Mongolian, London 1926. — Б. Я. Владимирцов, Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, Предварительные отчеты экспедиций о работах, произведенных в 1925 г., «Северная Монголия» II, Комиссия по научному исследованию Монголии при Совнаркоме СССР, Ленинград 1927, стр. 1—11.

— И. А. Подгорбунский, Русско-монголо-бурятский словарь, Иркутск 1909, 16°, VI + 2 + 340 стр. — Р. Бимбаев, Русско-монгольский переводчик халхаского наречия. Сборник наиболее необходимых слов, выражений и фраз для военных, комерческих и других целей, Троицкосавск 1910, 16°, 117 + 014 + IV стр. — А. Позднеев, Калмыцко-русский словарь — в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах, Изд. И. Общ. Востоковед., СПб. 1911, IV + 306 стр. — Р. Бимбаев, Русско-монгольский словарь — Разговорного языка на Халхасском наречии. С приложением кратких грамматических правил и Русско-Монгольского договора 1912 г. с протоколом к нему, Троицкосавск 1913, XII + 424 + 05 стр. — Р. Бимбаев, Краткий Русско-Монгольский словарь халхасского наречия с монгольской азбукой и необходимыми грамматическими правилами, Харбин 1914, XXIII + 127 + III стр. — Р. Бимбаев, Монгольско-русский словарь, Троицкосавск 1914, VIII + 016 + 202 + 2 стр. — Монгольско-японский словарь: Фудзиока Кацуэзи 滕岡勝二, *Mongol-činčiyan toki bičig* (Изд. Монг. книжной палаты, Пекин). ✓

— А. Позднеев, Калмыцкая хрестоматия для чтения

в старших классах калмыцких народных школ, издание (Общества Востоковедения) второе, исправленное и дополненное (первое издание под тем же заглавием было выпущено Министерством Государственных Имуществ в 1892 г.), СПб. 1907, 2 + IV + 195 стр.; изд. 3, Петроград 1915. — И. И. Малков, Монголо-бурятское чтение, учебная книга при изучении монгольского литературного языка, Чита 1922. — Хоцхо, Калмыцкая Хрестоматия, вып. II, изд. Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч-СР., Revnice, Чехословакия 1926 (вып. I видеть не пришлось).

Письмо.

— R. Gauthiot, De l'alphabet sogdien, J. A., Janvier-Février, 1911, pp. 81—95. — R. Gauthiot, Essai de Grammaire Sogdienne, première partie, phonétique, Paris 1914—1923, pp. 1—14. — Hans Jensen, Geschichte der Schrift, Hannover 1925, pp. 199—217. — Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов изд. Pancatantra, Петроград 1921, стр. 47. — Б. Я. Владимирцов, Mongolica I, Записки Коллегии Востоковедов при Азиат. Муз. Академии Наук СССР, 1925, стр. 316—321. — Paul Pelliot, Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens mongols, Asia Major, v. II, fasc. 2, Lipsiae 1925, pp. 284—289.

— Н. Амагаев и Аламжи-Мэргэн, Новый монголо-бурятский алфавит, СПб. 1910.

Книгопечатание.

Dr. B. Laufer говорит (см. ниже, стр. 27), что «калмыки кажется никогда не упражнялись в книгопечатании». Азиатскому Музею принадлежат два ойратских (калмыцких) ксиографа, неизвестного происхождения, устанавливающих, что попытки наладить книгопечатание делались и ойратами, см. Б. Я. Владимирцов, Монгольский фонд, Азиатский Музей Российской Академии Наук, 1818—1918, Краткая Памятка, Петербург 1920, стр. 81.

Старые литературные памятники.

(Уйгурского письма): — В. В. Бартольд, К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов, Живая Страна, XVIII (кн. 70—71), 1909, вып. II—III, стр. 42—47.— G. J. Ramstedt, Mongolische Briefe aus Idiquit-Schähri bei Turfan, Mit einer Einleitung von A. von Le Coq, Sitzungsberichte d. K. P. Akad. d. Wissenschaft., 1909, XXXII, pp. 838—848.— В. Л. Котвич, О вновь открытых памятниках монгольской письменности XIII и XIV вв., Записки Вост. Отд. Русск. Археолог. Общ., т. XIX, 1909, стр. XX—XXI.— Sei-iki kō-ko tsu-fu (Археологический атлас Вост. Туркестана, таблицы № 6, (з) и № 11: Монг. документы, Токио 1915).— В. Л. Котвич, Монгольские надписи Эрдэни-дзу, Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Российской Академии Наук, т. V, Петроград 1918, стр. 205—214.— Mission Peliot, Les grottes de Touen-houang, Paris 1920, pl. XII.— Paul Pelliot, Mongols et papes aux XIII-e et XIV-e siècles, Institut de France, 1922, 15 p.— Paul Pelliot, Les Mongols et la Papauté, Revue de l'Orient chrétien, 3-e s., t. III (XXIII) № 1—2, Paris 1923, pp. 3—30 (pp. 1—28 отдельного оттиска).— Władysław Kotwicz, Quelques données nouvelles sur les relations entre les Mongols et les Ouigours, Rocznik Orientalistyczny, t. II, Lwów 1925, pp. 240—248.— И. А. Клюкин, О чем писал Иль-хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г. К разбору древнейших памятников монгольской письменности. На правах рукописи. Студенческое изд., Владивосток, 1925 (литография).— И. А. Клюкин, Письмо Улдзэйту иль-хана к Филиппу Красивому, Эдуарду I-му и прочим крестоносцам, Труды Гос. Дальневосточ. Универс., сер. VI, 2, Владивосток 1926.— В. Л. Котвич, Поправки к разбору монгольских писем персидских шаханов, Записки Коллегии Востоковедов при Азиат. Музее Российской Академии Наук, т. I, Ленинград 1925, стр. 342—345.— В. Л. Котвич, Памятники монгольской письменности из

Хара-хото, из «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, Экспедиция Русского Географического Общества в нагорной Азии П. К. Козлова 1907—1909», Гос. Издат., Москва—Петроград 1923, стр. 561—566.—Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов изд. Рацатантра, Петроград 1921, стр. 42—50 (тоже, но без указателей: Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Академии Наук СССР 1925, стр. 442—450).—Wladysław Kotwicz, (рецензия): Paul Pelliot, Les Mongols et la Papauté, Rocznik Orientalistyczny, t. II, Lwów 1925, pp. 276—279.

(Квадратного письма):—Edouard Chavannes, Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole (seconde série), T'oung Pao, Série II, v. IX, № 3, Leide 1908, pp. 323, 376—381, 407—410, 413.—В. Л. Котвич, Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае: из находок П. К. Козлова в г. Хара-хото, Известия И. Русск. Географ. Общ., т. XLV, в. VIII, 1909, стр. 474—477.—G. J. Ramstedt, Mongolische Briefe aus Idikut-Schähri bei Turfan, Sitzungsberichte der K. Preussisch. Akademie der Wissensch., 1909, XXXII, p. 845.—G. J. Ramstedt, Ein fragment mongolischer quadratschrift, Journ. Soc. Finno-ougrienne, XXVII, 3, pp. 1—4.

Новейшие надписи.

— O. Franke und B. Laufer, Epigraphische Denkmäler aus China. I Teil. Lamaistische Klosterinschriften aus Peking, Jehol und Si-ngan, Berlin 1914.—E. Hänisch, Die vier-sprachige Gründungs-inschrift des Klosters Pi-yün-sze bei Peking. Übersetzt von, Ostasiatische Zeitschrift, Neue Folge I, Heft 1, pp. 1—16.—Б. Я. Владимирцов, Надписи на скалах Халхаского Цокту-тайджи. Статья первая (с 2 табл.), Изв. Академии Наук СССР 1926, № 13—14, стр. 1253—1280.—Баранов, Материалы по Маньчжурии и Монголии, вып. XVI, Харбин 1907, стр. 49.

— Ц. Жамцарано, Пайзы у монголов в настоящее время, Записки Вост. Отд. И. Русск. Географ. Общ., т. XXII, СПб. 1914, стр. 155—559.

Историческая литература.

— Краткая история монголов по монгольской летописи Хухе дебтер (Синяя книга). *Tngri ;aajar-un angx-a to;tuysan-eece za;ad-un ejelegsen za;aschin Köke debter kemetü šastir orusibai*, Монгольский текст, СПб. 1912. Тоже с одним монгольским заглавием.—Paul Pelliot, Le titre mongol du *Yuan tch'ao pi che*, T'oung Pao, XIV, pp. 131—132.—В. Л. Котвич, Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв., I—III, Известия Российской Академии Наук, 1919, стр. 791—822, 1071—1092, 1199—1214.—P. Pelliot, A propos des Comans, J. A., Avril-Juin 1920, pp. 125—185.—В. Л. Котвич, К изданию Юань-чао-би-ши, Записки Коллегии Востоковед. при Азиат. Муз. Р. Академии Наук, т. I, стр. 233—241.—Б. Я. Владимирцов, Надписи на скалах Халхаского Цокту-тайджи, Статья первая (с 2 табл.), Известия Академии Наук СССР, 1926, № 13—14, стр. 1253—1280.—*Činggis za;an-u čedig*, изд. *Mongol bičig-ün zoriy-a* (Пекин 1925).—Władysław Kotwicz, O chronologji mongolskiej, Rocznik Orientalistyczny, t. II (1919—1924), Lwów 1925, pp. 220—240 (résumé на французском языке: pp. 331—332).—*Činggis boyda-yin duraszał-un tegübäri*, изд. *Mongol ulus-un sudur bičig-ün küriyeleng* (Монг. Ученого Комитета) 1924 (Урга).—Suutu boyda Činggis-za;an-u ałtan suryal orusibai, (Изд. Ц. Жамцарано, Урга 1915).—А. Турунов, прошлое бурят-монг. народности, Иркутск 1922 (особенно стр. 46—47).—В. Котвич, Из поучений Чингис-хана, перевод с монгольского, журнал «Восток», кн. 3, Петербург 1923, изд. «Всемирная Литература», стр. 94—97.—Б. Я. Владимирцов, Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, «Северная Монголия» II, Предварит.

отчеты экспедиций о работах, произведенных в 1925 г., Комиссия по научн. исследованию Монголии при Совнаркоме СССР., Ленинград 1927, стр. 11—20.

Географическая литература.

— Путешествие в Тибет бурятского ламы Лубсац Мижода. Монгольский текст напечатан и имеет появиться в свет в издании Академии Наук СССР, текст был приготовлен к печати А. М. Позднеевым. *Musei Asiatici Notitia VII* (список материалов Ц. Жамцарапова и Б. Барадийна. 1903—1904) сообщает сведения об этом сочинении (стр. 055), а также и о некоторых других бурятских «хождениях». — Калмыцкий гелюн Пурдаш-Очир-Джунгуруев составил на ойратском (калмыцком) языке описание двух своих путешествий в Тибет в 1898—1900 и 1902—1903 гг. А. Д. Руднев подготовил ойратский текст этого «Путешествия» к печати, см. А. Д. Руднев, *Материалы по говорам Восточной Монголии*, СПб. 1911, стр. XV.—Калмыцкий База-бакши составил описание на ойратском языке своего путешествия к карашарским торгутам; А. Д. Рудневым было приготовлено к изданию (ойратский текст и русский перевод). Дальнейших сведений об этих двух работах А. Д. Руднева не имеется.

Шаманская литература.

— N. Poppe, *Zum Feuerkultus bei den Mongolen, Asia Major*, v. II, Lipsiae 1925, pp. 130—146.—Следует отметить, что B. Laufer был введен в заблуждение А. М. Позднеевым, который по недоразумению выписки из одного бурятского сочинения принял за образцы шаманской литературы. На самом деле «Шаманские тексты», напечатанные А. М. Позднеевым в его «Монгольской Хрестоматии», являются выдержками из сочинения *Xori-yin arban nügen sseiye-yin ny-un bičig* «История 11-ти родов Хори-бурят», составленного Вандан Юмсуней, Хори-

бурята, рода Цаган. Экземпляр этого сочинения (Ms.) хранится в настоящее время в Азиатском Музее Академии Наук СССР., sub Ж. 1905, № 1.—Б. Я. Владимирцов, Этнолого-лингвистические работы в Урге, Ургинском и Кентейском районах, «Северная Монголия» II, Предварительные отчеты этнолого-лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г., Ленинград 1927, стр. 20—35.

Буддийская литература.

— А. Позднеев, Калмыцкая Хрестоматия, изд. (Общества Востоковед.) втор., СПб. 1907; изд. третье, Петроград 1915: Буддийский катехизис, стр. 173—195.—Иеромон. Мефодий, Буддийское мировоззрение или ламаизм, Петербург 1902.—Дапчжа Эрдэниев, Краткое изложение веры Будды Шигемуни, под редакцией А. Позднеева, *Buddha Śigemuni-yin śaśin-utobči suryał*, СПб. 1908, изд. Общ. Востоковед.—И. Я. Кондаков, Легенда о том, как царевич Махасадова сделался Буддою, поднеся себя в пищу голодной тигрице (Вольный перевод и монгольский текст), Труды Троицко-савско-Кяхт. Отд. Приамурск. Отд. И. Русск. Географ. Общ., т. IX, в. II (1906), СПб. 1909.—*erdeni Čöjid ragini enerkü sedkiliyin üdnəsü eldeb amitanı buyun kilince erliq toli bicigtü ilqasın bolun Erliq notiyin žān amitan-du eldeb suryuli üldüqsiyini eñe yirtemjiner kilinc-sü urluju buyu bütəkiyin tölə bicüqsen mōn* (оиратский ~ калмыцкий текст, литография), СПб. 1908.—Emmanuel Cosquin, *Les Mongols et leur prétendu rôle dans la transmission des contes indiens vers l'occident européen. Étude de folk-lore comparé sur l'Introduction du «Siddhi Kūr» et le conte du «Magicien et son Apprenti», Nov. 1913.*—Г. Ц. Цыбиков, *Лам-рим чэн-по* (степени пути к блаженству), Сочинение Цзоихапы в монгольском и русских переводах, т. I, в. I, монгольский перевод, Владивосток 1910; т. I, в. II, русский перевод с предисловием и примечаниями, Владивосток 1913.—Paul

Pelliot, Notes à propos d'un catalogue du Kanjour, J. A., Juillet-Août 1914, pp. 111—150 (особенно pp. 112—113). — *Biržan Šigetuni-yin čedig orusibai* (перевод «Жизни Будды» Л. Н. Толстого, сделанный Ц. Ж. Жамцаарано), Урга 1915.— Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов из Райсатанtra, Петроград 1921, (тоже, но без указателей: Сборник Музея Антропол. и Этнограф. при Академии Наук СССР, т. V, в. 2, Ленинград 1925, стр. 401—552). — *Bayši šabi-yin üliger ene orusibai* (версия «Рассказа о мальчике, едущем на черном быке без седла») (Урга 1923). — *Xaba tour-a žuluγan-a γurba-yin üliger orusibai* (Урга 1923). — Б. Я. Владимирцов, Волшебный Мертвец, сказки (перевод *Siddhi Kūr'a*) с предисловием и примечаниями, изд. «Всемирная Литература», Петербург 1923.— Б. Я. Владимирцов, Рассказ о волшебстве, журнал «Восток», кн. 2, Петербург 1923, стр. 55—57.— *Enedkeg-ün γajar-un Bikarmijid žaγan-i toγuij orusibai*. (Сказание о Бикармиджи—Vikramāditya, известное и под другим заглавием: *Mazasamadi žaγan-i toγuij*, изд. Монг. Ученого Комитета, Урга 1923). — Б. Б. Барадийц, Беседы буддийских монахов, Сборник Музея Антропол. и Этнограф. при Академии Наук СССР, т. V, в. 2, стр. 631—656. — Бадзар Барадийн, Статуя Майтреи в золотом храме в Лавране; *Bibliotheca Buddhica*, XXII, Ленинград 1924.— Б. Я. Владимирцов, Монгольский Данджур, Доклады Академии Наук СССР, 1926-В, стр. 31—34.— Б. Я. Владимирцов, О тибетско-монгольском словаре *Li-čih gur-khañ*, Доклады Академии Наук СССР, 1926-В, стр. 27—30.

— J. Rahder, Daśabhūmika-sūtram, Seventh Stage, Acta Orientalia, v. IV, 3, 1926, pp. 214—256.—J. Rahder, Daśabhūmikasūtra et Bodhisattvabhūmi; Chapitres Vihāra et Bhūmi publiées avec une Introduction et des Notes, Soc. belge d'études orientales, Paris—Louvin 1926.— A. M. Pozdnejev, Dhyana und Samadhi im mongolischen Lamaismus, Aus d. Russ. übers. u. eingel. von W. A. Unkrig, Hannover 1926.

Китайская литература.

— Повесть о том, как Ли-мун Сянь-шэн удалился от мира, перевел с монгольского языка А. Д. Руднев, Казань 1906.— Erich Hauer, Das San-tzé King in dreisprachigen Texte mit einem chinesischen, mandschurischen und mongolischen Wörterverzeichnis samt einer deutscher Übertragung, Mitteilungen des Seminars für Orient. Spr., XVI—XVII, I Abteilung, Berlin 1924, pp. 61—198.— *Barayun Xan ulus-un teüke*, изд. Монг. книжной палаты, Пекин 1925, 10 бэнь-цзы.— Перевод Сы-шу, изд. Монг. книжной палаты, Пекин 1925, 12 бэнь-цзы.— Erich Hauer, Das Ts'ien-tzé-wen in vier chinesischen Schriftformen mit einer Übersetzung, Berlin, 1925, Mitteilung. d. Sem. f. Or. Sp., XXVIII, 1.— Paul Pelliot, Le Ts'ien tseu-wen ou «Livres des mille mots», T'oung Pao, 1926, pp. 179—214.

Дидактическая литература.

— *Mergen gegen-ü suryal orusibai* (Урга 1922, изд. Монгольского Ученого Комитета).

Народная литература.

— А. М. Позднеев, Калмыцкая хрестоматия, СПб. 1907; Петроград 1915: Джангар, стр. 93—169.— Ц. Жамцарапов, Материалы к изучению устной литературы монгольских племен, Записки Вост. Отд. И. Русск. Археолог. Общ., т. XVII, СПб. 1907, стр. 01—020.— Ц. Ж. Жамцарапо и А. Д. Руднев, Образцы монгольской народной литературы, вып. I, Халхаское паречие (тексты в транскрипции), изд. Факультета Вост. Яз. И. СПб. Университета № 26, СПб. 1908 (литография).— van Oost, Recueil de chanson mongoles, Anthropos, III, 1908, pp. 219—233.— Б. Я. Владимирцов, Легенда о происхождении дэрбэтских князей, Живая Старина, XVIII (кн. 70—71), вып. II—III, СПб. 1909, стр. 35—38.— Н. О. Очиров, Йорел'ы, харал'ы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган», *ibid.*,

стр. 84—88.—А. Д. Руднев, Мелодии монгольских племен, Записки И. Русск. Географ. Общ. по Отделению Этнографии, т. XXXIV, Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, СПб. 1909, стр. 395—430 (стр. 01—028 отд. оттисков).—G. J. Ramstedt, Kalmückische Sprachproben, erster Teil, Kalmückische Märchen, I, Mémoires de la Soc. Finno-Ougrienne, XXVII, 1, Helsingfors 1909; II, *ibid.*, XXVII, 2, 1919.—J. Curtin, A. Journey in Southern Siberia (The Mongols, their religion and their myths), London 1909.—Б. В(ладимирцов), Новый труд по монгольской народной литературе, Живая Старина, 1909, вып. IV, стр. 74—79.—Б. В(ладимирцов), Этнографические мелочи из жизни монголов, Живая Старина, 1910, в. I—II, стр. 172—175.—А. Бурдуков (с предисловием В. Л. Котвича), Образцы байтских пословиц, Живая Старина, 1910, стр. 254—259.—Сборник монголо-бурятской народной поэзии, вып. I, под редакцией Аламжи Мэргэна, СПб. 1910 (на новом бурятском алфавите).—*Taki zułan zāni üldül Tangsaq bumbā zāni ači Üzün ałdar zāni köbün üyeypin öncin Jangrariyin arban bölöq*, (СПб. 1910, по записи Н. О. Очирова, литография).—Бадзар Барадийн, Отрывки из бурятской народной литературы, тексты, Buriaad zonoi шагал eugeiin deeji, СПб. 1910. — Джангар, героическая поэма калмыков, с приложением вновь открытой и впервые издаваемой третьей главы, в оригинальном калмыцком тексте. Редактировал А. Позднеев, СПб. 1911.—Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка, Известия Вост.-Сиб. Отд. И. Русск. Географ. Общ., 1911, XLII, стр. 111 след.—А. Д. Руднев, Материалы по говорам Восточной Монголии, изд. Факультета Вост. Яз. И. СПб. Универ. № 30, СПб. 1911, стр. 5—24, 33—35, 43—60 (тексты и переводы).—Сборник монголо-бурятской народной поэзии вып. II, под редакцией Алмас Нарнаи, СПб. 1911 (на новом бурятском алфавите).—А. П. Бенигсен, Легенды и сказки Центральной Азии, СПб. 1912 (пересказы).—А. В. Бурдуков, Предание о происхождении дэрбэтских князей кости Цорос, под редакцией

В. Л. Котвича, Труды Троицкосавско-Кяхт. Отд. Приамурск. Отд. И. Русск. Географ. Общ., т. XIV, вып. 1—2, СПб. 1912, стр. 54—59.—Б. Я. Владимирцов, Библиография монгольской сказки, Живая Старина, XXI, 1912, СПб. 1914, стр. 521—528.—А. Д. Руднев, Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты, перевод и примечания) вып. 2, тексты; вып. 3, перевод и примечания, СПб. 1913—1914.—А. Д. Руднев, Царевна-безручка (бурятская сказка), Живая Старина, XXI, 1912, СПб. 1914, стр. 445—448.—G. van Oost, La musique chez les Mongols des Urdus, Anthropos, т. X—XI, 1915—1916, pp. 358—396.—И. А. Подгорбунский, Сказания и песни бурят, Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Русск. Географ. Общ., т. XLIV, 1915.—Ц. Ж. Жамцарано, Произведения народной словесности бурят; Эпические произведения Эхрит-булгатов, Былины, «Образцы Народной Словесности Монгольских племен», тексты, т. I, Петроград 1918 (издание Академии Наук).—Ilmari Krohn, Mongolische Melodien, Zeitschr. für Musikwissenschaft, III, 2, 1920.—Монгольские сказки, т. I, Богдо Бигарма Зади Хан; т. II, Шидэту Кегур или заколдованный труп; Предание о первом Цэдэн-Хане Халхасского аймака, Урга, изд. Монгольского Ученого Комитета, 1923.—Б. Я. Владимирцов, Волшебный Мертвец, сказки, перевод (*Siddhi kūr'a*), предисловие и примечания, изд. «Всемирная Литература», Петербург 1923.—Б. Я. Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос (перевод, предисловие и примечания), изд. «Всемирная Литература», Петербург 1923.—Б. А. Пестовский, О поэтической технике калмыцких песен, Бюллетень Ср.-АЗ. Гос. Унив. № 4, 1924, стр. 83—87.—Б. А. Пестовский, Монгольская и калмыцкая народная поэзия, Бюллетень Ср.-АЗ. Гос. Универ., № 7, Ташкент 1925, стр. 25—27.—Б. А. Пестовский, Калмыцкие песни, Бюллетень Ср.-АЗ. Гос. Универ. № 11, Ташкент 1925, стр. 75—80.—I. J. Schmidt, Die Taten Bogda Gesser Chan's, zu erst erschienen Petersburg und Leipzig 1839, Die heiligen Bücher des Nordens, т. I, Berlin 1925.—Ин. Клюкин, Этнические элементы в поэзии монголов

и бурят, «Жизнь Бурятии», № 9—12, Верхнеудинск 1925, стр. 97—102.—N. Poppe, Zum Feuerkultus bei den Mongolen, Asia Major, v. II, Fasc. 1, Lipsiae 1925, pp. 130—145.—A. Rudnev, A Buriat Epic, Mémoires de la Soc. Finno-ougrienne, LII, Helsinki 1924, pp. 238—249.—А. Д. Руднев, Ха-Ошир, перевод отрывка бурятской былины, Сборник Музея Антрополог. и Этнограф. при Академии Наук СССР, т. V, в. 2, стр. 557—572.—Б. Я. Владимирцов, Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия), изд. Ленинград. Института Живых Восточных Языков, Ленинград 1926 (предисловие и тексты).—Н. Н. Поппе, О некоторых новых главах «Гесер Хана», Восточные Записки, изд. Ленинград. Института Живых Восточных Языков, т. I, Ленинград 1926, стр. 190—201.—Б. Я. Владимирцов, Монгольские сказания об Амурсане, *ibid.*, стр. 271—283.—Б. Я. Владимирцов, Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, «Северная Монголия» II, Ленинград 1927, стр. 1—11, 20—35.—A. N. T. Whymant, Mongolian Proverbs: A Study in the Kalmuck Colloquial, J. R. A. S., 1926, pp. 257—268.—Бурятоведческий сборник, выш. I, издание Бурят-Монгольской Секции Вост.-Сиб. Отд. Рус. Географ. Общ., Иркутск 1926.

— *Činggis-un ḥoyar ege jaγał-un toγuji orusibai* (Былина, первое издание: Урга, изд. Министер. Иностр. Дел-γadaγaduγin γatap; второе издание: Урга 1922, изд. Монг. Ученого Комитета).

Юридическая литература.

— Н. Попов, Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжанъ, Записки Вост. Отд. И. Русск. Археолог. Общ., т. XVII, СПб. 1907, стр. 0150—0163.—Г. Ц. Цыбиков, Образцы монгольских деловых бумаг, Владивосток 1915, изд. Восточного Института (литография).—Ц. Жамцарано и А. Турунов, Обозрение памятников писаного права монгольских племен, Сборник трудов профессоров и

преподавателей Гос. Иркутского Университета, Иркутск 1920, стр. 1—13.—Ц. Жамцарапо и А. Турунов, Халха Джиrom (описание памятника), Сборник трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского Университета, вып. 6, 1923, стр. 1—18.—В. А. Рязановский, Обычное право монгольских племен: Часть вторая, Обычное право бурят, Чита 1921.

Медицинская литература.

— А. Позднеев, Учебник тибетской медицины, *bDud-rci sñiñ-po yan-lag-brgyad-pa gsam-ba tan-nag-gi gyud. Rasiyan-u jérüken nañiman gesigüü niyuča ubadis-un ündüsün*, т. I, СПб. 1908, изд. И. Академии Наук.—Н. Кириллов, Современное значение тибетской медицины, как части ламайской доктрины, СПб. 1892 (с приложением диагностических таблиц).—П. А. Бадмаев, Главное руководство по врачебной науке Тибета Жуд-ши, в новом переводе, СПб. 1903.

В заключение надо упомянуть о том, что за последние годы у Монголов стали появляться газеты и журналы (Харбин, Урга, Верхнеудинск), политические памфлеты (иногда литографированные), наконец переводная с русского, главным образом, литература политического и политico-экономического характера. Главные издательские центры: Урга (Улан Батор), Верхнеудинск и Пекин. Замечаются попытки к созданию новых учебных пособий по европейским образцам, появляются первые начатки беллетристики и театра (Урга и Верхнеудинск).

Очерк монгольской литературы.

Перевод с немецкого В. А. Казакевича.

Нижеследующий очерк я составил по желанию издателя журнала «*Keleti Szemle*», Dr. Bernhard Munkácsi. Он должен служить пособием для тех, кто желает иметь введение в область монгольской литературы, чтобы ознакомиться с работами и достижениями вплоть до настоящего времени и получить указания и возможность к самостоятельной работе. История монгольской литературы не может быть еще написана, для этого пока совершенно отсутствуют серьёзные предварительные работы и существует еще много неподобrанных сокровищ. Проф. А. Позднеев опубликовал в 1896—1897 гг. литографированное издание своих «Лекций по истории монгольской литературы»¹ в двух книгах; эта работа весьма критическая и основательная, но ни в коем случае не история литературы в истинном смысле, а скорее литературное исследование существующей европейской литературы по монгольским памятникам. Между тем ничего сейчас и не может быть дано. Поэтому мои заметки являются в сущности рефератом. Нечто новое я добавил в вопросе о квадратных надписях; кроме того я пользовался находящимися в королевской библиотеке в Дрездене калмыцкими рукописями, нарочно изготовленным каталогом которых обладаю, и прежде всего моей собственной библиотекой насчитывающей до тысячи томов

¹ В последующем приводимое как «Позднєевъ, Лит.» К сожалению в моем распоряжении только первая часть; вторая должна касаться квадратных надписей.

монгольских и тибетских изданий.¹ К сожалению я не был в состоянии пользоваться ею здесь в полном объеме, как я желал бы, т. к. каталогизация ее далеко еще не закончена. Я надеюсь иметь право на снисхождение со стороны тех, кого не вполне удовлетворяют мои ссылки на существующую литературу, особенно русскую; более старая и более новая русская литература по этим вопросам очень малодоступна, по большей части исчезла из обращения и здесь, в библиотеках Нью-Йорка почти не имеется.

Сокращения, употребляемые для периодических изданий такие же как обычно в библиографии по Востоку. «Казань», приводимое с последующим номером и числом, относится к «*Каталогу Санскритскимъ, Монгольскимъ, Тибетскимъ, Маньджурскимъ и Китайскимъ книгамъ и рукописямъ, въ Библиотекѣ Имп. Казанскаго Университета хранящимся*», Казань, 1834, 30 стр. (содержит список книг и рукописей, приобретенных Ковалевским в своих поездках). Сокращение «*Göttingen*» означает «*Verzeichnis der Handschriften im Preussischen Staate. 1 Hannover 3 Göttingen*» (d. i. Band III). Berlin, 1894.

Пособия к изучению монгольского языка.

1. **Грамматика.** — Как лучшую практическую грамматику монгольского письменного языка можно рекомендовать грамматику А. Бобровникова;² грамматику Schmidt'a³ нужно считать всё же как устаревшую и часто грешающую в отношении произношения. Хороша также краткая грамматика Ковалев-

¹ При потребности в занятиях по тибетско-монгольским вопросам я в любое время охотно готов переслать своим коллегам отдельные произведения из этого собрания для свободного пользования.

² А. Бобровниковъ, *Грамматика монгольско-калмыкаго языка*, Казань, 1849, XI + 400 стр.

³ I. J. Schmidt, *Grammatik der mongolischen Sprache*. St. Petersburg, 1831, 40, XII + 179 р. Также в русском и французском переводах. Сочинение Carlo Ruini, *Elementi della grammatica mongolica* (Firenze 1878) является составленным по всей кратких очерком. Léon Feer, *Tableau de la grammaire mongole* (Paris, 1866, 8 литографированных страниц, 40) дает лишь схему грамматики.

ского.¹ К новым работам принадлежат лекции Котвича² и Руднева,³ в которых прежде всего фонетика получает далеко ушедшую вперед научную обработку. Интересные дополнения к последнему предмету находятся в «*Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türkssprachen*» W. Radloff'a и в весьма стоящем труде P. Schmidt'a «*Der Lautwandel im Mandschu und Mongolischen*».⁴ Очень основательными достижениями являются также работы G. J. Ramstedt'a,⁵ который имеет большие заслуги в изучении современных монгольских наречий.

Для калмыцкого языка мы обладаем превосходной работой А. Попова.⁶ В выше упомянутой грамматике Бобровникова калмыцкий язык трактуется в сравнении с монгольским. Напротив, ничего не стоит литографированное сочинение Н. А. Zwick'a,⁷ т. к. оно ничто иное, как стереотип с грамматики Schmidt'a с перенесением монгольской на калмыцкое письмо.

К бурятскому языку имеют отношение произведения М. А.

¹ Осипъ Ковалевскій, *Краткая грамматика монг. книжного языка*, Казань, 1895, 197 стр.

² Вл. Л. Котвичъ, *Лекции по грамматике монгольского языка*, СПБ., 1902.

³ А. Д. Рудневъ. *Лекции по грамматике монгольского письменного языка*, выпускъ I, СПБ., 1905.

⁴ *Journal of the Peking Oriental Society*, Vol. IV, Peking, 1898, pp. 28—78.

⁵ *Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen* (*Journal de la Société finno-ougrienne*, Vol. XXI, 2, Helsingfors, 1902, 55 p.). — *Über die Konjugation des Khalha-Mongolischen* (отдельный оттиск из *Mémoires de la Société finno-ougrienne*, Vol. XIX, Helsingfors, 1902, XV + 119 pp.). — *Mogholika, Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan* (из *Journal de la Société finno-ougrienne*, Vol. XXIII, 4, Helsingfors, 1905, III + 60 p. + 1 tab.). — *Über mongolische Pronomina* (из *Journal de la Société finno-ougrienne*, Vol. XXIII 3, Helsingfors, 1904, 20 p.). Некоторые из сообщаемых здесь наблюдений не новы, но были уже произведены W. Schott'ом раньше. — Сравн. А. Д. Рудневъ, *Защита докторской диссертации Г. И. Рамстедта и два его труда в области монгольской грамматики*, СПБ., 1904, 26 стр. (отдельный оттиск из *Трудовъ Троицкосавско-Благовѣщенскаго Отдѣленія Имп. Русск. Геогр. Общества*, Том VI, № 2, 1903, стр. стр. 98—123).

⁶ *Грамматика калмыцкаго языка сочиненная Александромъ Поповымъ*, Казань, 1847, IX + 390 стр.

⁷ *Grammatik der west-mongolischen, das ist Oirat oder Kalmükischen Sprache*, Königsfeld, 1851, 147 p.

Castrén¹, G. Bálint², A. Орлова³, Н. А. Волошинова⁴ и А. Д. Руднева⁵. Халхаское наречие вкратце трактовали Vitale и de Sercey⁶, ордосское M. G. Soulié⁷ (но слабо). П. Мелиоранский опубликовал интересную работу одного арабского филолога по монгольскому языку.⁸

С точки зрения научного языкоznания занимался монгольским языком W. Schott,⁹ чьи сочинения имеют ценность еще и в настоящее время и во всяком случае представляют собой захватывающие по интересу литературные произведения. В противоположность этому, многие из более старых сочинений по общему языкоznанию (Max Müller, Whitney, Steinthal, Fr. Müller и др.), мимоходом касавшиеся монгольского языка, в настоящее время имеют не больше как историческое значение. Монгольский язык имел оригинальную судьбу быть осужденным

¹ Versuch einer burjäischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis, herausgegeben von A. Schieffner, St. Pet., 1857, XV + 244 p.

² Az éjszaki burját-mongol nyelvjárás rövid ismertetése (*Nyelvtudományi Köslémények*, Vol. XIII, Budapest, 1877). Из венгерских работ по монгольскому языку можно сверх того упомянуть J. Budenz, Rövid mongol nyelvtan (*Ibid.*, Vol. XXI, 1890), и G. Bálint, Párbeszám a magyar és mongol nyelv terén, Budapest, 1877.

³ Грамматика монголо-бурятской разговорной языка, Казань, 1878, X + 265 стр.

⁴ Русско-монголо-бурятский переводчикъ, 2. Издание, СПБ., 1898, XVIII + 108 стр.

⁵ Материалы для грамматики монгольской разговорной языка, Зап., Том XIV, 1902, стр. стр. 036—042.

⁶ Grammaire et vocabulaire de la langue mongole (*Dialecte des Khalkhas*), Pékin, 1897, VIII + 68 p.

⁷ Éléments de grammaire mongole (*Dialecte Ordoss*), Paris, 1903, VII + 87 p.

⁸ Арабъ филологъ о монгольскомъ языке (Арабский текст, перевод и комментарий), Зап., Том XV, 1904, стр. стр. 75—171.

⁹ Особо могут быть названы (кроме многочисленных более мелких работ) большие труды Über das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht, Berlin, 1849; Altaische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der Altai-Sprachen (*Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1860, pp. 587—621); тоже, вторая книга, *ibid.*, 1861, pp. 153—176; тоже, третья книга, *ibid.*, 1867, pp. 89—153; тоже, четвертая книга, *ibid.*, 1870, pp. 267—307 (также под заглавием: *Die fürwörlichen Anhänge in den Tungusischen Sprachen und im Mongolischen*); тоже, пятая книга, *ibid.*, 1872, pp. 1—46, Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenclasse, wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen (*Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1853, pp. 1—29).

этой схематизирующей школой и изображаться как отшугивающий пример навеки застывшего, неизменяющегося языка, в то время как не только в отношении письменного языка к образцам живой речи, но даже в составе периодов самого письменного языка происходил заслуживающий внимания процесс развития. Интересны разнообразные труды Heinrich Winkler'a,¹ относящиеся главным образом к синтаксису алтайских языков, но свидетельствующие о сожалению о большой поспешности. Стоит отметить сравнительную грамматику алтайских языков Josef Grunzel'я.²

2. Лексикография. — Если мы не будем обращать внимания на самые старые опыты маленьких словарей,³ то первым научным достижением из области монгольской лексикографии был в Европе словарь I. J. Schmidt'a.⁴ Намерение составителя, как он отмечает в предисловии, заключалось не в том, чтобы издать словарь, охватывающий всё богатство монгольской речи, а в том, чтобы ограничиться выбором нужнейших и употребительнейших слов и выражений. Количество подобранных им слов достигает 13,000, но всё же не является достаточным для чтения произведений, как напр. им же самим изданного Санансээн'я. Однако это могло бы служить в достаточной мере для чтения более легких рассказов, *jataka* и т. п. Немецкие и рус-

¹ В особенности *Uraltaische Völker und Sprachen*, Berlin, 1884.

² *Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen nebst einem vergleichenden Wörterbuch*, Leipzig, 1895.

³ Самым старым трудом этого рода является *Vocabularium Calmucko-Mongolicum* шведа Philipp Johann von Stralenberg'a *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*, Stockholm, 1730. S. 137—156). — *Das Handwörterbuch der westmongolischen* [т. е. калмыцкого] *Sprache* (Donaueschingen, 1853) Н. А. Zwick'a имеет только незначительную ценность. Работа П. Смирнова, *Краткий русско-калмыцкий словарь* была напечатана в Казани, 1857, (127 стр.), другой — *Русско-калмыцкий словарь* К. Голстунского, Ст. Петербургъ, 1860, 136 стр.

⁴ *Монгольско-Немецко-Российский Словарь, со присовокуплением немецкого и русского алфавитных списковъ*, составленный Я. Шмидтомъ (*Mongolisch-Deutsch-Russisches Wörterbuch*, von I. J. Schmidt), издано Императорской Академией Наукъ, С. Петербургъ, 1835, 613 стр., 49. Имеются указатели русских и немецких словъ.

ские указатели в конце с ссылками на монгольскую часть делают этот труд до сих пор очень ценным. Основательный шаг вперед представляет расширенный словарь Ковалевского,¹ который, проведя много лет среди монголов, имел таким образом возможность собрать большую часть своих материалов и проверить их прямо на месте. Кроме того он обладал большой начитанностью в монгольской литературе; произведения, которыми он пользовался, упоминаются в виде особой сводки в предисловии и приводятся часто в примечаниях. Он дает также сравнения из тунгусских и тюркских языков вместе с санскритскими, тибетскими и китайскими эквивалентами; тибетские правда не всегда правильны, и несмотря на высокое достоинство в общем, существуют многочисленные недостатки в мелочах. Этот труд в настоящее время превзойден прекрасной работой Голстунского,² которая дает исчерпывающее представление о сокровищах монгольского языка и содержит много новых материалов, не встречающихся у Ковалевского. Старые данные исправлены конечно.

3. Хрестоматии. — В европейских изданиях монгольских текстов, которые большей частью напечатаны в России, нет недостатка. В Пекине имеются две типографии, которые, с начала восемнадцатого столетия до новейшего времени, занимались изданием монгольских (и тибетских) ксиографов в хорошем, удобочитаемом виде и по дешевой цене; таковые могут быть сравнительно легко приобретены, хотя многие из них сейчас разошлись

¹ Монгольско-Русско-Французский Словарь . . . составленный Осипомъ Ковалевскимъ (Dictionnaire mongol-russe-français, dédié à Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, par Joseph Etienne Kowalewski), Казань, 1844, 1846, 1849, 3 тома, 2600 стр., 4⁰. На заглавном листе второго и третьего тома добавлено: soutenué par l'Académie impériale des sciences.

² Монгольско-русский словарь, составленный К. Ф. Голстунскимъ, СПБ., Том I, 1895, 268 стр., Том II, 1894, 462 стр., Том III, 1893, 491 стр. Дополнения к монгольско-русскому словарю, 1896, 89 стр., 4⁰, литографировано. Нельзя не выразить глубокого сожаления о том, что этот словарь не появился в печати; литографированная русская скроцись ни в коем случае не представляет радости для глаз не русского читателя.

и поэтому недоступны. Для первоначального изучения рекомендуются следующие три хрестоматии, представляющие отличный общий обзор всей области монгольской (с включением калмыцкой) литературы и вводящие в разнообразные стилистические разновидности отдельных литературных областей. Хрестоматия Попова¹ дает выбор из десяти вещей повествовательного или исторического содержания с комментариями и имеет преимущество быть снабженной кратким, но весьма ясным глоссарием, что сберегает начинающему много времени и усилий. На значительно более широком основании поконится превосходное произведение Ковалевского,² которое в то же время удобно для введения в область мысли и в историю буддизма. Объяснения чрезвычайно подробны и поучительны, расположены в хорошем указателе и даже теперь могут быть использованы. Новейшей работой из этой области является хрестоматия А. Позднеева,³ опережающего своих предшественников в многообразии и богатстве содержания материалов и развертывающего перед глазами читателя всю массу монгольской литературы во всех ее разветвлениях. Как ни достоен этот выбор, в особенности вновь предлагаемого материала, но всё же способ издания заставляет желать многого и стоит ниже труда Ковалевского без всяких сомнений. Тексты напечатаны без каких либо примечаний, и книга удивительным образом не имеет даже оглавления, не говоря уже об указателе. Замечание на заглавном листе о том, что это предназначено «для первоначального преподавания», требует поэтому

¹ Монгольская хрестоматія для начинающихъ обучаться монгольскому языку, изданная Александромъ Поповымъ, Казань, 1886, две части; I. тексты, стр. стр. 1—144; комментарии, стр. стр. 145—318; II. глоссарий, 199 стр.

² Монгольская хрестоматія, изданная Осипомъ Ковалевскимъ, Казань, 1836, 1887, 2 тома; Том I, XVI, тексты, стр. стр. 1—243; комментарии стр. стр. 247—588; Том II, тексты, стр. стр. 1—207; комментарии, стр. стр. 211—532; указатель, стр. стр. 533—594.

³ Монгольская хрестоматія для первоначального преподаванія, составленная А. Позднѣевымъ, с предисловіемъ профессора Н. И. Веселовскаго. Изданія факультета Восточныхъ Языковъ Имп. С.-Пет. Университета, №. 7, СИБ., 1900, XVIII + 416 стр., тексты, 4⁰.

известного ограничения; под руководством знающего преподавателя начинающий конечно может этим пользоваться, но как может справиться с этим тот, кто располагает лишь самим собой и своими собственными средствами — а из числа изучающих монгольский язык вне пределов России таких ведь безусловное большинство? Некоторые тексты не могут быть поняты без знания китайского или тибетского языков; как может например понять начинающий, без указаний, многочисленные транскрипции тибетских имен на стр. 379 (напр. *smon-lam rab ḥbyams-pa bstan ḥdzin grags-pa* и др.)? Даже в монгольских изданиях такие названия из чужого языка располагаются в тибетском изображении на страшице слева.

Монгольский язык в Китае и Корее и туземная лексикография.

Для китайцев, начиная со времени династии Юань, монгольский язык всегда имел большое значение, которое при династиях Мин и Цин скорее увеличилось, чем уменьшилось: потому что с включением Монголии в систему управления Империей потребовалось содержание административного аппарата. В обязанности его само собой разумеется входили перевод китайских эдиктов и законов на монгольский язык и составление монгольских документов. Поэтому китайцы и не побоялись труда предоставить дополнения к монгольской грамматике и лексикографии, а в школе переводчиков с иностранных языков в Пекине самое важное место занимал монгольский язык.¹ Эта школа была организована по новому в 1407 году, при императоре Юн-ло, и разделена на восемь классов: первый из них был монгольский.

¹ Сравн. F. Hirth, *The Chinese Oriental College (Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society, New Series, Vol. XXII, Shanghai, 1888, pp. 203—219.* — G. Devéria, *Histoire du collège des interprètes de Péking (Fragment), Mélanges Harlez*, Leiden, 1896, pp. 94—102. См. также Abel-Rémusat, *De l'étude des langues étrangères chez les Chinois, Mélanges asiatiques*, Vol. II, Paris, 1826, pp. 242—265.

Во главе учреждения стояли 38 директоров или учителей, экзамены сдавались ежегодно, и студентам представлялись награды в виде ученых степеней. В 1644 году, при новой династии, школа была снова официально открыта как государственное учебное заведение, и среди десяти изучавшихся тогда языков монгольский был снова во главе. В 1658 году его будто бы исключили из предметов преподавания, — сообщение, кажущееся нам странным, ибо как раз при следующих императорах Кан-си и Цянь-лун'е монгольский язык с особой любовью употреблялся в литературных целях и в продолжении восемнадцатого столетия, также как и в настоящее время, им постоянно пользовались для административных надобностей. Abel-Rémusat,¹ которому мы обязаны этим известием, пробует объяснить данное обстоятельство той мыслью, что монгольский язык был слишком распространен, чтобы существовала еще нужда в переводчиках. Это однако недостаточное доказательство, потому что раньше, при существовании переводчиков, язык был по меньшей мере настолько же распространен, и вряд ли может идти речь о его еще большем распространении после того времени. Проф. Hirth открыл рукописное издание произведения *Хуа-и-и-ю* в 24 томах, в котором представлены, для потребности китайцев, изучавшиеся в школе переводчиков языки. Первый том содержит распределенный по предметам словарь, китайское значение слов в середине, монгольское слово в оригинальном написании справа, и произношение в китайских иероглифах слева. В восемнадцатом томе имеется собрание монгольских документов с китайским переводом.

Манджуры, задолго до своего господства над Китаем, при

¹ *Recherches sur les langues tatares*, Paris, 1820, p. 220.

² A. Wylie (*Notes on Chinese Literature*, 2 Ed., Shanghai, 1901, p. XX) замечает, что имеется еще один словарь монгольского языка под заглавием *Хуа-и-и-ю* выпущенный одной императорской комиссией в 1882 году, спустя 15 лет после падения династии Юань. То что словарь Hirth'a в своей основе происходит от этого или похожего на него источника эпохи Юань, является не только возможным, но даже весьма вероятным.

дипломатических сношениях с монголами нашли полезным достигнуть известного совершенства в их литературе, и будто бы заставляли даже молодых людей изучать монгольский язык.¹ Красноречивым доказательством этого влияния служит образование маньчжурского письма, которое составлено по образцу монгольского.

Большой интерес возбуждает вопрос, в какой степени монгольский язык мог влиять на китайский. Летописи династии Юань само собой разумеется киши монгольскими собственными именами, но и вместе с тем заимствованиями из монгольского языка; опять же, стилистические и фразеологические особенности той эпохи могут быть отнесены к монгольскому влиянию. Объемистый материал для суждений по этому вопросу собрал Chavannes,² который находит своеобразные обороты и выражения в китайском канцелярском языке тринадцатого века. Влияние их чувствуется поныне как в официальном стиле, так и в разговорном языке. Однако Chavannes выражает мнение, что не все эти явления объясняются при помощи монгольского языка, и что еще не могут быть достаточно точно определены те причины, которые тогда так сильно изменили китайский язык.³

При династии Мин монгольский язык пенится в Китае главным образом с точки зрения пользы, диктуемой политикой (см. выше), но все же Rémusat⁴ упоминает о составленном по предметам монголо-китайском словаре Хань-линь Хо-юань-цзе(?)

Вообще же мы обладаем только немногими монгольскими документами эпохи династии Мин. К ним принадлежит замечатель-

¹ Rémusat, *Recherches sur les langues tatares*, Paris, 1820, p. 219, и Wyllie, *Chinese Researches*, Shanghai, 1897, Part IV, p. 261.

² *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole*, *T'oung Pao*, 1904, pp. 357—447; 1905, pp. 1—42.

³ *T'oung Pao*, 1904, pp. 417—418. Об одной заимствованной из монгольского языка интересной грамматической форме сравни. *ibid.*, p. 389, Note 1.

⁴ *Recherches sur les langues tatares*, Paris, 1820, p. 218; но пояснение, что по монгольски писалось при помощи ўйгурского (Гао-чан) письма, должно возбуждать сомнение.

ное письмо, добытое Позднеевым от одного ламы из храма Юн-хо-гун в Пекине в 1893 г. Это письмо было отправлено в 1580 году Алтан-хан'ом к императору Вань-ли, с сообщением о послании обычной дани. Письмо составлено по монгольски и по китайски, первое является весьма несовершенным переводом китайского текста, который мог быть изготовлен только каким нибудь китайцем. Дело в том, что переводчик выискивал каждое китайское слово в словаре и брал его в том самом виде, в котором он его там находил; таким образом он списал глагольные формы в повелительном наклонении, даже когда смысл текста требовал другого оборота; если в словаре не оказывалось, то он писал китайское слово монгольской транскрипцией. Поэтому монгольский текст почти ничего не стоит и совершенно не заслуживает быть причисленным к монгольской литературе. Еще менее, однако, можно считать это, как пробовал Chavannes,¹ доказательством невероятного падения монгольской литературы после династии Юань, а также быть того мнения, что Алтан-хан не имел вокруг себя никого, кто был бы в состоянии правильно написать монгольское письмо.

При современной династии, именно в восемнадцатом веке, изучение монгольского языка в Китае процветало. В 1780 году вышел, под названием *Сань-хо-бянь-лань* (12 том.), обзор китайского, манджурского и монгольского языков, который содержит в первой главе манджурсскую грамматику с китайскими пояснениями, а во второй — сравнительный очерк манджурских и монгольских частей речи, вместе с монгольской таблицей слогов и некоторыми правилами произношения падежных окончаний.

¹ *Journal Asiatique*, Janv. — Févr., 1896, p. 179.

2 Письмо опубликовано и переведено А. Позднеевым, *Вновь открытый памятник монгольской литературы эпохи династии Мин. (Восточные Записки. Сборник статей и исследований профессоров факультета восточных языков)*, С. П. Унив., СПБ., 1895, стр. стр. 367—386, (Таблица). — Chavannes (*Journal Asiatique*, Janv. — Févr., 1896, pp. 173—179) дал подробный анализ работы с переводом письма.

Последняя глава обработана Н. С. v. d. Gabelentz'ом.¹ Но самой ценной составной частью этого труда являются томы 2—10, содержащие сравнительный словарь. В первом столбце даны маньчжурские слова в алфавитном порядке, во втором китайские (разговорный язык), в третьем монгольские в оригинальном написании, в четвертом транскрипция монгольского текста маньчжурским шрифтом.² Так как в маньчжурском письме каждый звук выражается особым знаком, то благодаря этому словарю можно легко выучить произношение монгольских слов; ему даже принадлежит известная историческая ценность, ибо в нем очевидно установлено произношение того времени, конца восемнадцатого столетия.

Большое значение, которое имел монгольский язык для маньчжурского в тогдание время, сказывается прежде всего в ряде больших словарей, составленных по императорским распоряжениям. Сюда относится издание по повелению императора Кан-си в 1708 году целым синклитом ученых «Зерцало маньчжурского и монгольского языков» в 21 томах,³ где маньчжурский текст по-

¹ *Mandschu-mongolische Grammatik aus dem Sān-hō-piān-lān übersetzt, Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Band I, Heft 3, Göttingen, 1837, S. 255—286. Сравн. P. G. v. Möllendorff, *Essay on Manchu Literature (Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society, Vol. XXIV, 1889)*, p. 7, Nr. 2. — По Gabelentz'у книга напечатана в 1772 г., по Möllendorff'у в 1780 г., по И. Захарову (*Полный маньчжурско-русский словарь*, СПБ., 1875, стр. XVIII) в 1792 г. Могли ведь быть различные издания в то время; экземпляр, добытый мною в Пекине, имеет предисловие датированное 1780 годом (по китайски Цянь-лун-гэнь-цээ; маньчжуро-монгольский: год белой мыши правления Цянь-лун), и поэтому я пока оказываю предпочтение этому числу перед тем, которое относится к составлению сочинения. Автор последнего — маньчжур по имени Фугијүн (по китайски Фу-цзюнь).

² Томы 11 и 12 содержат дополнительный словарь, главным образом составных слов, расположенных в маньчжурском алфавитном порядке, а не короткие предложения на трех языках, как говорит Möllendorff.

³ P. G. v. Möllendorff, *Essay on Manchu Literature*, p. 12, Nr. 34. Сравн. M. Abel-Rémusat, *Notice sur le dictionnaire intitulé: Miroir des langues mandchoue et mongole (Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi, Vol. XIII, 1-е partie, 1838, pp. 1—41)*, который дает маньчжурский и монгольский текст обоих предисловий с переводом; Himly, *T'oung Pao*, Vol. VI, p. 258.

ясняется через монгольский. Из опубликованных Цянь-лун'ом словарей относится к монголистике три издания: зерцало манджурского языка с монгольским и китайским переводами в 24 томах,данное в 1780 году или немного позднее; четырехязычный словарь в 10 томах, которому еще добавлен тибетский язык;¹ и большой четырехязычный словарь в 36 томах.² Эти разные издания имеют в своей основе одинаковую схему расположения понятий по предметам с китайской точки зрения.³ Поэтому пользование монгольской частью нам весьма затруднено, но сами китайцы устранили этот недостаток при помощи другой работы.

К числу их превосходных достижений именно в области монгольской филологии принадлежит большой монгольско-китайско-манджурский словарь (16 томах, 4⁰, вместе с одним томом, содержащим введение), который был отпечатан в новом издании в 1891 г. по представлению Ли-фаль-юань (*Mongγol-un išüg yuriyaysan bichig*). Это показывает, что еще и поныне интерес к монгольскому языку у подлежащих властей стоит высоко

¹ P. G. v. Möllendorff, I. c., p. 13, Nr. 43, и p. 14, Nr. 44.

² Без предисловия и недатирован, не упоминается у v. Möllendorff'a. Китайское наименование: Юй-чи-сы-ти Дин-вэнь-цзянь. В этом блестящем напечатанном издании на каждой странице находится по четыре слова, первая строка по манджурски, вторая по тибетски, третья по монгольски, четвертая по китайски, без добавления транскрипций — Британский Музей сверх того обладает уникальным, пятиязычным словарем (36 томов большего folio) изумительно красивой рукописи, которая могла бы быть предназначена только для императорского употребления, на что указывают также переплеты из желтого шелка. По содержанию это сокровище вполне соответствует вышеупомянутому четырехязычному словарю: пятым языком является джагатайско-турецкий. Джагатайские слова сперва представлены в оригинальном написании, а затем в манджурской транскрипции; тибетские снабжены даже двумя манджурскими транскрипциями, одной, следующей дословно тибетскому письму, другой передающей произношение. Этот труд кажется никогда не был напечатан; во времена моего пребывания в Пекине я производил старательные поиски, однако совершенно невозможно было достать другой экземпляр.

³ Кто не имеет оригинала под рукой, тот может руководствоваться при изучении содержания и принципов его расположения работой J. Klaproth'a, Каталог китайских и манджурских книг и рукописей Кор. Библиотеки в Берлине (Paris, 1822, pp. 97—108).

и всячески поддерживается. Словарь составлен в порядке монгольского алфавита и при своей красивой печати является весьма удобным справочником, который всегда может служить в тех случаях, когда Ковалевский и Голстунский не дают ответа или оставляют в сомнении.¹

То что китайцы и манджуры продолжают изучать монгольский язык даже и в течении последнего времени, ясно, кроме других признаков, из того доказательства, что в 1830 г. для практического употребления был напечатан сборник разговоров на трех языках; издал его бригадный генерал красного знамени и князь аймака Баарин, Демег. Для этой цели он перевел на свой родной язык один манджурский текст, составленный при Цянь-лун'е, но пользовался при написании манджурским алфавитом, чтобы пагляднее представить большее богатство звуков разговорного языка, к чему монгольское письмо вряд ли могло достаточно служить, при его часто встречающихся разнообразных значениях некоторых букв. По этой причине тексты представляют большой интерес, т. к. они стараются отобразить фонетику и затем весь стиль разговорного языка. Проф. W. Grube приобрел поэтому ценные заслуги, критически издав монгольский текст в точной транскрипции.² Китайский текст напечатан вместе с переводом в *Цзы-эр-чиши Wade'a*;³ с еще большей

¹ Экземпляр, приобретенный мною в Пекине, находится сейчас в Chinese Department of Columbia University, New-York. Проф. А. Позднеев начал издавать этот словарь в виде приложения к *Известиям Восточного Института во Владивостоке* (под названием *Монгольско-Китайско-Маньчжурский словарь въ русско-французскомъ переводе*). До сих пор я видел из него только страницы 1—48 (без предисловия), из которых известно, что дело касается лишь точного перепечатывания данного монгольско-китайского словаря.

² *Proben der mongolischen Umgangssprache*, WZKM, Band XVIII, 1904, S. 343—376; Band XIX, 1905, S. 29—61. Кроме того этот текст или совершенно похожая на него книга вышла в свет еще до 1830 г., так как уже Тимковский. (*Путешествие въ Китай чрезъ Монголию въ 1820 и 1821 годахъ*, Том II, Санктпетербургъ, 1824, стр. 396) упоминает в списке приобретенных им в Пекине книг «Сто разговоровъ на Монгольскомъ языке съ переводомъ Китайскимъ». Монгольское и трехязычное издание приводится также в Казанском каталоге от 1834 года под Nr. Nr. 17 и 18.

³ Но к сожалению выпущен в 3-м издании (Shanghai, 1904).

пользой можно будет руководствоваться маньчурским текстом, который опубликовал Р. Г. в. Мёллендорфф¹ в оригинальной транскрипции с примечаниями и переводом.

В 1848 г. министр Sayišangγa, маньчур по происхождению, обнародовал компендиум монгольского языка в четырех томах, который содержит маньчурские слова и выражения с китайским и монгольским переводом.² Почти что к тому времени, к которому принадлежат эти пособия, относится замечание Иакинфа Бичурина, заслуживающее быть приведенным здесь:

«Для образования юношества в монгольской словесности заведены китайским правительством училища в Калгане и Пекине. В первом обучаются чахарских детей языкам монгольскому и маньчурскому, приготовляя их к производству письменных дел по своему корпусу. В Пекине для Монголов, обучающихся своей словесности, установлено испытание, на котором дают задачи для перевода сочинений в прозе и стихах. Испытуемые разделены на три массы, т. е. на поступающих в студенты, кандидаты и магистры».³

Изучение монгольского языка проникло даже в Корею. Правящая династия этой страны разделила уже раньше существовавший приказ переводчиков на четыре отдела для изучения языков китайского, монгольского, японского и нюйчженского (последний впоследствии заменен маньчурским). В 1469 г. эти

¹ A *Manchu Grammar with analysed Texts*, Shanghai, 1892, pp. 15—50. Сравн. G. v. d. Gabelentz, *ZDMG*, Band XVI, 1862, S. 589.

² P. G. v. Mёллендорфф, *Essay on Manchu Literature*, I. c., p. 7, Nr. 3. Имя Sayišangγa не означает, как переводит Mёллендорфф, the praiser, а гласит «достойный похвалы». Из трехязычного предисловия к его книге, один экземпляр которой мною привезен из Пекина, я получаю доказательства того, что составитель ее находился в особо выгодных условиях при изучении монгольского языка. В 1811 г., когда ему было только четырнадцать лет, он сопровождал своего отца, командированного по распоряжению Ли-Фань-Юань (Учреждение в Пекине для управления внешними провинциями) в Сайр-усу начальником почты, и отдался там изучению монгольской литературы.

³ Записки о Монголии, сочиненные монахомъ Йакинеомъ, Санктпетербургъ, 1828, Том I, стр. стр. 206—207; *Deakwürdigkeiten über die Mongolei von dem Mönch Hyakinth. Aus dem Russischen übersetzt von K. F. v. d. Borg, Berlin (G. Reimer), 1832, S. 152.*

четыре отделения были окончательно сконструированы, что видно из опубликованных в то время государственных постановлений, которые сообщают список изучаемых книг по каждому отделению. Монгольское могущество было сломлено еще за столетие до этого времени, и если изучение монгольского языка было все-таки сохранено, то это показывает, что сношения корейцев с монголами и тогда имели известное значение. Из книг, упоминаемых в постановлениях 1469 г., большое количество потеряно, некоторые существуют еще в изданиях восемнадцатого столетия, находящихся в библиотеке Ecole des Langues Orientales в Париже; корейские известия об этих книгах относятся к концу семнадцатого века. Maurice Courant¹ насчитывает двадцать трудов такого рода, между ними грамматики, одна, содержащая монгольский текст в корейской транскрипции с переводом разных выражений в конце, напечатана в 1741 г., другая, сходного содержания под названием «Толкование монгольского языка», не-печатано в 1737 г. и использовано в 1744 г. на монгольских экзаменах. В королевской библиотеке в Сеуле находится также история изучения монгольского языка и монгольский словарь в нескольких томах, содержание коего расположено по предметам.

Весьма объемиста и значительна словарная и грамматическая литература ламайских народов. Большая часть таковой, возникнув в Тибете, переведена на монгольский язык и доступна в параллельных тибетско-монгольских изданиях. Я затрагиваю ее здесь лишь настолько, поскольку это касается монгольского языка. На первом месте громадный труд Кин-дгаң тгугамчо («Океан имен», *Miñ-gi rgya-mcho*), который был опубликован в 1718 г. и не без справедливости носит свое помпезное название; т. к. он в действительности является заслуживающим удивления достижением первого класса в области филологии. Он существует в двух разных ксилографических изданиях, под

¹ *Bibliographie coréenne, Tableau littéraire de la Corée*, Vol. I, Paris, 1895, pp. CLXXV—CLXXVI, 93—99. *Supplément à la bibliographie coréenne*, Paris, 1901, p. 4.

общим одинаковым названием, из которых одно обнимает 367 листов in-Folio в четырех книгах.

Заслуживающее внимания и весьма полезное сочинение известно под именем *Bod-kyi brda-yig rtogs-par sla-ba* («Правила тибетского языка в легко схватываемом представлении»). Это тибетско-монгольский словарь, которым широко пользовался I. J. Schmidt при составлении своего тибетского словаря.¹ Abel-Rémusat перепечатал монгольский текст введения и перевел его.² Это сочинение печатано in-Folio по типу китайских книг и состоит из трех частей (в целом 190 лист.). Первая часть содержит расположенный в порядке тибетского алфавита словарь и отдел гlosсов синонимов, составленный по распоряжению императора Канси (1662—1722 гг.) и Далай-ламы на основании более ранних источников (перечислено лист. 173); за этим следует дополнительная часть из 12 лист., также в порядке тибетского алфавита, составленная в 1737 уратом³ Gūši Bilig-ünn dälai и халхасом Gūši bLo-bzaïl bsod-pa, и наконец маленькое добавление в 4 листа.

Čañ-skya Lalitavajra (Rol-pahi rdo-rje) и bLo-bzaïl bstan-pahi ūi-ma совместно составили, для того, чтобы облегчить перевод *Данджура* на монгольский язык, большой сравнительный словарь тибетского и монгольского языков (*Bod Soggi skad gñis čan-sbyar*), в котором они проработали не только область чисто религиозной литературы, но также и области логики, языковедения, старой и новой орфографии, художественной техники и медицины.⁴ Это сокровище служило затем основой для перевода монгольского *Данджура*.

¹ Один экземпляр находится под ярлыком Z X 2904 fol. в Кор. Библиотеке в Берлине, с отметкой «sehr selten». Однако в Пекине можно еще разыскать это сочинение, и я сам добыл там один экземпляр его.

² В его сочинении *Notice sur le Dictionnaire intitulé: Miroir des langues mandchoue et mongole (Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi, Vol. XIII, première partie, 1838, pp. 42—61).*

³ У автора ошибочно Oirat — ойрат [примеч. переводч.]

⁴ G. Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 292. Эта работа без всякого сомнения основана на *Mahāryutpatti* и по предположению

Пятиязычный словарь в двух томах (98 и 96 лист.), составленный во время Цянь-лун'а и в 1783 г. посланный Амьот в двух экземплярах в *Bibliothèque du Roi* в Париж,¹ был комментирован и издан *Rémusat*,² он буддийского содержания³ и в числе прочего заключает в себе имена Будд, 32-х главных и 80-ти второстепенных признаков Будды, так трактовал это *Rémusat*. Весь словарь представляет собой переработку *Mahā-vyutpatti* Джанджа-хутухтой пекинским.⁴

Для изучения буддизма и для чтения буддийских сочинений очень полезен трехязычный словарь, изданный А. Schieffner'ом.⁵ Он содержит в 71-й расположенных по предметам главах буддийскую терминологию по большому словарю *Mahā-vyutpatti*, напечатанного в *Данджуре* (*Сутры*, Том 123).

Письмо и печать.

Письмо. — До начала тринацадцатого столетия среди монгольских племен нет никакого представления об употреблении

идентична с упоминаемым Васильевым (*Mélanges asiatiques*, Vol. II, St. Pét., 1856, p. 383) сочинением *sGra-sbyor bat-gṇis*, комментарием к *Mahāvyutpatti*, считающимся классическим, и который должен был главным образом служить для переводов с тибетского языка на монгольский; для той же цели, по словам Васильева, написал Джанджа-хутухта «вой труд *tKhas-paḥi ḥbyun-gṇas* («Источник мудрецов»), перевод которого, по словам Schieffner'a (*Mélanges asiatiques*, Vol. I, St. Pét., 1852, p. 411) тоже существует.

¹ *Mémoires concernant les Chinois*, Vol. XI, p. 616.

² Abel-Rémusat, *San, si-fan, man, meng, han tsi yao ou Recueil nécessaire des mots Sanskrits, Tangoutains, Mandchous, Mongols et Chinois. Fundgruben des Orients (Mines de l'Orient)*, Band IV, Wien, 1814, S. 183—201, 1 Tafel. Ibidem, *Sur un vocabulaire philosophique en cinq langues*, в его *Mélanges asiatiques*, Vol. I, Paris, 1825, pp. 153—183 (сравн. также pp. 452—454; это несколько более расширенная перепечатка прежней работы). Позднее С. de Harlez издал и перевел санскритско-тибетский текст этого словаря (см. *Le Muséon*, Vol. X, Louvain, 1891, p. 199).

³ Первый том содержит 35, второй 36 отделов.

⁴ Сравн. A. Schieffner, *Vorwort zur Ausgabe der Buddhistischen Triglotte*, St. Pet., 1859.

⁵ *Buddhistische Triglotte, d. h. Sanskrit-Tibetisch-Mongolisches Wörterverzeichnis, gedruckt mit den aus dem Nachlass des Barons Schilling von Canstadt stammenden Holztafeln und mit einem kurzen Vorwort versehen von A. Schieffner*, St. Petersburg, 1859. В длинном формате тибетских книг, 37 лист.

письма. Как письмо, так и литература достались им при посредстве цивилизаторской миссии буддизма. В течении одного столетия они употребляли в действительности три системы письма; уйгурское письмо с, приблизительно, 1204 г., ḥPhags-pa или так называемое квадратное письмо с 1269 г. и собственно монгольское письмо с 1311 г. Практическое применение письма постепенно начинается еще при Чингис-хане; при сношениях с династией Цзинь в Китае пользовались тогда китайскими иероглифами; при государственной переписке с другими народами было в ходу уйгурское письмо,¹ которое, как известно, происходит от сирийского алфавита Эстронгело и было распространено несторианскими миссионерами в Центральной Азии. Точная дата введения китайского письма не может быть точно установлена; в общем можно принимать для этого время от 1210 до 1220 гг.; уже 1219 год можно с уверенностью считать началом употребления китайского письма.²

Правда, даосский монах Чан-чунь, который по требованию Чингиса предпринял поездку к его двору, приведшую его в течение 1221 г. до 1224 г. через Центральную Азию в Персию и на границы Индии, рассказывает, что якобы монголы не имели никакого письма и что они регулировали свои дела при посредстве устных соглашений и вырезали известные знаки на дереве (т. е. пользовались бирками) вместо договоров. Лишь через несколько лет после посещения этим путешественником Монголии ввел Чингис уйгурское письмо среди своего народа (по Палладию),³ однако оно должна была быть в употреблении еще раньше, т. к. Чан-чунь сам сообщает, что Чингис снабжал своих посланцев в знак их полно-

¹ См. Позднєевъ, *Лит.*, стр. стр. 8—9. Об истории уйгурского письма см. W. Radloff, *Das Kudatku Bilik*, Teil I, St.-Pet., 1891, pp. LXXXIII et seq.

² Отличный пример употребления китайского языка в те времена дал Chavannes в своей захватывающей работе *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole*, *T'oung Pao*, 1904, pp. 368—372, в эдикте Чингиса от 11 Апреля 1223 г., который Чан-чунь взял с собой из Самарканда в Китай.

³ E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, Vol. I, London, 1888, p. 53.

мочий золотыми табличками (пай-цзы), покрытыми надписями, что он издавал законы, писал письма, документы и очевидно также записи типа дневников. Даже, когда Чингис был однажды особенно доволен ответами Чап-чунь'а, он сказал, как рассказывает Чап-чунь: «Твои слова пришли мне по сердцу», и велел начертать разговор уйгурскими письменами.¹ Вышеупомянутые слова автора поэтому пожалуй относятся только к широкой массе народа, которому самой собою разумеется в чингисовский период письменность еще была чуждой, между тем как при дворе и для служебных целей она нашла себе применение. Монгольская летопись Алтан-тобчи и китайское сочинение Юань-ши-лэй-бянь вместе с Юань-ши (глава 121) единогласно связывают введение уйгурского письма среди монголов с именем уйгура Тататуига, секретаря князя Найманов, которых Чингис покорил в 1204 году. Этот уйгур обучал по приказанию повелителя его обоих сыновей уйгурскому письму, т. ч. пользование таковым среди монголов можно приблизительно считать с этого времени.² Оно держалось между ними до 1278 года, когда последовал императорский эдикт, содержание которого гласило, что военные грамоты, писавшиеся до тех пор уйгурским шрифтом, начиная с того времени должны исполняться национальным письмом, вошедшем в употребление с 1269 г. Затем последовал эдикт в 1284 году, в котором уйгурское письмо было запрещено в переписке по внутреннему управлению и где было повелено, чтобы все обнародованные государственные постановления сопровождались текстом, написанным по монгольски.³ Однако, как мы видим из писем Аргуна и Ульдээйту, уйгурское письмо среди монголов в Персии держалось несколько дольше.

¹ Позднєвъ, *Лит.*, стр. 11.

² Позднєвъ, *Лит.*, стр. 14—16. Сравн. также Gabelentz, *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Band II, Göttingen, 1889, S. 19—21; Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques*, Vol. II, Paris, 1829, pp. 61—63; Wylie, *Chinese Researches*, Shanghai, 1897, Part IV, pp. 257—258.

³ Wylie, *Transactions of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, Part V, Hongkong, 1855, p. 69.

Так называемое письмо Пакба — создание великого ламы ḥPhags-pa (т. е. Достойный) bLo-gros rgyal-mchan, секты Sa-skya (1234—1279),¹ призванного императором Хубилаем в 1261 г. в Китай, и тесно связанного с обращением монгольского царствующего дома в буддизм тибетского толка. По желанию императора он создал на основе тибетского алфавита письмо для монголов, взяв тибетские буквы, связав их между собой сверху вниз и расположив в колонках слева направо. Императорским эдиктом² в 1269 г. это письмо было официально введено, с повелением, чтобы оно употреблялось во всех казенных документах. В том же самом году через пять месяцев были устроены в каждой провинции школы для изучения нового письма. Три последующих эдикта, благоприятствовавших ему, были объявлены в конце 1272, 1273 и 1275 гг.: вся китайская казенная переписка должна была сопровождаться монгольским переводом на этом письме, и одно отделение императорской Академии в Пекине (Хань-линь-юань) должно было в особенности посвятить себя монгольскому языку и литературе; первый президент этого отделения был ученый по имени Са-ти-ми-ти-ли.³

В то время, как это письмо сумело успешно продержаться до конца династии Юань в лапидарной и канцелярской областях, оно уже скоро оказалось неудобным и неуклюжим в повседневном употреблении, прежде всего при издании целых книг, что было вызвано переводами буддийских текстов. Поэтому слова

¹ Его биография в Юань-ши, Гл. 202; у Санан-сэцэн'a (I. J. Schmidt, *Geschichte der Ost-Mongolen*, S. 115—117. Сравн. также S. 392—398; по Grub-mtha ḥel-kyi me-loñ (составлено 1740, *JASB*, 1882, Part I, Nr. I, pp. 67—68); у ḥJigs-med Nam-mk'a (G. Hußth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 139—159). Сравн. Кёррен, *Die lamaische Hierarchie und Kirche*, S. 97—99; A. Grünwedel, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, S. 63—66.

² Переведено А. Wylie I. c., p. 68.

³ В общем сравни относительно письма Пакба G. Pauthier, *De l'alphabet de Pa'-Sse-Pa (Journal Asiatique*, 1862, pp. 1—47), в особой, приведенной в следующей части к отдельным документам, литературе. — Монгольское имя Dörbeljin («четыреугольный, квадратный») доставило ему название «квадратное письмо»; по тибетски оно называется Hor-yig («Монгольское письмо»).

стали искать выхода при посредстве более удобного уйгурского алфавита, и Čhos-kyi ḥod-zer (по монгольски Nomun Gerel «Светочь учения») секты Сакья¹ создал между 1307 и 1311 гг. на основе последнего монгольское письмо, которое употребляется и поныне. Это письмо пишется также вертикальными, идущими слева направо строчками.

Калмыки создали себе собственный тип письма (составил Дзая-пандита в 1648 г.), повидимому опиралась на более округленный и приятный вид манджурского письма; оно конечно только вариант восточно-монгольского алфавита, производным которого является и манджурский, с тем только важным отличием, что каждомуциальному звуку соответствует определенный графический знак, в то время как в восточно-монгольском известные парные звуки, как например: *o* и *u*, *a* и *e* в инляуте, *d* и *t*, *y* и *j* выражаются посредством того же самого одинакового письменного изображения; калмыцкий отмечает также долготу гласных поперечной черточкой.

Книгопечатание. — От китайцев монголы научились обращению с ксиографическим печатанием, которое для их письма оказывается настолько же удобным, поскольку для китайского и тибетского. Опечатки благодаря этому совершенно исключаются, и могущие случиться упущения — большей частью мелкие ошибки в письме переписчиков, представляющих рукописи печатникам. Более старая, писанная уйгурским и квадратным алфавитами, монгольская литература осталась кажется исключи-

¹ Его биография у G. Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 160—164. Сравн. I. J. Schmidt, *Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittelasiens*, St. Pet., 1824, S. 128—129; Köppen, l. c., S. 100—101; Wylie, *Chinese Researches*, Part IV, pp. 260—261. — Краткое изложение истории монгольских шрифтов у T. de Lacouperie, *Beginnings of Writing in Central and Eastern Asia*, London, 1894, pp. 76, 89, 176, где также довольно полно приводится более старая литература. Из более новых можно назвать I. Euting, *Tabula scripturarum Uiguricae, Mongolicae, Mandshuricae*, Strassburg, 1891; Friedrich Müller, *Zur Frage über den Ursprung der uigurisch-mongolisch-mandžu'sischen Schrift*, *VZKM*, Band V, 1891, S. 182—184.

тельно в манускриптах, что вероятно является главной причиной такого легкого уничтожения ее. Наоборот, книгопечатание возникло скоро после создания Čhos-kyi ḥod-zeг'ом национального письма, и мы имеем сведения о раннем печатании особенно буддийских сочинений китайской и тибетской литературы (см. главу **Буддийская литература**). К сожалению еще ничего из этих монгольских инкунабулов четырнадцатого столетия не появилось в свет, и кажется, что в Китае ничего подобного не сохранилось; но мы можем пока утешать себя надеждой, что библиотеки больших монастырей в Тибете и Монголии еще скрывают таковые драгоценности. Поскольку я могу судить, все известные сейчас монгольские печатные издания принадлежат к периоду современной манджурской династии, и кажется, что ни одно из них не появлялось раньше царствования императора Кан-си (1662—1722); по крайней мере в мои руки не попадали более старые издания. Обоим просвещенным владыкам, Кан-си и Цянь-лун'у, нужно приписать большую долю в развитии монгольского книгопечатания и литературы. Также как и в областях китайского, манджурского и тибетского языков, в течение восемнадцатого столетия создавались и монгольские типографские мастерские произведения, которые сделают честь любой большой библиотеке, хотя бы как опыт в искусстве книгопечатания. В Пекине с начала восемнадцатого века на поприще ламаистской литературы действовали две больших типографии, эксплуатируемые и поныне, как я сам убедился, и из которых одна продолжает работать с большой энергией. Это учреждение находится возле храма Сун-чжу-сы в восточной части императорского города, другое по улице против большого ламайского храма Юн-хо-гун. Оба находятся в руках китайцев (и вероятно были всегда), также как и все производство книг поконится на китайских рабочих, так как само собой разумеется, что резчики по дереву совершенно не нуждаются в чтении рукописи, даже не имеют для этого никакой возможности. Ведь резчик наклеивает лист рукописи на кусок дерева писанной стороной вниз и при

своей чисто механической работе может быть абсолютно безграмотным. Владельцы этих заведений являются наборщиками, издателями и книготорговцами в одном лице. Их постоянные покупатели — монахи, живущие в ламайских монастырях как в самом Пекине, так и вокруг него, и многочисленные монгольские торговцы, посещающие столицу по зимам. Многие, в особенности красиво (в большинстве случаев красивее тибетских) напечатанные монгольские издания доказывают, что покупателей весьма много и они хорошо платят. Заслуживает упоминания то обстоятельство, что медицинские сочинения (главным образом капонического характера) стоят дороже, чем другие и ни при каких обстоятельствах не теряют скидки, даже исключают всякую возможность торговаться относительно запрошенней цены. Сохранившиеся в одном храме императорского дворца печатные доски времен Цинь-лун'а, служившие при печатании *Ганджура* и *Данджура*, истинные произведения искусства резьбы по дереву, в 1900 г. были жертвой европейской «цивилизации». Частью они были использованы солдатами для варки пищи как удобное топливо, частью расташены по всем странам света как добыча и «воспоминание».

Техника и внутреннее расположение монгольских книг идентичны с тибетскими. Также как и эти они длинного формата, в подражание индийским рукописям и состоят из одиночных свободных, печатанных по обеим сторонам, листов очень толстой и твердой бумаги. Объемистые томы сдерживаются в своих отдельных частях посредством скрученного из бумаги шнурка, продетого через край. В Пекине не принят идущий из Тибета способ сохранять листы между деревянными крышками, обернутыми шнурками или шелковыми лентами. Верхняя сторона первого и наружная сторона последнего листа обычно окрашены в желтый цвет. В большинстве монгольских сочинений обе первые страницы отпечатаны красной краской (красный цвет как святой, в религиозном смысле заслуженный), остальное же черной краской. Заглавие находится в середине передней страницы первого

листа, обрамленное четырехугольником из черных линий, который зачастую выделяется особо окрашенной площадью. В введении обыкновенно заглавие повторяется или, если дело касается перевода, сообщается предварительно санскритское, потом тибетское, а затем монгольское название. Большая часть монгольских пекинских изданий еще перед заглавием начинается с буддийской мистической формулы по санскритски, но транскрибированной монгольским письмом. По общим правилам на обеих передних страницах по краям расположены миниатюры — ксилографы богов, будд, святых и лам, в большинстве случаев относящихся к содержанию сочинения. По левому краю идет монгольская пагинация, часто вместе с сокращенным упоминанием заглавия; по правому краю те же обозначения листов китайскими йероглифами, обычно путем нескольких знаков, которые тогда появляются также на заглавном листе после заглавия. Эти знаки почти что никогда не обладают содержанием, а только значением марки, по которой ориентируются как наборщики, так и книготорговцы, не могущие, будучи китайцами, читать книгу. Под этой маркой книготорговец заносит данное сочинение в свой каталог, в котором его выбирает знающий язык покупатель, и отыскивает для него именно при помощи этой же марки. В некоторых монгольских сутрах, переведенных с китайского, отмечается также полное название китайского оригинала вдоль по краю, тем же самым образом, который мы наблюдали недавно при находках рукописей в Туркестане, каковое явление относится повидимому к старому обычью. К концу большинства монгольских сочинений, по типу индийских и тибетских, присовокуплен колофоны, в которых приводятся имена авторов, переводчиков, комментаторов, редакторов, мест где напечатано и даты напечатания¹ и т. д. Некоторые из этих заключений очень объемисты, весьма много сообщают об истории сочинения, его разнообразных судьбах и

¹ В пекинских изданиях обыкновенно обозначенные через «Нянъ-хао» китайского императора, также с прибавлением обозначения года тибетско-монгольского животного цикла.

изданиях и поэтому особенно дороги как литературно-исторические документы. Изучение каждого сочинения должно было бы начинаться с его колофона. Конечная страница обычно украшена по обеим сторонам изображениями разного рода. Кроме того, большинство монгольских пекинских изданий имеют особый заключительный лист, целиком покрытый изображениями четырех парей хранителей (*mahārāja*).

Формат и объем монгольских книг в разрезе значительно больше чем соответствующих им тибетских, содержащих то же сочинение. Сообразно многосложному и богатому формами характеру языка, монгольское предложение требует большего места чем тибетское, выражающее ту же самую мысль. Затем технически обуславливается и большая ширина листа, благодаря вертикальным колонкам письма.

Имеются также многочисленные тибетско-монгольские параллельные печатные издания, в которых монгольская часть располагается между строками тибетского текста и каждое монгольское слово точно расположено под соответствующим тибетским горизонтального тибетского ряда; в этом случае конечно пропадает действительный характер монгольского предложения, так как на один ряд приходятся не свыше двух, в большинстве же только одно слово. Рядом с билингвами встречаются также трех и четырехъязычные тексты, на четырех главных языках северного буддизма (китайский, манджурский, тибетский, монгольский). Однако по общим правилам последние книги печатаются по типу и способу китайских книг; к ним принадлежат прежде всего императорские издания многоязычных словарей, календарей, медицинских справочников и др.

Удивительны маленькие издания молитв и сутр в виде сложенного альбома; книга состоит только из одного длинного, отпечатанного с одной стороны листа бумаги, который может быть сложенным между двумя крышками из папки и развернутым во всю свою длину. Это подражание китайским буддийским книгам.

Бросается в глаза, что монголы почти ничего не печатали из своих исторических и бытовых сочинений, распространявшихся исключительно в рукописях, между тем как в Тибете именно в напечатанных книгах этой категории существует избыток.

Местами, где печатались монгольские книги, стали известны кроме Пекина города Урга и Куку-хото («Голубой город»);¹ однако, и в Монголии во всяком случае существует много монастырей, которые занимаются печатанием. Буряты прославляются прежними английскими миссионерами как умелые резчики печатных досок. Наоборот, калмыки кажется никогда не упражнялись в книгопечатании;² ни один калмыцкий печатный текст мне не попадался, и я встречал только рукописи. 4

Литература.

Старые литературные памятники. — Самые старые памятники монгольской литературы написаны не общеупотребительным, а частью уйгурским, частью так называемым квадратным письмом.

Из памятников, написанных уйгурским письмом, которые созданы в тринадцатом и четырнадцатом столетиях дошли до нас следующие:

1. Самым стариинным известным до сих пор является найденная в Нерчинском округе вблизи реки Онон, высеченная в гранитной плите пятистрочная надпись из эпохи Чингис-хана, нахо-

¹ *Mélanges asiatiques*, Vol. I, St. Pét., 1852, pp. 408, 415. — Куку-хото лежит севернее Великой стены в китайской провинции Шаньси (китайское название Суй-юань в Со-чин-фу). Город является местопребыванием одного хутухты и имеет пять ламайских храмов (Köppen, *Die lamaische Hierarchie und Kirche*, S. 381).

² «Bei den Kalmüken habe ich keine Künstler gefunden, die Schrift zu schneiden imstande wären, und bei den Mongolen sind sie nur selten; desto gemeiner ist diese Kunst in Tibet und China». («У Калмыков я не нашел мастеров, которые были бы в состоянии вырезывать письмена, и у монголов они очень редки: тем распространеннее это искусство в Тибете и Китае»), P. S. Pallas, *Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, Band II, S. 370.

дящаяся сейчас в Азиатском Музее в Ленинграде; она была опубликована и переведена I. J. Schmidt'ом,¹ работа которого была существенно исправлена Дорджи Банзаровым.² Schmidt относит эту недатированную краткую надпись к годам 1219 или 1220, Банзаров между 1224 и 1230. Толкование надписи еще неудовлетворительно и она требует дальнейшего изучения.

2. Интереснейшие монгольские документы в уйгурском письме суть два послания, которые Аргун (1284—1291), сын Ильхана Хулагу (1258—1265) в 1289 г., и его сын Ульдзэйтю в мае 1305 года отправили французскому королю Филиппу Красивому с предложением союза. Письма поныне хранятся в Парижском Государственном Архиве (*Archives nationales de France*) и впервые были открыты и переведены Abel-Rémusat.³ Затем были опубликованы исправленная транскрипция в современном монгольском письме и перевод I. J. Schmidt'a.⁴ Оба письма

¹ Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der Mongolen-Herrschaft, *Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg*, VI-ième série, Vol. II, 1834, pp. 243—256. Сравн. Н. С. в. д. Gabelentz в *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Band II, 1839, S. 18—21. Красивая репродукция надписи находится в W. Radloff, *Atlas der Altertümer der Mongolei*, Lief. 1, St. Pet., 1892, Tafel XLIX, Nr. 3.

² Объяснение монгольской надписи на памятники князя Псункэ, племянника Чингис-Хана, в собрании его сочинений «Черная Втура» и т. д. СПБ., 1891, стр. стр. 88—105. Сравн. также Позднєевъ, *Лит.*, стр. стр. 51—79.

³ *Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens, et particulièrement des rois de France, avec les empereurs mongols. Premier mémoire: Rapports des princes chrétiens avec le grand Empire des Mongols, depuis sa fondation sous Tchinggis-Khan, jusqu'à sa division sous Khoubilaï* (*Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*, Vol. VI, Paris, 1823, pp. 396—469). *Second mémoire: Relations diplomatiques des princes chrétiens avec les rois de Perse de la race de Tchinggis, depuis Houlagou, jusqu'au règne d'Abusaid* (*Ibid.*, Vol. VII, 1824, pp. 335—438, 7 Tab.). Сокращенное сообщение об этой работе в его *Mélanges asiatiques*, Vol. I, Paris, 1825, pp. 401—412.

⁴ *Philologisch-kritische Zugabe zu den zwei mongolischen Original-Briefen der Könige von Persien Argun und Öldshäitu*, St. Petersburg, 1824, 31 р., с особым дополнением из 4 стр. о пяти монгольских монетах Газан'а (эти замечания с примечаниями Jacquet в *Nouveau Journal Asiatique*, Vol. VIII, 1821, pp. 344—348). Сравн. далее Позднєевъ, *Лит.*, стр. стр. 79—123, который также дает факсимиле писем. Лучшие репродукции-факсимиле таковых находятся в атласе Prince Roland Bonaparte, *Documents de l'époque mongole*, Paris,

написаны на свитках корейской бумаги; свиток Аргуна 1,8 м. длины и 0,25 м. ширины; свиток Ульдзэйту 3 м. длины и 0,50 м. ширины. Аргун, царь Персии обещает в своем послании расположиться лагерем перед Дамаском, чтобы соединить свои войска с войсками крестоносцев и передать Йерусалим, в том случае если он возьмет город, королю Франции. Ульдзэйту, царь Персии, сообщает в своем письме о примирении князей рода Чингиса после 45-летних внутренних войн и об отправлении двух послов.

3. Одна пайдза,¹ серебряная табличка, с монгольской надписью уйгурскими знаками, Абдулла-хана Золотой Орды, найдена в 1848 г. крестьянином деревни Грузовка, возле Днепра, Екатеринославской губернии в южной России и послана бароном фон-Штиглицем в Академию Наук в С.-Петербург, где надпись была расшифрована и переведена Дорджи Банзаровым.² Она гласит: «Силою вечного неба, помощью его великой защиты и могущества:³ кто не послушается повеления Абдулла, достоин наказания и должен умереть». Упомянутый здесь Абдулла правил, судя по находкам монет, с 1362 г. (или 1363 г.) по 1368 г. (или 1369 г.).

4. Повеления (*yarlik*) ханов Золотой Орды, Тохтамыша,

1895, Tab. XIV. Также G. Pauthier (*Le livre de Marco Polo*, Appendice, Nr. 5, pp. 775—781) напечатал оба письма современным монгольским шрифтом, с транскрипцией и переводом. К письмам относится статья A. Schieffner'a, *Ein kleiner Beitrag zur mongolischen Paläographie, Mélanges asiatiques*, Vol. II, St. Pé., 1856, pp. 487—489.

¹ Китайское «пай-цзы» см. об этом Yule, *Marco Polo*, 3. Ed., Vol. I, pp. 350—354.

² Erklärung einer mongolischen Inschrift aus einer im Jekaterinoslawischen Gouvernement ausgegrabenen Silberplatte, *Bulletin de la classe hist. phil. de l'Acad. de St. Pé.*, Vol. V, Nr. 9, 1848 (с добавлением O. Böhlingk в Nr. 12). Сравн. кроме того Д. Банзаровъ, в собрании его сочинений «Чернол Въра» и т. д., СПБ., 1891, pp. 52—53; Григорьевъ, *Journal Asiatique*, 1861, p. 544; Позднѣевъ, Лит., стр. 124—127, где также воспроизведены факсимиле надписи (последние также и в Yule, *Marco Polo*, 3. Ed., Vol. I, p. 355).

³ Об этой характерной формуле в монгольских эдиктах сравн. E. Chavannes, *Toung Pao*, 1904, pp. 395—396.

написанный в 1393 г. великому князю Литвы Ягайло,¹ и Кутлуг-тимура, предоставляет некоему Мухаммед-бэг'у достоинство тархана в 1397 г.²

5. К этим памятникам можно причислять некоторые надписи, находящиеся на скалах и пещерах Минусинского округа в Сибири; главным образом замечательна Абаканская, которую Позднеев³ издал в факсимиле и с подробным разбором. Сама надпись больше не существует, так как Klaproth, возвращавшийся из Китая, якобы выскоблил ее саблей, ибо, на основании его слов, она повидимому содержала невыгодные выражения по адресу русских.⁴ Уже Pallas⁵ обратил внимание на этот памятник, и в 1847 г. Castrén⁶ изготовил копию его.⁷

Существовавшее раньше мнение, что квадратное письмо имело временное значение, и на нем было создано мало памятников, нужно считать достаточно опровергнутым А. Позднеевым. Позднеев⁸ доказал многочисленными историческими фактами из китайской литературы, что квадратное письмо, известное под названием «Монгольское государственное письмо» (Мэн-гу-го-цзы), употреблялось как общее официальное письмо правительства

¹ Д. Банзаровъ, I. с., стр. стр. 122—123.

² Позднеевъ, *Lit.*, стр. стр. 50, 145.—Jos. v. Hammer, *Uigurisches Diplom Kuthugh Timur's vom Jahre 800 (1397)*, *Fundgruben des Orients*, Band VI, Wien, 1818, pp. 359—362. Сравн. *ZDMG*, Band IV, 1850, S. 518.

³ *Lit.*, стр. стр. 127—144.

⁴ Ibid., стр. 181.

⁵ *Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches*, Band II, S. 688—689.

⁶ *Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849*, St. Pet., 1856, S. 375.

⁷ Имена императора Мунко и многих монгольских ханов из домов Джучи и Хулагу представлены на монетах в уйгурском письме, но я прохожу мимо них, так как они не принадлежат к литературе (см. Позднеевъ, *Lit.*, стр. 49). Особого упоминания заслуживает неотмеченная монголистами статья Karabacek, *Der unmittelbare Einfluss der mongolischen Invasion (1241—1242) auf die Münzverhältnisse Ungarns* (отдельный оттиск из VI и VII томов *Wiener Numismatische Zeitschrift*, 1874—1875, 9 р., 1 Tafel). Самым интересным является указание существования отдельных уйгурско-монгольских букв на монетах венгерской чеканки от указанного периода.

⁸ *Lit.*, см. гл. обр. его заключение стр. 240.

в течение всего периода династии Юань, и при этом исключительно. Также и монгольский язык играл заметную роль в правительственном аппарате до падения династии. Уйгурское письмо, одновременно существовавшее в том же периоде, нашло у монголов главным образом употребление в буддийской литературе.

Лучшее пособие для изучения монгольских квадратных надписей — это блестящий, изданный на средства принца Roland Bonaparte, атлас.¹ Недатированная серебрянная пайдза с монгольской квадратной надписью найдена в 1846 г. русским купцом Аваныниным в Минусинском округе. Ее опубликовали и перевели Аввакум,² а затем I. J. Schmidt.³ Содержание сходно с вышеупомянутой монгольской надписью на пайдзе уйгурским шрифтом и передается Аввакумом: «Силой неба: да будет свято имя Мункэ-хана: кто его не чтит, должен погибнуть и умереть!» Серебряная табличка с совершенно одинаковой надписью была найдена в 1853 г. в деревне Нюкск (Верхнеудинский округ, Забайкальская область) и описана Савельевым;⁴ она сейчас находится в Эрмитаже в Ленинграде. Замечательная по своей форме вещь (в виде медали) из чугуна с выгравированными из серебра письменными знаками описана и комментирована Позднеевым.⁵

¹ *Documents de l'époque mongole des XIII-e et XIV-e siècles. Inscriptions en six langues de la porte de Kin-yong Koan, près Pékin, lettres, stèles et monnaies en écritures ouïgoures et 'Phags-pa, dont les originaux ou les estampages existent en France*, Paris, 1895, folio, 15 таблиц + 5 страниц текста. Сравн. указание W. Bang, *WZKM*, Band X, 1896, S. 59—66.

² Приведено у Д. Банзарова, *Чернال Внра* и т. д. стр. 50; там же и прения касающиеся этой надписи. В. Григорьевъ, *Lettre sur l'origine et les monuments de l'écriture carrée* (*Journal Asiatique*, 1861, pp. 529—558).

³ *Über eine mongolische Quadrat-Inschrift aus der Regierungszeit der mongolischen Dynastie Jüan in China*, Bull. hist.-philol. de l'Acad. de St.-Pét., Vol. IV, Nr. 9, 1846. По этому воспроизведена пайдза в Yule Marco Polo, 8. Ed., Vol. I, таблица против стр. 352.

⁴ *Труды Вост. Отделения Имп. Археолог. Общества*, Том V, стр. стр. 160—165.

⁵ *Объяснение древней монгольской надписи на чугунной дощечке, доставленной в Императорскую Академию Наукъ Г. Винокуровымъ*, *Записки Академии Наукъ*, Том XXXIX, СПБ., 1881, стр. стр. 1—13, 1 таблица.

Надпись гласит: «Силою вечного неба: кто ослушается повелений Хана, тот должен быть убит!» Этот предмет был найден в Богомильском уезде (Маринский округ, Томская губерния) крестьянином в земле.¹

Я привожу здесь краткий перечень важнейших исторических квадратных надписей в хронологическом порядке:

1. Самая старая из известных до сих пор датирована 1283 г.,² значит 14-ю годами позже официального введения квадратного письма (1269 г.). Это китайско-монгольский билингв, содержащий повеление принца монгольского императорского дома Ананда, владыки Ань-си, касательно передачи земли в Юншоу-сянь, провинция Шень-си.³

2. Надпись от 1288 года (происхождение точно неизвестно, должно быть из одного конфуцианского храма в среднем Китае); нижнюю часть камня занимает китайская надпись, верхнюю же монгольская, которая однако представляет только фонетическую транскрипцию китайского текста.⁴ В ней даются известные привилегии конфуцианским писателям.

3. Надпись от 1294 года, когда то бывшая в храме Конфуция в Шанхае, откуда она теперь странным образом исчезла, также в китайской и монгольской транскрипции китайского текста, впервые опубликована и переведена, с добавлением очень

¹ Кроме надписей монгольские императоры оставили после себя также монеты и медали с квадратными письменами (см. *Documents de l'époque mongole*, таблица XV: E. Drouin, *Notice sur les monnaies mongoles*, *Journal Asiatique*, Mai-Juin, 1896, pp. 486—544; E. Chavannes, *Note sur une amulette avec inscriptions en caractères Pa-Se-Pa*, *Journal Asiatique*, Janv.-Févr., 1897, pp. 148—149).

² Однако смотри дальше об одной более старой надписи от 1275 года.

³ Воспроизведено в *Documents de l'époque mongole*, Tab. XII, Nr. 1. Перевод китайского текста G. Devéria, *Notes d'épigraphie mongole-chinoise avec une notice de W. Bang (Extrait du Journal Asiatique, 1896)*, Paris, 1897, pp. 7—18; Перевод монгольского текста W. Bang, *ibid.*, pp. 18—30. Сравн. Chavannes, *T'oung Pao*, 1904, pp. 404—413, который сообщает надпись от 1276 года, где одна строчка китайского текста транскрибирована квадратным письмом (р. 409 и Tab. VIII).

⁴ Воспроизведено в *Documents*, Tab. XII, Nr. 2. Переведено G. Devéria, l. c., pp. 30—39.

ценной истории квадратного письма Alexander Wylie.¹ Это эдикт императора Темура в пользу учения Конфуция, которое было распространено по всему государству. Вследствие того надпись была высечена в камне по разным частям Китая, и многие из них еще существуют. В храме Конфуция в Сун-цзяи (провинция Цзян-су) имеется каменная плита аналогичная надписи в Шанхае.² Wylie замечает в конце своего труда,³ что по указанию книги «Сообщение о надписях на камне в Шань-дун'е», в конфуцианском храме в Цюй-Фу находится копия надписи исключительно монгольскими знаками. Это известие не вполне точно. Когда я в январе 1903 г. посетил город Цюй-Фу, то имел случай снять эстампажи с трех имеющихся там монгольских надписей; там находятся два камня, один, содержащий исключительно монгольскую транскрипцию вышеупомянутой надписи, и другой, с китайско-монгольским текстом, помеченным 1294 г., в котором отсутствует конечная часть шанхайской надписи, и встречаются также другие варианты.⁴ Я коснулся ее и третьей монгольской надписи в другом месте мимоходом.

4. Эдикт от 1309 года вдовы императора Dharmapāla (монг. Darmabala), который освобождает лиц духовного звания от платежа всех податей и требует уважения к их имуществу. Подлинник монгольского текста этой надписи был открыт в 1830 г. архимандритом русской миссии в Пекине Аввакумом

¹ Ancient Inscription in Chinese and Mongol (*Transactions of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, Part V, Hongkong, 1855, pp. 65—81) Сравн. также Wylie, *Chinese Researches*, Shanghai, 1897, Part IV, p. 259. — G. Raupier, *Le livre de Marco Polo*, Paris, 1865, Appendice Nr. 8, pp. 768—771 (от Appendices Nr. Nr. 3—6 имеется отдельный оттиск под названием *Inscriptions mongoles*, 15 p.). О судьбах камня см. Wylie в *JRAS*, Vol. V, 1870, p. 29, Note 5.

² Эстампаж с этого камня воспроизведен на табл. XXXII труда P. Louis Gaillard, *Nankin d'alors et aujourd'hui, aperçu historique et géographique*, Shanghai, 1903 (*Variétés sinologiques*, Nr. 28); он же дает перевод надписи pp. 299—302.

³ L. c., стр. 77.

⁴ Сравн. Цюй-Фу-сянъ-чэси (Хроника Цюй-Фу), книга 52, стр. 19.

в буддийском храме в Бао-дин-Фу (провинция Чжи-ли), и опубликован А. А. Бобровниковым.¹

5. Эдикт от 1314 года, монгольский текст с китайским переводом на каменной колонне в Чжу-чжи-сянь, Си-ань-Фу, провинция Шень-си,² имеющий особый интерес благодаря упоминанию о христианах.³ Devéria⁴ дал французский пересказ русского перевода этого памятника сделанного Григорьевым.⁵ Этой самой надписью занимался уже раньше Hans Conon v. d. Gablenz,⁶ пользуясь оттиском текста в одном китайском эпиграфическом собрании от 1618 года. Это была первая связанная с квадратными надписями научная работа вообще и она делает честь проницательности почтенного исследователя. Этой надписью занимался кроме того A. Wylie.⁷

6. Эдикт от 1316 года, по китайски и транскрипция китайского текста квадратным письмом, которое предоставляет родителям философа Мэн-цзы посмертное почетное звание.⁸ Devéria приобрел эстампаж этой надписи в Пекине путем покупки,

¹ Памятники монгольского квадратного письма, СПБ., 1870, стр. стр. 15—30. Также под заглавием Грамоты вдовы Дармабаловой и Булиту-хана, писанных квадратным письмом, в Трудах Восточного Отд. Имп. Русского Арх. Общества, Том XVI.

² Воспроизведение эстампажа надписи в *Documents. Tab. XII, Nr. 3.*

³ О монгольском обозначении христиан см. теперь Chavannes, *Toung Pao*, 1904, p. 420, Note 7.

⁴ L. c., стр. стр. 40—42.

⁵ У Бобровникова, l. с., стр. стр. 30—50.

⁶ Versuch über eine alte mongolische Inschrift, Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Band II, Heft 1, Göttingen, 1839. S. 1—21, с тремя таблицами. Nachtrag zur Erklärung der altmongolischen Inschrift, Ibid., Band III, 1840, S. 225—227.

⁷ Sur une inscription mongole en caractères Pa-sse-pa, *Journal Asiatique*, 1862, pp. 461—471 (1 Tab.); по ней воспроизведен монгольский текст с переводом Wylie в G. Pautier, *Le livre de Marc Pol*, pp. 772—774. Сравн. Chavannes (*Toung Pao*, 1904, pp. 414—415 и 422—426), дающего перевод китайского эдикта надписи, до тех пор представлявшего истинный крест синологии, и показывающего, «что сам китайский текст совершенно понятен, и что он написан обычным канцелярским стилем монгольских ханов в Китае».

⁸ Воспроизведено в *Documents*, Tab. XIII, Nr. 1. Переведено Devéria, l. с., pp. 83—85.

и поэтому не выяснил того места, где находился камень. При моих поездках по провинции Шань-дун я нашел этот камень в храме Мэн-цзы в Цзоу-сянь (южнее Цюй-фу в Янь-чжоу-фу, Шань-дун).

7. Там находится кроме того китайско-монгольская надпись от 1331 года,¹ происхождение которой в атласе Roland Bonaparte оставлено тоже невыясненным. Монгольский текст и здесь простая транскрипция. Это эдикт, представляющий посмертное почетное звание философу Мэн-цзы.

8. Надпись от 1345 года, на воротах Цзюй-юн-гуань в проходе Нань-коу по дороге из Пекина в Калган, где находятся надписи по санскритски, тибетски, монгольски, уйгурски, китайски и си-ся (тангутски).²

К вышеприведенному списку квадратных надписей я могу добавить еще некоторые другие, частично на основании китайских источников, частично такие, которые я сам видел и эстампировал. Самой богатой монгольскими надписями кажется была провинция Шань-дун, однако к сожалению эти памятники большей частью бесследно исчезли: о надписях в Цюй-фу и Цзоу-сянь я уже упоминал. Летопись города Бо-шань, в Шань-дун (*Бо-шань-сянь-чжи*, книга Va, стр. 2. b) сообщает, что в тамошнем храме Лин-цюань-мяо якобы находятся два камня с мон-

¹ Воспроизведено в *Documents*, Tab. VIII, Nr. 2. Переведено Devéria, I. c., pp. 85—87. Обе надписи приводятся в *Цзоу-сянь-чжи* (Хроника Цзоу, книга X), где в целом насчитывается 43 надписи времен династии Юань.

² Некоторые надписи воспроизведены в *Documents*, Tab. II—XI, монгольская на Tab. VIII; последняя переведена Georg Huth'ом, *Note préliminaire sur l'inscription de Kiu-yong Koan, quatrième partie: Les inscriptions mongoles* (*Journal Asiatique*, Mars-Avril 1895, pp. 351—360). Надписи были впервые частично изучены A. Wylie, *On an Ancient Buddhist Inscription at Keu-yung-kouan, in North China* (*JRAS*, New Series, Vol. V, 1870, pp. 14—44). Сравн. кроме того C. Imbault-Huart, *Note sur l'inscription bouddhique à la passe de Kiu-Young-Kouan* (*Revue de l'Extrême Orient*, Vol. II, 1888, pp. 486—493). Китайская надпись переведена E. Chavannes (*Journal Asiatique*, Sept.-Oct., 1894, pp. 355—368), тибетская S. Lévi (*Ibid.*, pp. 369—378), уйгурская W. Radloff'ым (*Ibid.*, Nov.-Déc., pp. 546—550). Надписи на западной стене содержат сокращенную редакцию одной буддийской сутры, переведенной Chavannes'ом по версии китайской Tripitaka в *Mélanges Harlez* (Leiden, 1896, pp. 60—81).

гольскими надписями, водруженные, один императором Угэдэем в 1235 году, другой же в 1291 г. Я лично посетил этот храм и должен был узнать, что надписи к сожалению уже больше не существуют; даже официальные справки у тамошнего правителя округа не дали никаких результатов для выяснения их отсутствия. Это приходится тем более сожалеть, если надпись от 1235 г. была составлена не на квадратном письме, а пожалуй на уйгурском, т. к. до сих пор ведь в Китае не найдено ни одной надписи на этом письме. О содержании одной из этих надписей (какой из двух, не сказано) Бо-шаньская летопись очень слабо указывает в другом месте (книга IV в., стр. 6. в.), где в главе о катастрофах, постигавших город, рассказывается что в период Чжэн-ю (1213—1216 г.) императора Сюань-цзун династии Цзинь, воды реки Сяо внезапно окрасились в желтый цвет и возвратились в течение нескольких дней на пространстве сорока верст (ли) к своим источникам. На этом месте автор летописи делает замечание: «Смотри монгольскую надпись в храме Лин-шоань», которая следовательно должна была содержать описание этого события.

В храмах Тай-шань имеются четыре китайско-монгольских надписи датированные 1302, 1306, 1307 и 1310 годами, китайские тексты которых сообщаются в *Тай-шань-ши* (книга XVIII, стр. стр. 44—49).

Об одной монгольско-китайской надписи от 1275 года (12 год периода Чжи-юань), которая могла бы быть таким образом самой старой из известных квадратных надписей, сообщает летопись города Тун-чжоу-фу (*Тун-чжоу-фу-чжи*, книга XXVI, стр. 49). Камень находится в Хань-чэн-сянь (провинция Шень-си) и содержит эдикт¹ относительно постройки одного императорского дворца. *Гуань-чжун-цзинь-ши-чжи* (Собрание эпиграфических памятников провинции Шень-си, опубликовано в 1782, книга VIII, стр. 11б) сообщает об одном каменопис-

¹ Китайский текст в *Гуань-чжун-цзинь-ши-чжи*, книга VIII, стр. стр. 4б-5а.

ном эдикте от 1319 года с монгольским текстом в верхней части и китайским в нижней; камень находится в храме Гуан-го (сы) в городе Хо-ян (округ Тун-чжоу, провинция Шень-си).

Об употреблении квадратного письма в книгах Wylie¹ уже привел один пример. В 81 главе энциклопедии Цзинь-чань-бай-блъ (напечатано в 1581 г.) маленький популярный труд о фамилиях (*Бо-ця-син*) транскрибирован монгольскими знаками, однако в очень искаженном виде. В 1307 году один из высших сановников По-ло-темур поднес императору экземпляр *Слов-изин* («Книга сыновной любви») написанную квадратным шрифтом, которую император велел напечатать и распространить.² Из самостоятельных монгольских произведений на этом письме к сожалению ничего не сохранилось, по крайней мере до сих пор ни одно из них неизвестно.³

Новейшие надписи. В виде приложения к старо-монгольским квадратным надписям было бы здесь уместно сказать несколько слов о более новых надписях, написанных обычным шрифтом. Монголия и северо-восточный Китай богаты эпиграфическими памятниками на монгольском языке, однако сейчас известна только незначительная часть их. Что касается собственно Китая, то во всех ламайских монастырях в Пекине и вокруг него, а также в Жэ-хэ находятся многочисленные большие надписи высеченные в камне, между ними многие необыкновенных размеров и большинство на четырех языках: китайском, тибетском, монгольском и манджурском. Большая часть их происходит из времен императоров Кан-си и Цинь-лун'a и частично

¹ *Ancient Inscription in Chinese and Mongol*, I. c., pp. 77, 78, и *Notes on Chinese Literature* (второе издание, Shanghai, 1901) стр. 187. Репродукции включены у J. Edkins, *Sanskrit and Mongolian Characters (Transactions of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, Part V, Hongkong, 1855, pp. 101—108, 4 Tab.

² Wylie, I. c., p. 69 и *JRAS*, New Series, Vol. V, 1870, p. 28; Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques*, Vol. II, p. 3.

³ Списки таких трудов на основании китайских источников дают Abel-Rémusat, *Recherches sur les langues tatares*, Paris, 1820, pp. 197—214; G. Parrot, *Journal Asiatique*, Janv.-Février, 1862, pp. 18—19; Позднєевъ, *Лит.*, стр. стр. 158—240.

составлена и написана самими императорами; они представляют значительный исторический интерес для изучения развития ламаизма и его отношений к китайскому государству, особенно в семнадцатом и восемнадцатом столетиях.¹ О существенном содержании надписей в Жэ-хэ можно предварительно ознакомиться из отличной книги О. Franke.²

В провинции Чжи-ли, кроме относящихся к ламаизму монгольских надписей, имеется мало других памятников, которые касались бы иных областей. К ним принадлежит напр. воздвигнутая Цянь-луи³ом в храме городского божества (Чэн-хуань-мяо) в Жэ-хэ китайско-манджурская и тюркско-монгольская надпись; затем относящаяся к истории ислама четырехязычная надпись (по китайски, манджурски, джагатайски и монгольски) от 1764 года в мечети против императорского дворца в Пекине.⁴

Одна из самых ранних надписей манджурской династии воздвигнута в 1639 году в Сам-йон-до, Корее, как память о покорении этой страны в 1637 году. Китайский текст переведен сперва W. R. Carles'ом,⁵ а затем еще лучше W. W. Rockhill'ем;⁶ кроме того Позднеев⁶ занимался манджурской и монгольской версиями этой надписи.

¹ Во время моего пребывания в Пекине я поручил снять эстампажи со всех этих надписей, которые намереваюсь соединить в *Epigraphia Lamaica*.

² *Beschreibung des Jehol-Gebietes in der Provinz Chihli*, Leipzig, 1902.

³ Воспроизведено и переведено G. Devéria, *Musulmans et Manichéens chinois* (*Journal Asiatique*, Nov.-Déc., 1897, pp. 445—454); упомянутый там и не идентифицированный Devéria храм Пу-бинь находится в Жэ-хэ. W. Bang (Keleti Szemle, Vol. III, 1902, pp. 94—103) опубликовал манджурскую версию надписи (с факсимile таковой) в транскрипции и с переводом, и обещал рецензию о монгольской версии вместе с исторической частью (p. 95 Note), которые по моим сведениям до сих пор не вышли.

⁴ A *Corean Monument to Manchu Clemency* (*Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, New Series, Vol. XXIII, 1888, pp. 1—8) дает копию китайского, а также манджурско-монгольского текста (на табл. против стр. 264 того же тома).

⁵ *China's Intercourse with Korea from the XV th Century to 1895*, London, 1905, pp. 39—44.

⁶ Каменописный памятник починения Манчжурами Кореи. Зап., Том V, 1890, pp. 37—55. (дает манджурский и монгольский тексты надписей).

Четырехъязычная надпись императора Цянь-лун'а, воздвигнутая в память победы над калмыками в 1757 году, переведена М. Amiot,¹ также как и четырехъязычная надпись того-же императора в Илийской области по случаю празднования возвращения торгутов из России в 1771 году.² Н. Пантусов³ истолковал четырехъязычную надпись от 1755 года, находящуюся на горе Гадын на левом берегу реки Сумбе, притока Текеса, и сделал снимок надписи; она повидимому поставлена в память победы трех китайских офицеров и 22 солдат над войском из 6.500 джунгар.

В своем «*Атласе древностей Монголии*» (1 выпуск, СПБ., 1892) Вильгельм Радлов воспроизвел тоже несколько монгольских надписей из Монголии, между ними одну из монастыря Эрдэни-дзү⁴ (табл. LI) и одну из древнего монастыря Цаган-байшин («Белый дом») на реке Толе (табл. LX). Последняя издана и переведена Georg Huth'ом⁵ вместе с относящейся к ней

¹ *Monument de la conquête des Eleuths, Mémoires concernant les Chinois*, Vol. I, Paris, 1776, pp. 329—400.

² *Monument de la transmigration des Tourgouths*, ibid., pp. 405—418 (сравн. также стр. стр. 419—427). Сравн. Кёррен, *Die lamaische Hierarchie und Kirche*, S. 214; Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques*, Vol. II, Paris, 1829, pp. 102—105.

³ По докладу Б. Бартольда в *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, Band I, Abt. 1, Berlin, 1898, S. 206. Сама статья была мне недоступна. Кроме того Н. Пантусов открыл в Арасане у реки Кеген, Джаркендского округа шесть камней с тибетскими и монгольскими надписями, затем четыре камня с монгольскими надписями в Копальском округе Семиреченской области. см. Н. Н. Пантусовъ, *Ущелье Теректы и р. Коксу близъ выселка Джатыль-Аяча, Изв. Общ. Арх., Ист. и Этнографии*, Том XVII, стр. стр. 347—348, Казань, 1901., его же *Кесенский Арасанъ, Изв. Общ. Арх. Ист. и Этнографии*, Том XVII, стр. стр. 183—185, Казань, 1901. Обе статьи мне к сожалению недоступны.

⁴ Основан в 1586 г. на месте старой столицы Каракорум, построенной императором Угэдэем в 1235 г.

⁵ *Die Inschriften von Tsaghan Baisin. Tibetisch-mongolischer Text mit einer Übersetzung sowie sprachlichen und historischen Erläuterungen*, Leipzig, 1894. Ibid., *Sur les inscriptions en langue tibétaine et mongole de Tsaghan Baisching et sur le rapport de ces monuments avec l'histoire du Bouddhisme en Mongolie* composée en tibétain par 'Jigs-med nam-mk'a (*Actes du X-e Congrès international des*

тибетской надписью: она высечена в 1601 году и сообщает об основании храма секты красношапочников на месте прежнего ханского дворца. Атлас Радлова дает прекрасную картину многообразного изобилия древностей в Монголии. Они распадаются на четыре группы: доисторические памятники (могильники, писаницы на скалах и т. д.), древние тюркские надписи эпохи Ту-кюэ, владевших до середины восьмого столетия большей частью северной Монголии, памятники уйгуров, господствовавших в Монголии с середины восьмого до конца девятого века (развалины Хара-балгасун на р. Орхон), и наконец памятники монгольской эпохи с тринадцатого столетия.¹

Историческая литература. Позднеев² различает три рода исторических сочинений: 1. оригинальные произведения с господствующими характерными чертами эпоса; 2. сочинения написанные под влиянием китайских авторов, где встречаются рассуждения из области исторической критики и даже философии истории; 3. сочинения, в которых нужно видеть влияние манджуров, чей казенный формализм отразился на монгольской историографии. При этом перечислении забыто, что существуют переведенные на монгольский язык тибетские исторические труды.

Важнейшим и наилучше всего известным историческим сочинением является в монгольской литературе история Санан-

Orientalistes, session de Genève, 1894), Leide, 1896, pp. 175—180. Сравн. указание W. Bang, *WZKM*, Band X, 1896, S.255—262, предлагающего некоторые поправки к переводу монгольской надписи.

¹ Заслуживает внимание еще и то обстоятельство, что имеется китайский фарфор с монгольскими надписями; S. W. Bushell (*China Review*, Vol. XI, p. 331, и *Chinese Art*, Vol. II, London, 1906, p. 43, с изображением вещей) описал раскрашенную тарелку и кубок для вина, на дне которых написано по монгольски имя *Baraqun-Tümed* «Западные тумэты», под чем вероятно подразумевается князь этого племени, женившийся на дочке китайского императора Дао-гуана (1821—1850 гг.) и для которого во всяком случае был изготовлен сервис. Такие предметы с ламайскими изображениями встречаются не так уже редко в Пекине и в частных коллекциях Нью-Йорка.

² *Мотольская хрестоматия*, стр. IX.

-сэцэн'а в десяти книгах.¹ Обработка ея академиком Schmidt'ом показывает мастерское достижение для того времени, которое и до сих пор не превзойдено. Хотя многое из этого мы видим в настоящее время в ином освещении, и судя по современному состоянию науки могли бы лучше перевести и более критически переработать, но всё же спрашивается, отважится ли когда нибудь равный Schmidt'у по терпению и выносливости работник произвести ревизию его труда.² Санан-сэцэн дает краткий обзор истории буддизма в Индии и Тибете (Книга I—III) и излагает затем историю монголов с появления их до 1662³ года. Для эпохи бывшей между падением династии Юань и началом династии манжуров он до сих пор является бесценным источником. Недостатки его хронологии, топографии и этнографии освещались довольно часто и не могут быть скрываемы, но некоторые критики слишком строго осудили старика автора. Совершенно непонятно, каким образом такой грядательный исследователь как Emil Bretschneider,⁴ доходит до утверждения, что история Санан-сэцэна покончена главным образом на преданиях, а не на официальных документах, в то время как сам автор сам называет в конце своего труда семь главнейших источников⁵ и в своем изложении приводит цитаты из других трудов.⁶ Судя

¹ Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedierten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jakob Schmidt, St. Petersburg und Leipzig, 1829, 4°, XXVI + 509 p.

² При чтении оригинала полезно пользоваться избранными отрывками из хрестоматий Ковалевского и Позднеева, в которых исправлены опечатки текста Schmidt'a.

³ Разбор и критику сочинения дает Abel-Rémusat, *Observations sur l'histoire des Mongols orientaux, de Sanang-Setsen* (*Extrait du Nouveau Journal Asiatique*, Paris, 1832, 88 p.); перепечатано в его *Mélanges posthumes*, Paris, 1843, pp. 373—458.

⁴ *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, London, 1888, Vol. I, p. 194.

⁵ Schmidt, I. c., S. 299.

⁶ К примеру стр. 21, где он приводит *Burhan ma:tayak-un tayi:buri bayasi* Bilig-ün χиуаγ'a.

по всему характеру его сочинения и по его отношению к своим предшественникам, вряд ли можно говорить, что он просто записал какие нибудь устные предания, скорее всего, если они встречаются, то он заимствовал их из более старых письменных источников. Но именно в сохранении старой монгольской традиции заключается почтенное и непреходящее значение его труда, и если Березин, следя мнению Bretschneider'a, говорит, что отсутствие истории Санан-сэцэн'a не составило бы потери для исторической науки, то это ничто иное как пустой школьный подход, дающий свое заключение на основании педантичного изыскания ошибок, но не могущий проникнуть до глубины основного содержания. Справедливо судил Wilhelm Schott:¹ «Кто рассматривает сочинение Санан-сэцэн'a только с точки зрения совершенства и крайней правдивости, того оно удовлетворяет менее, чем самая сухая хроника, составитель которой поставил себе за правило, принимать лишь правдоподобное, как следует заполнить цепь годов и датировать всё точнейшим образом... Но тот, кто ищет внутренней правдоподобности, желает в живом виде постигнуть Прошлое и Настоящее монголов, в живом виде созерцать противоречия: тот находит у Санан-сэцэн'a безусловно большее и лучшее, чем у многих других». Санан-сэцэн не писал ведь для европейских историков, а как монгол, вдохновлявшийся героической эпохой Чингиса. «Героическая эпоха родной страны до поворотного пункта к постепенно надвигающейся невежественности, сопровождающейся всегда порабощением, настолько чарует Санан-сэцэн'a, несмотря на полное подчинение его духа иерархии и переполнение его легендами из Индии и Тибета, что он кажется стоящим выше самого себя, рисуя эту эпоху в свободно связанных сказаниях. В этом нет никакого признака ханжества или умственной ограниченности» (Schott). Он сохранил нам старинные предания и сказания о Чингисе и учил нас понимать благородные чувства этого народа, который «достиг своих беспримерных

¹ Älteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, historisch-kritische Abhandlung, Abhandlungen der Berliner Akademie, 1846, p. 2 отдельного оттиска.

успехов не только благодаря простой жажде добычи и примитивной страсти к разрушению». Нужно прочитать описание конца великого завоевателя, его прощальную речь, его похороны и трогательный посмертный плач,¹ чтобы оценить значение Санан-сэцэн'а как писателя. Описания китайских и мусульманских писателей могут быть более достоверны с исторической точки зрения (но ни в коем случае с психологической), однако они не могут заменить нам Санан-сэцэн'а с его передачей точной транскрипции многочисленных монгольских собственных имен и географических названий.² То что он по существу говоря писал как верующий (по Кбрреп «чрезмерно верующий») буддист, нельзя ему ставить в особую вину, признаем же мы за напомиши собственными историками право излагать историю с партийной точки зрения религиозных или политических исповеданий.³

То что мы знаем о биографии Санан-сэцэн'а, известно нам из его собственного труда, в котором он говорит о себе в третьем лице. Судя по этому он родился в 1604 году, в княжеской семье в Ордосе, и был сыном Бату-хун-тайджи⁴ и правнуком Хутуктай-сэцэн-хун-тайджи Барун-гар'ского. Называясь первоначально Санан-тайджи, он получил на одиннадцатом году своей жизни титул своего деда и стал именоваться Санан-сэцэн-хун-тайджи. Семнадцать лет он был принят Бошкуту-джинон'ом в штат его высших служащих и получил в свои руки отправление судебных обязанностей, причем пользовался особыми доверием и милостями Джинона. После его смерти он провозгласил

¹ Schmidt, I. c., pp. 108 — 109.

² Carl Ritter (*Die Erdkunde von Asien*, Band II, Berlin, 1833, p. 390) ясно отмечает, что историю Санан-сэцэн'а он «во всяком случае считает возможной использовать со всех ее географических сторон».

³ Об эпическом характере труда Санан-сэцэн'а см. главу „Народная литература“.

⁴ Излюбленный раньше перевод этого титула через «Лебединый князь» вероятно ошибочен; он очевидно идентичен с китайским хун-шай-цизи «Красный пояс» который носят родственники императорского дома по побочной линии (см. W. F. Mayers, *The Chinese Government*, 2, Ed., Shanghai, 1886, p. 4, Nr. 30).

хаганом его второго сына, Ринчин-эйчи-дайчин'а. Затем он предпринял поход в Гоби, для подавления одного восстания, откуда вернулся в 1634 году. Он завладел также харами и другими племенами, присоединив их к своему повелителю, который в том же году короновался еще раз; Санан-сэцэн'у, «который с самого начала был его соратником, склонил и привел к нему его врагов, он пожаловал титул Erke sečen ḡung taiji и командование над авангардом войска, а также над центром в больших облавах».

На 59 году жизни (1662 г.) старик автор составил свою хронику «по желанию и требованию многих жаждущих». Он заканчивает свою книгу словами: «Я прошу отнестись к ее ошибкам и заблуждениям с терпением и снисхождением, а вы, мудрецы и ученые, украшенные преимуществами и заслугами, исследуйте и исправьте ошибочное! Но кто заранее не осуждает читает это сочинение и находит хоть немного достойного для своего поучения, тот может созерцать его как зеркало, в котором он, уподобясь тем, кто посредством небесной 'Чиндамани'¹ желают проникнуть в Сокровенное, увидит расцвет цветка 'Линхоя'² вечной мудрости».

Труд Санан-сэцэн'а удостоился также чести быть переведенным на китайский язык впервые в 1777 г. под названием *Мэн-гу-юань-лио* «Происхождение и история монголов». Это сочинение было уже известно Abel-Rémusat,³ точно установившего время перевода и указавшего относящееся к нему место в каталоге библиотеки Цзянь-луна (Гл. V, стр. 29), также и W. Schott'y.⁴

¹ Талисман.

² Лотос (по китайски лянь-хуа).

³ *Observations sur l'histoire des Mongols orientaux*, Paris, 1832, pp. 85—86.

⁴ *Älteste Nachrichten von Mongolen und Tataren*, I. c., p. 3, Note. Справн. кроме того заметку Fr. Hirth, *Über eine chinesische Bearbeitung der Geschichte der Ost-Mongolen von Ssanang Ssetsen* (*Sitzungsberichte der Bayer. Akademie*, München, 1900, Heft II, S. 195—198). — E. Haenisch, *Die chinesische Redaktion des Ssanang Ssetsen in Vergleiche mit dem mongolischen Urtexte* (*Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, Band VII, Abt. I, 1904, S. 173—199).

На данных Санан-сэцэн'а и других монгольских исторических сочинений покоятся написанная һJigs-med Nam-mkha в 1818 г. по тибетски «История буддизма в Монголии», изданная и переведенная G. Huth'ом. Перевод этого труда на монгольский язык был совершен согласно указанию в колофоне ламайским сановником Zam-cha;¹ однако не указано, приведен ли этот приказ в исполнение.

Официальная история монголов *Altan debter* («Золотая книга») не дошла до нас, но сохранилась в таком виде, в каком она попала в персидскую историю (*Джами'-ат-теварих*) Рашид-ад-дин'а (1247—1318) и в китайские летописи династии Юань (*Юань-ши*). Рашид особо отмечает ее вместе с другими историческими монгольскими документами как хранящуюся в сокровищнице Газан-хана и порученную надзору старшего из беков.²

Другая полная история монголов на монгольском языке, в 32 книгах, должна храниться в императорском дворце в Пекине и привезена якобы из Монголии для наследника престола.³

Одно из удивительнейших и наиболее ранних достижений монгольской исторической литературы известно под китайским названием *Юань-чао-би* (ми)-ши, «Сокровенная история династии Юань». Архимандрит Палладий, один из отличнейших знатоков китайской и монгольской литературы, дал перевод этого сочине-

¹ G. Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Strassburg, 1896, Band II, 446. Сравн. содержательную рецензию А. Grünwedel, *WZKM*, Band XII, 1898, S. 70—74; указание L. Feer, *Journal Asiatique*, Janv.-Févr., 1897, pp. 159—165.

² Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, Vol. I. London, 1888, p. 197. — Монгольские документы, которыми пользовался Рашид, были написаны уйгурскими буквами шестью писцами под руководством Шулад-бека, знавшего лучше, чем кто либо другой, монгольские генеалогии. Он говорил по монгольски и мог читать монгольские сочинения. — Абулгази, писавший на три столетия позже, пользовался для своей «Истории монголов и татар» кроме труда своего предшественника еще семнадцатью другими историями о Чингисе на монгольском языке. (*Desmaisons, Histoire des Mongols et des Tatars par Aboul-Ghâzi-Bêhâdour-Khan*, Vol. II. St. Pé., 1874, p. 35).

³ Ковалевский, *Монгольская Хрестоматия*, Том II, стр. 331.

ния в IV томе стр. стр. 1—258, (1866 г.) «Трудовъ членовъ россійской духовной миссии въ Пекинъ», пользуясь извлечением из китайского перевода монгольского подлинника. Последний был закончен в 1242 году во время великого курултая на реке Керulen и представляет таким образом старейшее из существующих сочинений в монгольской литературе. Оно затрагивает раннюю историю монголов, царствование Чингис-хана и начало царствования Угэдэя. С появлением династии Мин был создан китайский перевод этого сочинения. В 1382 году оно упоминается в *Хун-у-ши-лу* «Подробные известия о правлении императора Хун-у». Там говорится, что был присовокуплен и монгольский текст китайского перевода, но не в подлиннике, а в транскрипции монгольских звуков китайскими юрографами. Палладио удалось разыскать рукописную копию Минского издания сочинения, с приложением монгольского текста в китайских юрографах, которой пользовался также Emil Bretschneider.¹ Он утверждает, что несмотря на большое количество архаизмов и ошибок правописания, встречающихся в этом тексте, восстановление монгольского подлинника представляет мало затруднений для знатока обоих языков. По его мнению, всем кто изучает историю монголов, этот редкий документ старой монгольской литературы должен представлять большой интерес. В общем он подтверждает данные Рашид-ад-дина, а иногда в нем попадаются места, звучащие как дословный перевод выражений персидского историографа. Это доказывает, что Рашид пользовался не только одинаковым источником информации с неизвестным автором *Юань-чао-би-ши*, но также и достоверным старым монгольским преданием. Вообще же даты монгольского сочинения сходятся с таковыми мусульманского писателя, несмотря на то, что в некоторых немногочисленных

¹ См. *Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society*, N. S., Vol. X, 1876, pp. 88—89, или E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, London, 1888, Vol. I, pp. 192—193.

случаях встречаются большие хронологические пробелы и перестановки событий.

Рукопись Палладий перешла в собственность библиотеки Ленинградского университета, а проф. Позднеев¹ опубликовал транскрипцию текста² с переводом и примечаниями.

Интересна и весьма ценна для старых сказаний хроника *Allan tobči* («Золотая пуговица»)³ или *Erdeni-yin tobči* («Драгоценная пуговица»), составлена в 1604 г., два рукописных экземпляра которой достали русские миссионеры в Пекине. Ученый лама Галсан Гомбоев⁴ подготовил по ним издание текста с русским переводом. Bretschneider⁵ несколько преувеличенно рисует это сочинение как очень сбивчивое изложение истории монголов до шестнадцатого столетия и в общем трудно понимаемое. «Мы находим там», замечает он, «множество имен людей, местностей и событий записанных без всякой связи, и

¹ Транскрипция палеографического текста Юань-чао-ми-ши [не пользовался]— Ibid. О древнем китайско-монгольском историческом памятнике «Юань-чао-ми-ши», СПБ., 1882, 22 стр., 1 таблица. — В течение многих лет я старался получить экземпляр этого важного труда и лично просил проф. Позднеева во Владивостоке о предоставлении такового, и не получил, несмотря на его обещание. Русские ученые всегда готовы жаловаться на пренебрежение их трудами со стороны западных коллег, но что делают они сами для распространения своих отчий заграницей? Большинство русских изданий не имеют даже издателя, организация русской или хотя бы сибирской книготорговли находится под покровом тайны. Из Египта, Сирии, Индии, Индокитая, Австралии, Явы, Японии. Китай, даже из Тибета теперь легче (совсем без всяких затруднений) получить книги, чем из России и Сибири. Я хотел бы поэтому сказать русским коллегам: совсем не наша вина, если вы здесь остаетесь в неизвестности; сделайте свои работы более доступными всему миру и мы будем их читать и публично.

² Только части текста. [Прим. переводчика].

³ Автор дает неправильный перевод слова *tobči*, принятый прежними исследователями. *tobči* = *tobčiyan* означает «сказание, повествование, история». [Примеч. переводчика].

⁴ Алтанъ Тобчи, монгольская хроника, в Трудахъ Восточного Отделения Императорского Археологического Общества, Часть VI, С.-Петербургъ, 1858, XIV + 234 стр. Текст со многими опечатками к сожалению. История предков Чингиса и его царствования перепечатана оттуда в хрестоматии Позднеева, стр стр. 105—126.

⁵ Mediaeval Researches, Vol. II, p. 159.

в большинстве случаев мы находимся в затруднении, что делать со всеми этими историями, и как решить, к какому периоду они относятся; однако сравнение *Алтан-тобчи* с китайскими историческими сообщениями дает нам возможность найти там крупицу истины». Стиль этой хроники труднее чем у Санан-сэцэн'а, значительно сокращенное, более сжат и полон идиотизмов, а также устарелых выражений. Некоторые сказания переданы здесь в первоначальном и более чистом виде, чем у Санан-сэцэн'а, который повидимому не совсем хорошо понимал кое-какие старинные черточки, как я уже раньше показал на одном примере.¹ Хроника занимает среднее место между *Юань-чаби-ши* и Санан-сэцэн'ом.

Под тем же самым заглавием *Алтан-тобчи* существует еще другая хроника, не имеющая с вышеупомянутой ничего общего, кроме названия. Рукописный текст ее достал Позднеев в северной Монголии; по его мнению он написан в харачинских хошунах, т. к. две встречающиеся там легенды, которые монголы обычно относят к Чингис-хану, переносятся на Хасара, родоначальника харачинов. Это племя подвергалось китайскому влиянию больше чем все другие монгольские роды, почему автор *Алтан-тобчи* мог пользоваться рассказами китайских историков. В его тексте можно без затруднения признать почти дословные переводы из *Юань-ши-лэй-бянь*,² *Мин-ши* и других китайских источников; также стремление его к исторической критике и разбросанные там и сям рассуждения наверняка ведут к этому влиянию. Отрывок из этого сочинения перепечатан в хрестоматии Позднеева стр. стр. 126—148.

В примечаниях к своему изданию Санан-сэцэн'а Schmidt сообщил содержательные выдержки из одной калмыцкой хроники *Nom yarzui to dorzai tol'i* («Светлое зерцало распространения

¹ *Der Urquell*, Neue Folge, Vol. II, 1898, pp. 148—149.

² Сокращенная китайская история династии Юань, написанная Цзя-шанем, издана в 1699 г., в 42 главах (Bretschneider, *Mediaeval Researches* Vol. I, p. 191).

[или истории] религии»)¹ или *Bodhi mōr* («Путь просветления»). Это переработка тибетской хроники *bGyal-rabs gsal-bahi me-loñ* («Зеркало, освещющее родословную царей») [т. е. тибетских], история Тибета, написанная в 1327 году сакьяским *bSod-nams rgyal-mchan* в монастыре *bSam-yas*. Это тибетское сочинение заслуживает полного перевода, т. к. именно важнейшие и интереснейшие части отсутствуют в изложении Schmidt'a; большинство имен в нем оказываются переведенными с тибетского. Монгольское издание труда было напечатано в Пекине;² калмыцкая версия находится в Дрездене (Ев 494 б, 158 fols.).

Попов³ упоминает о труде *Jirüken-ü tolta* («Артерия сердца»), главным образом исторического содержания, из которого он сообщает отрывок о происхождении монгольских букв; там же рассказывается о первоначальном введении и распространении буддизма среди монголов. Полный текст имеется в Хрестоматии (стр. стр. 360—379) Позднеева, который называет его (стр. XV) одной из самых лучших оригинально-монгольских грамматик: там должны приводиться правила для сочинения в образцовом литературном стиле, и затрагиваться отношения письменного языка к разговорному.⁴ Однако в нем трактуются главным образом правила правописания и произношения. Уже Бобровников правильно пользовался им и часто цитировал его в своей монгольско-калмыцкой грамматике. Составление этого сочинения приписывается традицией осново-

¹ También *Gegen tolki*, «Блестящее, [освещающее] зеркало», перевод тибетского *gsal-bahi me-loñ*.

² Глава о появлении Авалокитешвары по монгольски в хрестоматии Ковалевского, Том II, стр. стр. 32—37; тоже по немецки у I. J. Schmidt, *Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens*, St. Petersburg, 1824, S. 193—206.

³ Монгольская хрестоматия, стр. VIII. Эта часть переведена I. J. Schmidt, *Geschichte der Ost-Mongolen*, S. 392—394, 397—398, и Pallas, *Sammlungen historischer Nachrichten etc.*, Band II, S. 356—369. (Автор, следуя своим предшественникам, переводит монг. слово *tolta* как «украшение». [Прим. переводчика].

⁴ Удивительно, что в введении к своей хрестоматии Позднеев совершенно не затрагивает вопроса о выяснении автора и времени появления обработанного им труда.

положнику современного монгольского алфавита Чойджи-одзер'у; но это еще нужно доказать.

Более новая монгольская хроника — это *Erdeni-yin erike* («Драгоценные четки»), содержащая, кроме общей истории Монголов до 1849 г., материалы по истории Халхи от 1636 г. по 1736 г.; текст этот с переводом был обнародован А. Позднеевым.¹

Калмыки обладают большим количеством исторических сочинений. В Королевской Библиотеке в Дрездене находится «*Rассказ о том как Дорбон-ойраты были побеждены Монголами*».² Калмыцкий текст *Истории Убashi-хунь-тайджи* издал К. Голстунский,³ также Галсан Гомбоев⁴ с русским переводом. Другие калмыцкие хроники обработал А. Позднеев.⁵

Современное монгольское историческое сочинение *Bolor tolj* («Хрустальное зеркало»), написанное позднее 1820 г. недавно разобрано А. Рудневым.⁶ В первой книге дается очерк буддийской космологии и буддизма в Индии, во второй трактуются Китай и Тибет, вместе с биографиями лам, в третьей монголы. Если судить по этой схеме, то сочинение опирается на некоторые известные тибетские исторические труды, скорей всего на *Grub-mtha gel-kyi me-loj* («Хрустальное зеркало Сидданты»), с которым у него общее начальное слово заглавия.

¹ Монгольская летопись «Эрдэнийн-эрхэ». Подлинный текст с переводом и объяснениями, СПБ., 1883, 8⁰, 421 стр.

² *Dörbön Oyirad Mongyoli daruqsan tüji*, 10 fols., MS. Dresden., Eb 404 i. Дорбон-ойрад суть четыре племени калмыков: Зюнгар, Торгут, Хонут и Дэрбэт.

³ Убashi Хунь-Тайджийн түдэжи (вместе с Джангаром и Сидди-кор), СПБ., 1864, литографировано, стр. стр. 1—7.

⁴ В его издании *Алтан-тобчи*, СПБ., 1858, стр. стр. 198—224.

⁵ Памятники исторической литературы Астраханских Калмыков, СПБ., 1885, 130 стр., 8⁰. Сравн. также его же, Астраханские Калмыки и их отношение к России до начала пыншия столтия, СПБ., 1886, 32 стр., 8⁰, и его материалы по истории зюнгарских калмыков в книге Н. И. Веселовского, Постольство к зюнгарскому Хунь-Тайчжи Цэванъ Рабтану капитана от артиллерии Ивана Ушковского и путевой журналъ его за 1722—1724 годы, СПБ., 1887, стр. стр. 239—264 (вместе с шестью страницами калмыцкого текста).

⁶ Зап., Том XV, 1904, стр. стр. 032—034.

Наверное существуют также исторические труды переведенные с китайского языка на монгольский. К числу их я причисляю упоминаемую например в Казапском каталоге монгольскую книгу в сто глав, которая судя по приведенному там описанию должна содержать подробное описание войны китайцев с джунгарами (начиная с 1754 г.) и с Восточным Туркестаном.

Географическая литература. Географические описания редко встречаются в монгольской литературе и совершенно чужды старым памятникам; однако существуют описания Китая и разных святынь более нового времени. Как образчик описательного стиля привел Позднеев в своей *Монгольской Хрестоматии* (стр. стр. 15—21) две вещи из недавно опубликованной подробной биографии Джанджа-хутухты, описания Пекина и Жэ-хэ. В них дается изображение улиц, дворцов и лавок, также как и торговли в столице; другой очерк описывает главным образом парки и озера тамошнего императорского дворца. Напротив, монгольская литература довольно богата описаниями путешествий, которые до сих пор очень мало известны. Хубилган Джебдзун-дамба-хутухта описал свою поездку в Эрдэнэ-дзу в виде дневника, а бурятский хамбо Заяев свое путешествие в Тибет с систематичным описанием посещенных им местностей и особыми очерками целых областей. Существуют еще многие другие не изданные описания путешествий в Тибет бурятских и калмыцких лам. Чрезвычайно интересный пример этого рода, описание путешествия одного калмыка с двумя спутниками через Ургу в Лхасу и обратно по морю в Россию (1891—1894 гг.) опубликовал Позднеев¹ с текстом и переводом.

Шаманская литература. — Что касается старой туземной религии монголов, то до сих пор ее считали не имеющей

¹ *Сказание о хождении въ Тибетскую страну Мало-Дорббекаю Бэза Бакши. Калмыцкий текстъ съ переводомъ и примѣчаніями*, Издан. Фак. Вост. Языковъ. С. П. Ун., СПБ., 1897. VIII-+260 стр. Разбор содержания у W. Bartold, *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, Band I, Abt. 1, Berlin, 1898, S. 187—190.

вообще никакой литературы, и покоящейся исключительно на устной передаче. Однако Позднееву, во время его пребывания среди бурят в 1879 г., удалось получить от тамошних шаманов одну рукопись, содержащую изложение шаманских верований бурят и напечатанную им в его *Монгольской Хрестоматии*, стр. стр. 293—311. Здесь трактуются шаманские божества и духи хранители, частные и местные онгоны, шаманы и шаманки, обряды исполняющиеся при посвящении в шаманы, их платья и предметы культа, их молитвы при разных обстоятельствах, изготовление онгонов, церемонии и жертвы имеющие место при болезнях и т. д. Это сочинение безусловно заслуживает перевода. До сих пор мы имеем пока отличные работы Хангалова, дающего записанные со слов бурятских шаманов тексты с переводами.¹ Ценен также и труд Банзарова.²

Буддийская литература. Работа по переводам буддийских сочинений повидимому началась довольно рано. Уже Чойджи-одзер сакьяский, творец настоящего монгольского алфавита, занимался передачей *dhāraṇī* и *cāṣṭra* на монгольский язык.³

¹ М. Н. Хангаловъ и Агапитовъ, О шаманстве у Бурятъ Иркутской губерніи, *Ізвѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русск. Географическаго Общества*, Том XIV, 1883, №. №. 1—2.—Хангаловъ, Новые материалы о шаманстве у Бурятъ, *Записки Восточно-Сиб. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. по Этнографіи*, Том II, №. 1, Иркутскъ, 1890. Затем Н. Кегп, *Oter de godsdienstleer der Burjaten*, Amsterdam, 1893 (K. Akademie van Wetenschappen).—Шаманская новелла инородцевъ восточной Сибири. Ibid., Том II, №. 2, Иркутскъ, 1890, с 10 таблицами (рисунки шаманских бубнов).

² Дорджи Банзаровъ, Чистая Вѣра или шаманство у Монголовъ и другія статьи, С. Петербургъ, 1891.

³ Кбрреп, *Die lamaische Hierarchie und Kirche*, S. 101; Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 164. По Ковалевскому (*Монгольская хрестоматия*, Том II, стр. 459) он является переводчиком *Bodhisattvabagyāratāra* Шантидэва (в *Дайджуре*, Том 29, Сутры; см. Васильевъ, *Буддизмъ*, стр. 228, и перевод Тараната Schiefnerg'a, стр. стр. 163—168). Этот перевод однако не был тогда напечатан, но передавался в наполненных ошибками списках, пока с течением времени не перестал быть понятным. Ламы монастыря Сун-чижу-сы в Пекине отыскали три монгольских рукописи и три печатных тибетских экземпляра с некоторыми комментариями. Т. к. они не нашли сходства между отдельными версиями, то они решились с помощью Джанджа-хутухты исправить перевод для общего употребления. Один экземпляр этого исправленного монгольского перевода находился в руках Ковалевского.

Император Йесун-темур (1324—1327 гг.) династии Юань призвал сакьяского ламу dGa-ba bsod-nams и монгольского переводчика (*Lo-tsā-la*) Ges-rab sej-ge и предложил им перевести много *pravačana*.¹ При императоре Туб-темур'e в 1330 году была переведена на монгольский язык и напечатана в 2000 экземплярах «Сутра созвездия Большой Медведицы» (*Doluγan ebyi-gen neret'i odin-i sudur*) пожалуй самый старый достоверный образчик монгольского книгопечатания.²

Здесь уместно упомянуть, что первые подробные сведения о буддизме Европа получила из монгольской литературы. Pallas³ в своем знаменитом классическом труде представил великолепные сведения о космологии, мифологии, классификации божеств, духовной иерархии и культа монгольских буддистов, и дал также сокращенные переводы из монгольско-буддийских сочинений; прежде всего дал возможность познакомиться с биографией Будды по трем источникам.⁴ В. Bergmann⁵ тоже издал перевод буддийской космологии, а Тимковский⁶ краткое жизнеописание Будды по монгольским сообщениям.

Ганджур, 100-томная тибетская версия *Тривитаки*, в начале XVII столетия была целиком переведена на монгольский язык при Легдан-хутухту-хагане чахарском, правившим с 1604—1635 гг.; перевод был окончен в 1624 г.⁷ «С тех пор до на-

¹ Huth, I. c., S. 166.

² Laufer, *T'oung Pao*, 1907, pp. 395, 397.

³ *Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, Zweiter Teil, St. Pet., 1801.

⁴ L. c., S. 410—419.

⁵ *Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 u 1803*, Riga, 1804—1805, Band III, S. 185—230. Калмыцкий оригинал в Дрездене, (Eb 404 k, 19 fols.).

⁶ *Путешествие в Китай чрезъ Монголию въ 1820 и 1821 годахъ*. Санктпетербургъ, 1824, Том III, стр. стр. 409—433.

⁷ G. Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 248. I. J. Schmidt, *Sunang Setsen*, S. 418. — Утверждению Waddell'a (*The Buddhism of Tibet*, p. 38), не опирающегося ни на какие указания источников, о том, что Сакья-пандита уже перевел Ганджур на монгольский язык и сверил его с китайским текстом, не нужно придавать никакой цены.

стоящего времени», замечает тибетский летописец, передающий нам это известие, «великолепно процветают переводы сочинений, слушание толкований и прочие религиозные упражнения, и благодаря этому все местности Монголии стали пребывать на пути истинной добродетели и ревностно упражняться в вере, щедротах и ином благородном поведении». Перевод был предпринят многими учеными писателями под руководством Kün-dgaḥ ḥodzera. Уже раньше в эпоху императора Кулуга или У-цзун (1308—1311 гг.) были переведены отдельные части *Ганджура* и *Данджура*.¹ Этот же перевод был еще раз просмотрен по приказу императора Канси (1662—1722 гг.) и затем напечатан.²

Император Цянь-лун (1736—1795 гг.) поручил 1Čaiṇ-skya Rol-paḥi ḡdo-gje и bLo-bzaḥ bstan-paḥi ūi-ma перевести на монгольский язык также и *Данджуру*, комментарий к *Ганджуре* в 225 томов. Однако эта работа встретила значительно большие затруднения, чем сравнительно легкий перевод *Ганджура*, так как в *Данджуре* находится большое количество научных трактатов с богато развитой своеобразной терминологией, между ними труды по языкознанию, стихосложению, реторике, лексикографии, медицине и архитектуре. Для этой цели оба ламы вынуждены были предварительно создать терминологический словарь на тибетском и монгольском языках, который должен был служить основой их работы. При помощи целого синклита ученых, «которые изучили источники и говорящих на обоих языках lochāva» начали оба монаха свой труд по пере-

¹ Санан-сэцэн говорит (стр. 121), что это была большая часть сутр и дарани. Тибетское сочинение *Grub-mtha ḡel-kyi me-loṇ* (написанное в 1740 г.), глава II: знаменитые *dhāraṇī* и другие религиозные сочинения *Ганджура* и *Данджура* (см. JASB, 1892, р. 61, I. 8; перевод этого места Chandra Dás, р. 68, не совсем правильен). Сравн. Поповъ, *Монгольская христоматия*, стр. 94.

² Huth, I. c., S. 291. Chandra Dás (I. c., р. 69) переводит «частично напечатано», что не подтверждается тибетским текстом. Ковалевский (*Монгольская христоматия*, Том I, стр. 264) говорит, что просмотр Джанджа-хутухты при Юн-чжэне в Пекине и печатание были произведены на государственный счет в первой половине восемнадцатого столетия.

воду в октябре-ноябре 1740 г. и видимо полностью справились с переводом к ноябрю-декабрю 1741 г., следовательно в годичный срок, согласно тибетскому историку *hJigs-med Nam-mkha*.¹ Это указание совершенно невероятно, хотя бы полчища сотрудников были в два раза больше, и может относиться не более как к самой незначительной частице *Данджура*. Это вытекает также из дальнейшего изложения. «Затем они передали перевод на рассмотрение великого императора. Он же исполненный радости, удостоил их обильных похвал и наградил переводчиков благодарственными дарами и бесчисленными другими доказательствами милости. Они дали напечатать перевод на средства императора и распространить его во всех концах великой Монголии. Это было основным залогом существования драгоценности учения». Здесь идет речь о большом печатном издании и в этом случае в течение времени должен был бы найтись один, другой экземпляр, но до сих пор ни один из них не был разыскан. Правда в *Grub-mtha 'el-kyi te-loi* сообщается положительно, что как *Ганджур*, так и *Данджур* на монгольском языке были напечатаны в эпоху Цзинь-лун'a.² Это указание однако весьма подозрительно, так как автор его умер в 1740 г., почти через неделю после окончания своего труда.³ Следовательно на самый худой конец он не мог ничего знать об оконченном, как полагают в 1741 г., переводе *Данджура*, и еще меньше о позднее следовавшем печатании. Это место должно поэтому рассматриваться как последующее добавление.

Под заглавием «Буддийский Катехизис» издал Ковалевский в своей хрестоматии (Том II, стр. стр. 99—158) текст по рукописи сочинения *Tonilchi-yin cimeg kemegdekü šastir* («Шастра именуемая украшением спасения»), которое является извлечением или вероятнее переводом какой то тибетской книги. В хрестоматии Позднеева (стр. стр. 200—228) это же сочинение воспро-

¹ Huth, I. c., S. 291—293.

² JASB, 1882, pp. 62, 69.

³ JASB, 1881, pp. 187, 188.

изведено в более полном и правильном изложении. Оно главным образом догматического содержания и комментирует основоположения буддийского учения.

Сорокадвухглавный сутра, содержащая обзор главнейших буддийских доктрин, издана в тройном тексте L. Feer'ом.¹ Она была переведена на монгольский язык во времена Цянь-лун'а (должно быть в 1781 г.)² переводчиком Prajñodayavuāsa.

При развитии буддизма толка Махаяны образовалась одна система, в центре которой стоит бог света Будда Амитаба (по монгольски Амида) и учение о расположенному к западу от Индии рае Сукавати. Это представление произвело глубокое впечатление на все народы северного буддизма, и стремление переродиться в этой небесной обители радости вызвало побуждение к многочисленным изображениям ее посредством слова и кисти. Одно монгольское описание, переведенное по предположениям с тибетского языка в пятнадцатом столетии, передал И. Подгорбунский³ на русском языке.

Свообразное произведение тибетской литературы—это *Māṇi bkaḥ-lvum* («Сто тысяч драгоценных наставлений»). Традиция приписывает авторство его тибетскому царю Срондзан-гамбо, но совершенно необоснована и вероятно покоится на том, что этот труд касается главным образом данного государя и его судебных установлений (кроме того он служит прославлению божества Авалокитешвара); однако нет никакого основания счи-

¹ *Le Sūtra en quarante-deux articles. Textes chinois, tibétain et mongol, auto-graphiés par Léon Feer, d'après l'exemplaire polyglotte rapporté par l'abbé Hué*, Paris, 1868 (Maisonneuve), 39 р.

² Léon Feer, *Le Sūtra en 42 articles traduit du tibétain avec introduction et notes*, Paris, 1878, pp. 49, 76, 77. В великолепном предисловии можно найти комментарии на более ранние переводы. Ch. de Harlez (*Les quarante-deux leçons de Bouddha, texte chinois avec traduction, introduction et notes*, Bruxelles, 1899) ознакомил с другой китайской версией этой же сутры.

³ *Зерцало мудрости, которое, рассказавъ о происхождении царства Сукавати, ясно представить достоинства этого священного царства* (переводъ с монгольского), *Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Геогр. Общества*, Том XXVI, Иркутскъ, 1895, стр. стр. 1—31.

тать вместе с Васильевым этот труд «без сомнений новым и написанным по повелению Далай-лам для поддержания их авторитета».¹ Безусловно он содержит много старинного, между прочим особенно законы и изречения первого исторического царя в Тибете, которые восходят по достоверной традиции к тому времени. Одно тибетское издание (329 лист.) было в 1730 г. напечатано в Пекине; очень красивое монгольское там же в 1713 г. в двух томах (291 и 251 лист.); отрывок калмыцкой переработки в 58 лист. находится в Дрездене (Eb 404a).

По содержанию с *Māṇi bkaḥ-khvit* родственен приводимый Ковалевским² труд *Dörben ayītaγ Töbed ulus irgen-dür üliger zauli bayiγnūhsan šastir*, основой которого являются религиозно-моральные предписания для руководства жителям четырех тибетских провинций.

Излюбленное произведение тибетской литературы, песни Миларайбы, странствующего нищего монаха одиннадцатого столетия и его биография, переведены на монгольский язык *Širegetü Gūši согжি*,³ развившего богатую литературную деятельность. Особого внимания заслуживает также монгольское переложение интересного тибетского легендарного сочинения Падмасамбава, играющего значительную роль в религиозной истории Тибета. Монгольские и тибетские издания, напечатанные в Пекине, принадлежат к красивейшим достижениям ламайского книгопечатания. Монгольский ксилограф содержит 292 листа

¹ Сообщение W. W. Rockhill'a (*The Life of the Buddha*, London, 1884, p. 213). Разбор труда у E. Schlagintweit'a, *Buddhism in Tibet*, London, 1866, p. 84. Начало находится под заглавием «*Auszug eines grossen tangutischen Werks Mani-Gambo, welches die Legenden von den grossen Burchanen Abida, Chondschin-boddisaddo und Schaktschamunih enthält*» у Pallas, *Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, Band II, S. 396—409, в переводе. Вторая глава переведена Rockhill, *The Land of the Lamas*, London, 1891, pp. 326—334. Сравн. Köppen, *Die lamaische Hierarchie und Kirche*, S. 58.

² Монгольская хрестоматия, Том II, стр. стр. 330—331.

³ Huth, I. c., S. 248; Ibid., *Die Inschriften von Tsaghan Baiśin*, Leipzig, 1894, S. 28. Упомянутый пандит является автором тибетского текста.

самого большого формата по тридцать строчек на каждой странице; переводчиком называет себя *Sakya türüb kelemürči*.

Основным произведением реформатора Дзонкаба, 1356—1418 гг. (*Byal-chub lam-gyi rim-pa*, кратко *Лам-рим* [по монгольски *Mör-ün jerge*], «Постепенный путь совершенства»)¹ изучался монголами с большим усердием, особенно в восемнадцатом веке, когда были основаны два больших монастыря Бурханту и Тала со специальным факультетом *Lam-rim* для изучения этой системы.²

Из многочисленных отделов буддийской литературы чрезвычайно любимы и популярны *žātaka* и *avadāna*. Среди монголов особое распространение получили два собрания, *Ülger-ün dałai* («Море притч») и *Altan gerel* («Золотой блеск»). Первое сочинение является переделкой переведенного с китайского языка на тибетский, содержащегося в *Ганджуре* известного сборника *mJañs-blun* («Мудрец и дурак») из 51-го рассказа, изданных и переведенных I. J. Schmidt'ом.³ В предисловии к этому изданию он обсуждает также отношения тибетской и монгольской версий.⁴ В то время как в главном содержании они одинаковы, рассказ в монгольском тексте зачастую ведется в более широких рамках и парадизирован, спабжен подчас маленькими добавлениями, которых не хватает в тибетском; однако и в последнем иногда попадаются короткие отрывки, которых монгольский текст не содержит. Монгольский *Дзанлун* состоит из 52, тибетский только из 51 глав.⁵ Поэтому, принимая во внимание эти варианты

¹ Köppen, *Die lamaische Hierarchie und Kirche*, S. 112. H. Wenzel, *Tsonkapa (Short Notice on his Works)*, JRAS, 1892, pp. 141—142.

² Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 375; см. кроме того pp. 378, 379, 382, 383, 387, 388, 392. Сочинение было переведено на монгольский язык *Nag-dbañ blo-gros'om* (ibid., S. 367).

³ *Der Weise und der Thor, Aus dem Tibethischen übersetzt und mit dem Originaltexte herausgegeben von I. J. Schmidt.*, 2 Vols., St.-Petersburg, 1843.

⁴ Vol. I, pp. XVI, XVII.

⁵ Этот особый рассказ (седьмая глава) перепечатан у Schmidt'a (Vol. I, pp. XVIII—XXXI) в монгольском тексте с переводом. Многие из приводимых Schmidt'ом вариантов показывают, что тибетский текст, которым он пользо-

Schmidt сделал заключение, что монгольская версия переведена с другого тибетского издания, чем то, которое имеется в Ленинградском *Ганджуре*. Это предположение у него укрепилось еще благодаря тому, что один из виденных им экземпляров калмыцкого перевода *Дзанлун'a* сходится с тем тибетским изданием *Ганджура* во всех подробностях. В Ленинграде находятся различные издания *Улиэрүн-далай*; отдельные сказки были изданы, четыре в хрестоматии Ковалевского (Том I, стр. стр. 5—41), одна в хрестоматии Попова (стр. стр. 41—53, в соответствии с 6 главой *Дзанлун'a*), одна в грамматике монгольского языка I. J. Schmidt'a (СПБ., 1831 г., стр. стр. 129—142). Пекинское ксиографическое издание (230 лист.) опубликовано в 1714 г.

Калмыцкая версия сочинения (287 лист.) имеется в Дрездене (Eb 404c). В конце последнего даются в калмыцкой транскрипции как санскритское заглавие *Damatīkōnātāsūtra*, так и тибетское *hJañs-blun žes-by-a-ba mdo*, а также калмыцкое название *Medē-tei* (вост.-монг. *medege-tei*) *medē-ügeigi iilaugči kəmēkii sudur* «Сутра именуемая победитель понятливых и непонятливых». Перевод приписывается Дзая-пандита (семнадцатый век).

Сборником, сходным с *Улиэрүн-далай* является *Üliger-ÿn not* («Закон [или завет] притчи»), в котором находятся рассказы, частично взятые из того произведения, частично добавлены многие другие, для насаждения проповедуемых буддизмом добродетелей. Стиль этого сочинения несколько более тяжел, чем у выше-названного, краток, но ясен и понятен. Четыре главы из него взяты в хрестоматию Ковалевского (Том I, стр. стр. 41—93), первая у Позднеева (стр. стр. 228—265).¹

вался, был не очень точным списком (см. A. Schieffner, *Ergänzungen und Berichtigungen zu Schmidt's Ausgabe des Dsanglun*, St.-Petersburg, 1852, S. 1—2). Schieffner широко пользовался монгольской версией для восстановления правильного чтения.

¹ В одном экземпляре этого произведения в British Museum находится следующее радостное излияние, повидимому вылившееся из под пера одного английского миссионера: Much bad stuff in this book, especially for young people; some of the stories are fascinating and might lead the young mind astray.

Большой интерес представляет сочинение *Cindamani erike* (по тибетски *Nor-bu phreñ-ba*, «Драгоценные четки»), обработка одного тибетского сборника религиозных сказок, которые поведал знаменитый лама Джо (Джо-бо)-Адиша (983—1055 г.) о прошлых деяниях Авалокитешвара и Бром-бакши. Ковалевский (*Хрестоматия*, Том I, стр. стр. 93—182) перепечатал текст двух глав из него, и замечает (стр. 394), что стиль легок и привлекателен, и что в нем разбросано много поэтических мест в стихах. Длинную главу оттуда перевел I. J. Schmidt.¹ Хороший ксилограф монгольского текста (344 лист.) издан в Пекине в правление Кан-си.

Произведение *Altan gerel*, как оно сокращенно озаглавлено, является переводом одной сутры (*Suvarṇaprabhāśottamaśūtra-drāgāja*, *Оглашение Ганджура*, изд. Schmidt, №. 556, р. 81) содержащейся в *Ганджуре*. Это сочинение очень любимо монголами, что доказывают многочисленные и хорошо напечатанные издания его; как мы можем заключить из одного интересного места у *ḥJigs-med Nam-mkha*, в шестнадцатом столетии уже был случай, когда один ойрат с благоговением отзывается об этой книге перед третьим Далай-ламой (Соднам-джямцо, 1543—1586 гг.).² Там же сообщается, что Гүши-хан (род. в 1581 г.) велел перевести ее на монгольский язык вместе с многими другими сочинениями. Таким образом можно считать, что монгольская версия существовала в конце шестнадцатого или в начале семнадцатого столетия. Санан-сээн (1662 г.) знал ее и приводит из нее цитаты.³

Одна из красивейших монгольских *jātaka* это «Рассказ о мальчике, едущем без седла на черном быке верхом». Здесь

¹ *Geschichte der Ost-Mongolen*, S. 424—488. Подробнее об этих двадцати *jātaka* см. *Journal of the Buddhist Text Society of India*, Vol. I, 1893, p. 32, где также переведена первая из них.

² G. Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 250.

³ I. J. Schmidt, *Geschichte der Ost-Mongolen*, S. 11, 307. 26 глава имеется в тексте и переводе в Schmidt, *Grammatik der mongolischen Sprache*, S. 143—176; текст 20 главы в *Хрестоматии* Попова, стр. стр. 138—144.

выступают Будда в виде бедного мальчика и некий браман, кичащийся своей ученостью; они начинают диспут и предлагают друг другу вопросы, при чем браман приходит в большое затруднение и не может оппонировать мальчику, остроумные ответы которого укрощают его гордость.¹ Учитель спрашивает например: «Мальчик, что направо, что налево?» Мальчик отвечает: «Запад находится направо, восток налево, север позади, юг впереди». Учитель спрашивает дальше: «Близки ли тебе отец и мать?» — «Отец мне близок, мать же нет». — «Если бы твоя мать умерла раньше твоего появления на свет, то вы были бы опущены в одну могилу; почему же она тебе не является близкой?» — «Отца и мать можно сравнивать с корнями дерева. Если бы не было корней, то могло ли возникнуть дерево? Если бы мы люди не имели родителей, то как могли бы мы произойти? Так же как легко заменить соскочивший обод тележного колеса, так трудно найти отца и мать, если они уже мертвы. Так как они вызвали мое существование, то трудно будет забыть все те усилия, которые они положили на мое воспитание».

Калмыки имеют в обращении особые списки некоторых любимых ими буддийских историй. Таким образом имеется распространение во многих экземплярах издание сказания о Манохара под заглавием *Kündü bilig² arityaqči Manučari okin tenggeri-yin tūjī* «Очищающая трудное знание история Дэви Манухари».³ Это свободная обработка переведенного А. Schieffner'ом⁴ из

¹ Текст в Хрестоматии Попова, стр. стр. 19—39. Немецкий перевод этого рассказа у Anton Schieffner в *St. Petersburger Zeitung*, 1849, Nr. 79. Отдельный оттиск этой статьи находится в Bibliothek der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft in Halle.

² Автор ошибочно переводит слово *bilig* как «*Sünde* — грехи». [Примеч. переводчика].

³ Рукопись в Дрездене Eb 404 h (21 лист.) и в Гётtingене, Asch 110 (28 лист.). Сравнение обоих манускриптов показывает лишь легкие отличия. Оба имеют в конце пометку: «Переведено Раңдита Гүши по повелению Дзасакту-хун-тайжи, на монгольский язык и написано одним учеником по имени Buddha-kala». Перевод, следовательно, изготовлен в конце семнадцатого столетия.

⁴ *Tibetan Tales derived from Indian Sources*, London, 1906 (только неизмененная перепечатка прошлого издания), pp. 44—74.

тибетского Ганджура *Sudhana Avadāna* (также в сборнике *Di-vyāvadāna*, Nr. 30, и *Avadānakalpalatā*, Nr. 64). Я уже раньше¹ указывал, что в этот рассказ введено подражание одной сцены из четвертого акта драмы Калидаса, *Vikramorvaṣī*, которая трактуется в калмыцкой версии с большой поэтической свободой и красотой. Калмыцкая обработка *Vīvantara jātaka* точно также находится в Гётtingене.²

К занимательнейшим произведениям восточно-монгольской и калмыцкой литературы принадлежит собрание сказок *Siddhi-kūr*, переделка индийского *Vetālapañcarimçati*³ (*kūr* = вост.

¹ *Der Urquell*, Neue Folge, Band II, 1898, S. 156—157.

² Asch. 113 (15 лист.).

³ Benjamin Bergmann, *Nomadische Streifereien unter den Kalmücken*, Band I, Riga, 1804, S. 247—351. — Bernhard Jülg, *Die Märchen des Siddhi-kür, Kalmückisch, X. Erzählung (als Probe einer Gesamtausgabe), Festgruss aus Österreich an die XX. Versammlung deutscher Philologen*, Wien, 1861, 6 pp., 4°, 2 р. текста. — B. Jülg, *Die Märchen des Siddhi-Kür, Kalmückischer Text mit deutscher Übersetzung und einem Kalmückisch-deutschen Wörterbuch*, Leipzig, 1866. Эта работа была слишком переоценена; текст напечатан по скверной рукописи и трактован без всякой критики; поэтому возражения, вызванные трудом Jülg'a со стороны Голстунского, были вполне обоснованы. — B. Jülg, *Kalmückische Märchen. Die Märchen des Siddhi-Kür oder Erzählungen eines verzauberten Toten. Ein Beitrag zur Sagenkunde auf buddhistischem Gebiete. Aus dem Kalmückischen übersetzt*, Leipzig, 1866 (тоже, что и выше без текста и словаря). — B. Jülg, *Mongolische Märchen. Erzählung aus der Sammlung Ardschi Bordschi. Ein Seitenstück zum Gottesgericht in Tristan und Isolde. Mongolisch und deutsch nebst dem Bruchstück aus Tristan und Isolde*, Innsbruck, 1867, 37 р. Заметка на обороте обложки «Erster mongolischer Druck, in ausserrussischen Европа» ни на чем не основанное хвастовство; Abel-Rémusat в Париже и Британское Библейское Общество в Лондоне напечатали на целое поколение раньше монгольские тексты в хороших изданиях. — B. Jülg, *Mongolische Märchensammlung. Die neun Märchen des Siddhi-Kür nach der ausführlichen Redaction und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan*, Innsbruck, 1868 (текст и перевод; также только в переводе, ibid., 1868). — *Sagas from the Far East: or, Kalmyk and Mongolian Traditionary Tales. With historical preface and explanatory notes. By the author of «Patrañas» (anonym)*, London, 1873. Эта книга содержит 23 рассказа Шидди-кюр'а и историю об Арджи-бурджи по Jülg'y; вместе с указателем. — Одну версию далеко предпочтительнее текста Jülg'a на настоящем калмыцком народном языке издал К. Голстунский, СПБ., 1864 г., литографическим путем. — Заслуженный лама Галсан Гомбоев (Шидди-Кург, собрание монгольских сказок, Этнографический сборник Имп. Русск. Геогр. Общ., Том VI, СПБ., стр. стр. 1—102) изготовил полный перевод мон-

монг. *kegür* «труп»; *siddhi kür = vctālasiddhi*). Монгольская редакция содержит однако только 23 рассказа. Идентичность обоих произведений была впервые определена Theodor Benfeу'ем.¹

Указанная Jülg'ом монгольская переделка *Simhāsanadvātrīmçati* («32 рассказа львиного трона») переведена на немецкий язык Н. С. v. d. Gabelentz'ом. Рукопись его перевода хранится в Корол. Библиотеке в Берлине и к сожалению нигде не опубликована. Я выбрал и издал пять индийских басен из нея.² Рассказ — рамка всего этого сборника вкратце следующий: Царь Касна заставляет выкопать из одного холма, вызывающего удивительную мудрость у кучки играющих на нем мальчиков, роскошный трон, который украшают тридцать две одаренные человеческой речью деревянных фигур; они останавливают друг за другом царя, который желает воссесть на трон и подкрепляет претензии перечислением своих славных деяний, в его намерении и оправдывают каждый раз свой отказ рассказом из жизни своего по их мнению достойного царя. Таким образом, вследствие того, что 32 историям деревянных людей всегда противопоставляется одна от Касна, в общем получаются шестьдесят четыре рассказа, из которых по тридцать два на каждой стороне находятся в постоянной связи; одна серия вкладывается в уста царя, другая деревянных статуй, под которыми нужно понимать ничто иное, как действующий кукольный театр. Рассказы деревянных статуй почти все повидимому должны быть обязаны своим происхождением индийским сказочным материалам, переведены однако ни в коем случае не дословно, а значительно переработаны в монгольском стиле. История царя Касна кажется

тельской версии, который А. Schieffner опубликовал после его смерти с введением. После этих предварительных работ и немецкого перевода Bergmann'a нельзя присваивать достижениям Jülg'a большую оригинальности, или видеть в них существенный шаг вперед в отношении его предшественников.

¹ *Mélanges asiatiques de l'Acad. de St.-Pétersbourg*, Vol. III, 1859, pp. 170—203; сравни. Schieffner, ibid., pp. 204—218.

² *ZDMG*, Vol. LII, 1898, pp. 283—288.

мне напротив большей частью монгольским измышлением и носящей весьма родственный сказаниям о Гэсэр-хане эпический характер. Касна как и Гэсэр является поставленным богами представителем буддизма на земле и как таковой предназначен бороться с народами Центральной Азии, крепко держащимися языческого шаманизма, и которых народное сказание метко вовлещает в лице царей драконов и великанов; это описание столкновения, при котором рушится старый мир и зарождается новая эпоха.¹

Как в монгольской, так и в тибетской литературе большое место занимают жизнеописания святых и лам, некоторые между ними колоссального объема: биографии Дзонкаба,² реформатора ламаизма и Далай-лам пользуются особым предпочтением и излагаются часто в элегантных изданиях. Т. п. напечатанная в Пекине монгольская биография седьмого Далай-ламы bLo-bzai l bskal-bzai rgya-mcho (1705—1758 гг.) содержит 346 больших листов in Folio.

Одной из знаменитейших святынь ламайского мира, посвященной культу Манджуши, является У-тай-шань (по тибетски Ri-bo rce-lha, по монгольски Tabun ūjūgürtei ayaula «пятивершинная гора») в провинции Шань-си, в Китае. Старейший из многочисленных монастырей (Цин-лян-сы «Монастырь чистой прохлады», по тибетски Dvains-bsil) был основан уже в конце пятого века и обновлен монголами в 1265 г. Гора в особенности посещается монгольскими паломниками, и существуют многочисленные описания ее святынь на тибетском и монгольском языках. Одно монгольское описание было напечатано в 1668 году в Пекине, а другое, еще более подробное в 1702 году по ки-

¹ Подробный разбор этих историй сообщает А. Руднев, называющий царя Гесе'ом, в своей интересной статье *Заметки по Монгольской Литературе*, I, Три сборника рассказов о Бікарміцідь, Зап., Том XV, 1904, стр. стр. 026—032

² *Mélanges asiatiques*, Vol. II, St.-Pét., 1856, p. 362. Из 21 тома собрания сочинений (*gsuil-ḥbum*) Дзонкаба в Казани находятся 18 томов монгольского перевода (*ibid.*, p. 353). Тибетско-монгольская биография в Казани, №. 163.

тайски, тибетски, монгольски и манджурски.¹ Кроме целого ряда тибетских произведений по этому вопросу, я обладаю одним монгольским от 1667 года.² Джанджа-лалита-ваджра воспел в 49 тибетских и монгольских поэтических строфах красоты У-тай-шань.³ Позднееев⁴ познакомил с другим одиннадцати-строфным монгольским стихотворением, касающимся этой горы (издано в Пекине, 1794 г.).

Удивительно то обстоятельство, что тибетское сочинение религии Бон, переведенное А. Schiefner'ом под заглавием «Über das Bonpo-Sūtra: Das weisse Naga-Hundertausend»,⁵ переведено также на монгольский язык,⁶ что может служить подтверждением известного уже раньше обстоятельства о существовании этого произведения также и среди буддийских верующих.

¹ Ковалевский, Монгольская хрестоматия, Том II, стр. 303. *Mélanges asiatiques*, Vol. I, St. Pé., 1852, pp. 414—415. Möllendorff (*Essay on Manchu Literature*, p. 33, Nr. 163) отмечает под вопросительным знаком одно манджурское описание гор Цинь-лянь. Повидимому подразумевается У-тай-шань. Китайская переделка носит название *Цинь-лии-сань-чэси* (4 том.) и была в 1785 г. по повелению Цянь-лун'a сильно размножена, а также снова переиздана в восьми книгах, снабженных картами и планами.

² Озаглавлено *Uta* (вместо *Utaišan*)-yin tabun aγulan-u orošil süsüg-ten-й
čike-yin čiteg, «Путеводитель к пяти вершинам У-тай, ушное украшение
верующих» с китайским заглавием: *Вань-шу-чики* («История Манджуши»),
написано Gūc̄ri bLo-bzāi bstan-ḥjin. Также в Казани, Nr. 164 (сравн.
кроме того 165, 166).

³ Двухязычное красное издание складного типа, печатано в Пекине, 1767.

⁴ Образцы народной литературы монгольских племен, СПБ., 1880, стр.
стр. 41, 309—312.

⁵ *Mémoires de l'Académie de St.-Pé., VII-e série, Vol. XXVIII, Nr. 1, St.*
Pé., 1880.

⁶ Напечатано в Пекине в 1766 г. под заглавием Ünen ügetü erdeni zubičan
Bon-bo-yin ariqun ḥbum čaγan čus-un yeke kölgen sudur (что точно соответствует тибетскому названию gCañ-ma Hu ḥbum dkur-po Bon rin-po-čhe hphrul-
dag bden-pa theg-pa chen-poḥi mdo). В одном экземпляре монгольского издания в British Museum дан следующий удивительный перевод заглавия одним английским миссионером: «The true worded book giving description of what men ought
to do in among (sic!) the gods and be in favor with men.». Далее он же делает замечание по поводу сочинения: «This is called the true word book giving directions
how to attain to the station of the gods, and favour with men; and has some
thing with very moral precepts, but many heathen ideas concerning gods, but useful
in content the heathen».

Буддийская литература вообще обнимает наибольшую составную часть монгольской письменности и легче всего доступна благодаря множеству великолепно напечатанных пекинских изданий; существуют отдельные издания почти что всех важнейших сутр, тантр и дарави; в биографиях Будды тоже нет недостатка.¹ Литература северного буддизма может с той же пользой изучаться по монгольским источникам, как и по китайским. Но в литературно-историческом отношении здесь еще ничего не сделано. Об именах бесчисленных переводчиков мы до сих пор почти что ничего не знаем; даты переводов, время жизни переводчиков и комментаторов (как и названия их монастырей и сект), время изданий должны быть установлены, различные издания сопоставлены, материал, накапливающийся до сих пор в библиотеках систематически каталогизирован. Благодаря этому мы получили бы не только ценную главу по истории буддизма, но и интереснейшие материалы по истории книгопечатания и книжного дела.

Часто высказывавшаяся теория о том, что буддизм превратил монголов из диких завоевателей и потрясателей мира в ручных, мирно пасущихся в степи барабашков, принадлежит к тем многочисленным легендарным взглядам, которые, раз возникнув в науке, неуклонно продолжают считаться догматом. Но кто когда либо доказал их серьезным образом? Тибетцы и китайцы несмотря на буддизм спокойно вели свои войны, когда этого требовали их политические интересы: а что же в данном случае можно сказать о японцах? Почему буддизм, который, повидимому, значительно глубже захватил их души, не уничтожил их воинственные наклонности? Современное пристрастие, приводить бесчисленные явления к религиозным причинам, и склонность, выводить всё именно из *одной* причины, содержит в себе грех непри-

¹ Весьма объемистый перевод в 24 книгах китайского *Ши-цзя-му-ни-Фо-юнь-лю-изин* был снова отпечатан в Пекине в 1871 г. великолепным изданием. — Нужно упомянуть еще о труде А. О. Ивановской, *Буддийская покаянная молитва* (Монгольский и тибетский тексты), Зап., Том XII, 1899, стр. 07—018.

знания истинного положения вещей. Безусловно, буддизм повлиял на монголов как везде, заслуженно и целительно, смягчил их нравы; он конечно был одним из изменивших их жизнь факторов, но он не может быть исключительно ответственным в появлении процесса радикального изменения. Здесь прежде всего должны были быть замешаны историко-политические и экономические причины. Грандиозное материальное банкротство династии Юань лучше чем вся философия и религия способствовало к тому, чтобы свергнуть монголов с их высоты и сделать их весьма маленькими, а политика экспансии Минской и Маньчжурской династий значительно более содействовала таким последствиям. К этому присоединялось и присоединяется высасывание сынов степей бессовестными китайскими торговцами, которые держат монголов в плену, как Яма мертвый петлей, посредством рассчитанной только на одностороннюю выгоду кредитной системы; сюда же относятся постоянно меняющиеся судьбы основанной на скотоводстве хозяйственной системы. Немалую роль играет и отсутствие у монголов способности к организации, к созданию государственной жизни, основная причина чего заключается главным образом в своеобразном направлении хозяйственной жизни; под твердым руководством нескольких сильных личностей они по временам могли создавать политическое объединение и владычествовать над чужими народами, чтобы снова распасться, как только из правящей руки выпадали поводья.

Но для историков культуры монголы являются поучительный пример. Павшие с высоты своего старого политического могущества, как современные греки и итальянцы, лишенные всех признаков прошлого блеска, они, благодаря своему наполовину оседло-земледельческому, наполовину кочевому образу жизни, в настоящее время производят впечатление так называемых «дикарей», к которым относятся ошибочно и пренебрежительно. Но среди этих беспечных детей природы раскинулись полные жизни торговые города, промышленные центры, наезженные пути сообщения и прежде всего роскошные храмы и монастыри, место-

пребывание религиозно-схоластической учености и усердного изучения книг, с их богатыми библиотеками и беспрестанно работающими типографиями, с их коллекциями скульптуры и картин, с их разными факультетами, кафедрами и рефератами. Святые воды Ганга оплодотворили пустынную степь, и кто имеет право говорить о том, что буддизм не есть культурная сила, и кто знает, что за обновленную жизненную мощь он в будущем принесет народам Азии.

Китайская литература. — Конфуцианские идеи тоже нашли себе доступ в Монголию благодаря переводам с китайского. Они употребляются как учебники в школах особенно при воспитании служилого сословия; стиль этих книг само собой разумеется значительно уступает китайским построениям. На первом месте среди этих воспитательных пособий стоит *Сань-изы-изинь* «Канон трех иероглифов» (т. к. каждая строчка китайского подлинника состоит из трех знаков), известная школьная книга, изучаемая всем китайским юношеством дословно наизусть, которая кратко и связно сообщает важнейшие конфуцианские положения и кое что достойное знания из географии и истории. Монгольскую версию можно найти в *Хрестоматии* Позднеева стр. стр. 266—286.¹ Так называемый «Священный эдикт» императоров Канси и Юн-чжен'a тоже переведен на монгольский язык.²

Уже Abel-Rémusat³ сообщил о монгольском переводе этого произведения, рукопись которого он получил от барона Schilling v. Canstadt. На основании одного показания на манд-

¹ Сравн. также v. Möllendorff, *Essay on Manchu Literature*, p. 20, Nr. 80.

² Две главы оттуда у Позднеева стр. стр. 287—292; две других в *Хрестоматии* Попова, стр. стр. 124—137; четыре в *Хрестоматии* Ковалевского, Том I, стр. стр. 229—243. По Попову маньчжурский перевод должен быть изготовлен и отмечен чистотой стиля. По Ковалевскому (I. e., стр. 565) монгольский перевод был издан впервые в 1830 году по поручению министра Фу-цзянь. Хорошее изложение на трех языках 4 тома, Пекин (экземпляр в Chinese Department, Columbia University, New-York).

³ *Notice sur un manuscrit mongol qui contient une traduction de la Sainte Instruction de Khang Hi, avec les amplifications de Young Tching. Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi*, Tome XIII, première partie, Paris, 1838, pp. 62—125.

журском языке в конце, он был изготовлен в 1806 году одним русским Vakhili Nobokhielub, т. е. Василием Новожиловым, переводчиком в Пекине, под руководством монгольского учителя. Rémusat перевел с монгольского три первых отрывка и напечатал монгольский и манджурский тексты последних параллельно (манджурский отличается красной печатью): очень полезная работа для сравнения обоих языков. Ковалевский приводит в предисловии к своему словарю рукописный перевод *Да-сю* (*сюэ*).

Китайский исторический роман об истории трех государств (*Сань-го-чжи*) удостоился перевода на монгольский язык; текст одного его отрывка сообщен в *Хрестоматии* Позднеева (стр. стр. 321—343). Проф. W. Grube¹ указывает на один очень редкий рукописный монгольский перевод китайского романа *Фань-Тан-янь-чжуань*, «Рассказ о восстании против дома Тан», экземпляр которого он приобрел в Пекине. О других китайских произведениях см. следующий параграф и «Юридическую литературу».²

¹ Zur Pekinger Volkskunde, Veröffentlichungen aus dem Königl. Museum für Völkerkunde, Band VII, Berlin, 1901, S. 133, Note 2.

² Метко замечает Carl Ritter (*Die Erdkunde von Asien*, Band II, Berlin, 1833, S. 390—391): «Путем постоянного перенесения китайской литературы в монгольскую и манджурскую, была найдена постоянная связь этих трех литератур, которая не могла оставаться без некоторого влияния на ассимиляцию идей и культур этих трех так сильно различных народов, особенно в кульминационных пунктах и в области высших достижений. Если она и не приводила к слиянию данных народов, их понятий, правов и обычаев, то прокладывала путь к сближению или по крайней мере к взаимному пониманию в том основательном объеме, как это сказалось со временем манджурского владычества в религиозном исповедании, в военном деле, в чиновном мире, в дворцовом церемониале и т. д. повсюду. Благодаря этому мог состояться замечательный общий обмен физических и духовных сил этих народов Восточной Азии, которому поддосадальная монархия с такими различными элементами безусловно обязана частью своего существования в современном виде. При незначительном национально-туземном литературном развитии, монгольские племена этим самым приобщились к множеству привитых извне знаний, пользуясь переводной литературой. Эти знания, согласно традиции, должны были постепенно сливаться с их туземной наукой, о чем монгольские летописи приводят немаловажные доказательства. В том и заключается победа каждой духовно развитой нации, что литература ее скатывается с достигнутой ею высоты к более низкому уровню неве-

Ковалевский¹ сообщил целый выбор изречений из разных произведений, главным образом пользуясь *Rinden bumbi*, как он его называет. Louis Rochet² собрал 170 изречений (но между ними и обыкновенные фразы), повидимому из разных источников, которых он однако не приводит; из них большое количество заимствовано в классической китайской литературе. Известный сборник изречений Сакья Пандита³ также переведен на монгольский язык (*Sayin üge-tü erdeni-yin sang*); Санан-сээн цитирует его, стр. 131 перевода Schmidt'a. H. C. v. d. Gabelentz⁴ собрал двадцать два изречения у этого писателя и в сказании о Гасэре, которые характеризуют собственные взгляды монголов. Некоторое количество чисто монгольских изречений Галсан Гомбоев включил в свое сочинение «Заметки к Плану Карпини».⁵

Многие китайские сборники изречений стали известны монголам и имеются в трехъязычных изданиях, к. н. *Сань-хо-мин-сань-чжи* (2 Тома, 1879 г.)⁶ «Изречения знаменитых мудрецов на трех языках», далее *Лянь-чжу-чжи* (1728 г.) «Сборник жемчужных нитей».⁷

Народная литература. — Произведения народной литературы монгольских племен состоят из героических сказаний, песен, сказок, рассказов и загадок. Русские исследователи уже

¹ Монгольская хрестоматия, Том I, стр. стр. 1—4.

² *Sentences, maximes et proverbes manchoux et mongols, accompagnés d'une traduction française, des alphabets et d'un vocabulaire de tous les mots contenus dans le texte de ces deux langues*, Paris, 1875, IV + 166 p.

³ Ph. E. Foucaux, *Le trésor des belles paroles*, Paris, 1858. (Сравн. G. Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, p. XXVIII).

⁴ *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Band I, Göttingen, 1857, S. 34—37.

⁵ *Mélanges asiatiques*, Vol. II, St. Pé., 1856, pp. 650—666.

⁶ G. P. v. Möllendorff, *Essay on Manchu Literature*, p. 24, Nr. 109 (Exemplar in Columbia University, New-York). Маньчжурский текст напечатан в J. Klaproth, *Chrestomathie mandchoue*, Paris, 1828, pp. 5—23; перевод, ibid., pp. 195—210.

⁷ G. P. v. Möllendorff, l. c., p. 22, Nr. 94. Некоторые замечания об этом произведении и перевод начала его у G. v. d. Habelentz, *ZDMG*, Band XVI, 1862, S. 540—541.

собрали большой устный материал, размер которого трудно учитывается.

Героические сказания известны нам по трем различным источникам: 1. по фрагментам эпического характера, содержащихся в старых хрониках, 2. по литературным книжным редакциям героических сказок, 3. по исполнению эпических песен современными рассказчиками, которые частично покоятся на устной передаче.

Hans Conon v. d. Gabelentz был первый, кто распознал поэтические стороны в хронике Санан-сэцэн'а и изложил их в своей содержательной статье «*Einiges über mongolische Poesie*.»¹ «При точном рассмотрении», говорит он, «можно видеть, что этот писатель вплетал во многие места своего исторического труда большие и малые отрывки из стихотворений, принадлежащих повидимому какому то монгольскому эпическому циклу и может быть живущих еще в устах народа, как это наверное было в эпоху Санан-сэцэн'а (1662 г.). Взяты ли они из тех семи произведений, которые он сам приводит как источники своего исторического труда, трудно определить по их названиям». Эти 25 стихотворений, указанных v. d. Gabelentz'ом, за исключением первого,² целиком относятся к истории Чингис-хана, т. е. к блестящему периоду, и к эпохе анархии, т. е. к злополучному периоду монгольской истории: это песни лирического содержания, сходные по форме и мыслям с современными народными песнями (плач, утешения, молитвы и др.). Мне кажется, что при обсуждении этого вопроса мы должны выйти за пределы взгляда, формулированного v. d. Gabelentz'ом: не только сами стихотворные части заимствованы из древнего эпического цикла, но и большинство прозаических мест, в которых они рассыпаны. На самом деле вся четвертая книга Санан-сэцэн'а, например, во всех

¹ *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Band I, Göttingen, 1837, S. 20—37.

² Вложенного в уста ламы, убивающего тибетского царя Ландарма, и которое во всяком случае является подражанием тибетскому прототипу.

отношениях производит впечатление древнего эпического сообщения,¹ которое, само собой разумеется, могло быть переделано и ослаблено летописцем. Этот взгляд получает подтверждение из того факта, что произведения монголов, имеющие хождение под именем действительных эпических рассказов, написаны прозой, чередующейся вставленными лирическими песнями; т. напр. в сказании о Гэсэре.² Сейчас не может быть никакого сомнения в том, что монголы, безусловно уже во времена Чингиса, обладали древнейшими героическими песнями, и что вскоре после смерти завоевателя мира (1227 г.) вокруг его великой личности образовались разнообразные циклы эпических сказаний, которые были отчасти не только зафиксированы путем записи и использованы впоследствии летописцами как Саан-сээн,³ но и распространялись среди народа до наших дней при помощи устной передачи в отрывках, а иногда совершенно независимо от литературной традиции. Этот факт неопровергнуто вытекает из исследования, произведенного Г. Н. Потаниным в его превосходном труде «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» относительно цикла сказаний о Чингис-хане.⁴ Согласно этому

¹ Сравн. многочисленные геройские подвиги, речи, диалоги и поэтический возвышенный стиль; даже все кони получают собственные имена, как в арийском эпосе.

² Одну песню из него см. у W. Schott'a, *Über die Sage von Geser-chan* (*Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1851, S. 275); насмешливые песни (*Urquell*, Band II, 1898, S. 147). В тибетском изложении сказания о Гэсэре песни в стихах беспрестанно чередуются с повествовательной прозой. В свою очередь старинные тибетские летописи носят тот же эпический характер, что и монгольские. Исходя из своей области я прихожу в отношении развития эпоса всё больше и больше к тому же заключению, которое E. Windisch (*Māra und Buddha*, Leipzig, 1895, S. 222 ff.) вывел в отношении индийского.

³ Так же и в Юань-чжо-би-ши (1242 г.), которое W. Bartold (*Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, Band I, Abt. I, Berlin, 1898, S. 196) называет «эпосом, возникшим в аристократических кругах», встречаются многочисленные части в стихах (Позднебель, *Образцы народной литературы монгольских племен*, СПБ., 1880, стр. 820), которые значительно более обстоятельны, чем соответствующие места в *Алтайн-тобчи* и у Саан-сээн'а.

⁴ Г. Н. Потанинъ, *Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ*, Москва, 1899, стр. стр. 73—136. Здесь находится еще очень широкая область для дальнейших более глубоких исследований, которые однако требуют

становится вполне ясным, почему сведения нашего Санан-сэцэн'а, не делавшего именно различий между чисто историческими и эпическими сообщениями, отклонились так далеко от трезвого изложения остальных исторических писателей, касавшихся тех же событий, и поэтому вполне господ рутинных историков могут наконец затихнуть; я с своей стороны не знаю, должны ли мы меньше благодарить прямодушного монгола за сохранение своих национальных эпических преданий, чем за сухой список математически точных дат, которые, по рассудительному мнению педантов он должен был бы представить.

Самым замечательным из литературно зафиксированных героических сказаний монголов является *Сказание о Гэсэр-хане*. Этот герой, которого воспевают как и тибетцы, так и тюркские племена, продолжает жить также и в устных сказаниях монголов, собранию которых много способствовали Потанин¹ и Позднеев². Монгольская версия напечатана в Пекине (177 лист.) в 1716 г. по повелению императора Кан-си и переиздана затем с немецким переводом I. J. Schmidt'ом.³ Это без сомнения сперва строгой предварительной работы. Представленные тексты нужно критически проработать и перевести заново (праделовский стиль перевода старого Isaacs Jacob'a для таких целей конечно не годится), точно выявить мотивы сказаний, и раскрыть их отношения и связь между собой, а также между старыми и современными эпическими циклами.

¹ В его трудах, *Очерки сибиро-западной Монголии*, Выпуск IV, *Материалы этнографические*, СПБ., 1883, стр. стр. 250—257, 817—820; *Танумско-тибетская окраина Китая и центральной Монголии*, Том II, СПБ., 1893, стр. 120 et passim; *Былина о Добрине и монгольское сказание о Гэсэрь* (*Выступник Европы*, 1890, стр. стр. 121—158). Из его многочисленных статей в *Этнографическом Обозрении* по этому предмету, выделяю я *Ордынский параллелизм поэтам лониобардского цикла* (Том XVIII, №. 3, 1893) и *Греческий эпос и ордынский фольклор* (Том XXI, №. 2, 1894). Затем его выше приведенный труд *Восточные мотивы* (см. Гэсэр в указателе).

² *Сказка про сражение Гэсэр-хана съ Андалмой* (*Калмыцкие сказки*, VII), Зап., Том IX, 1896, стр. стр. 41—58.

³ Новый более критический перевод современным языком был бы весьма уместен; в должном обличении произведение привлекло бы безусловно более широкий круг читателей. Литература к сказанию о Гэсэре см. Laufer, *WZKM*, Band XV, 1901, S. 78—79. В случае отсутствия труда Schmidt'a нужно придерживаться великолепного разбора сказания, сделанного W. Schott'ом в *Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1851, S. 268—295.

интереснейшее произведение всей монгольской литературы, в котором пестро перемешаны геройство, юмор и поэзия со странностями и тривиальным: к сожалению оно пока недоступно научному анализу, который при нашем малом знакомстве с большим тибетским эпосом о Гесар'е был бы преждевременен и поспешен.

Об исполняемых устно монгольских былинах мы до сих пор знаем очень мало.¹

Калмыки обладают целым рядом своих собственных героических песен, исполненных риторики и фантазии, доходящей часто до невозможных положений. Песни называются по имени их героя *Janggar*² и исполняются певцами, называемыми *Janggarci*. Benjamin Bergmann был первым кто их слышал и описал в восторженном изображении.³ Затем в 1854 г. А. А. Бобровников издал русский перевод одной песни *Джангара*, который F. v. Erdmann⁴ перевел на немецкий язык. Кроме того К. Голстунский⁵ опубликовал текст одного *Джангара*.

Характернейшими чертами Монгольской поэзии являются употребление аллитерации и несовершенная рифма. Это явление свойственно не только монголам, но и манджурам, тюркским народностям, ногулам, финнам, эстам и древним мадьярам; оно простирается таким образом на всю широкую область расселения алтайской и финно-угорской семьи народов и

¹ Rawstedt, О былинах монгольских, Тр. Тр.-Х. ОРГО, 1900, III, в. 2, стр. 44—52 (*Orientalische Bibliographie*, Band XVIII, 1905, № 1378), для меня к сожалению недоступно.

² Имя вероятно имеет происхождение от персидского *Jahāngīr*. Эти песни повидимому нужно относить ко времени бегства калмыков из России в 1771 год. Персидское влияние в них очевидно.

³ *Nomadische Streifereien unter den Kalmücken*, Band II, Riga, 1804, S. 205—214. Опыт такого героического песнопения (не совсем окончено), Band I V, Riga, 1805, S. 181—214.

⁴ *Kalmücker Dschanggar, Erzählung der Heldenaten des erhabenen Bogdo-Chan Dschanggar*, ZDMG, Band XI, 1857, S. 708—730. Работа Бобровникова в *Вестнике Имп. Русск. Геогр. Общ.*, Часть XII, 1854, стр. стр. 19—128.

⁵ Убаши Хутын-Тайджинъ түдэжи, народная калмыкская поэма *Джангар* и Сиддиту Юрыйн-түли, изданная на калмыкском языке, СПБ., 1864, литографировано. *Джангар*: стр. стр. 7—74.

должно поэтому рассматриваться как старииное общее наследие этой большой группы в целом. Вместе с тем оно отчетливо выявляет духовную и историческую связь его отдельных частей. Высказывавшееся раньше мнение, в связи с появлением финской *Калевалы*,¹ о значении в данном случае скандинавского влияния,² нельзя дальше отстаивать, по причине обнаруженного сейчас широкого распространения ее среди родственных племен. На Hans Conon v. d. Gabelentz'³ лежит заслуга первого указания этого факта для монгольской поэзии. «Неотступным требованием во всех стихотворениях повидимому является параллелизм отдельных частей, который часто оказывается в повторении тех же окончаний (рифма) или тех же слов (припев). И то и другое обычно усиливается более или менее правильной аллитерацией начала стихов. С другой стороны настоящий размер не существует, и даже число слогов является произвольным поскольку параллелизм не налагает известных границ». Он разбирает дальше типы стихов, строение строф, и сообщает также о тех же особенностях в маньчжурском языке, о которых он раньше вместе с Rémusat полагал, что они изобретены императором Гао-цзун. Однако в данном случае он делает черезвычайно правильное заключение, что аналогия, имеющая место между языками обоих народностей, простирается и на формы их поэзии, и что маньчжуры, задолго до Гао-цзуна, вероятно даже до завоевания китайского государства, также обладали своей народной поэзией, как и монголы и другие народы, стоящие быть может на более низкой ступени культуры.⁴

¹ D. Comparetti, *Die Kalewala oder die traditionelle Poesie der Finnen*, Halle, 1892, S. 30, 32, 33.

² Пожалуй впервые и блестяще опровергнуто Paul Hunfalvy (см. W. Schott, *Altaische Studien*, fünftes Heft, *Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1872, S. 41—44).

³ В уже выше упомянутом сочинении *Einiges über mongolische Poesie (Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Band I, Göttingen, 1837, S. 22—33).

⁴ Хороший образчик маньчжурского стихотворения в строфах с аллитерацией и несовершенной рифмой у Е. v. Zach, *Lexicographische Beiträge*, Band III, Peking, 1905, S. 104—107.

Этот же вопрос W. Radloff¹ разработал для тюркских племен.

Что касается монгольского языка, то, по моему мнению, из существования аллитерации можно было бы сделать важное заключение об истории ударения. В то время как теперь ударение в большинстве случаев находится на последнем слоге, в эпоху образования элементов аллитерации оно должно было повидимому падать на начальный слог как в финском и мадьярском языках, так как иначе ясность и положение аллитерирующих звуков были бы немыслимы. В рамках этого маленького очерка нельзя дать исчерпывающего представления о монгольском стихотворном искусстве. Можно установить как общее правило, что песни обычно разбиваются на строфы по четыре стиха, и что начальные звуки первого слова каждого из четырех стихов (иногда в первых трех)озвучны друг с другом (иногда также согласный ← гласный).² Гласные могут, если они даже не идентичны друг другу, употребляться при образовании несовершенной рифмы, как в древне-германской поэзии. О строгом счете слогов не может быть и речи, принимая во внимание свойства языка, однако в среднем стихи приблизительно одинаковой длины и управляются более инстинктивным, чем сознательным ритмом. Припевы встречаются на конце, в начале, а также и внутри строф; вообще нужно заметить, что монгольская поэзия в формальном отношении и по содержанию совершенно не имеет какого бы то ни было примитивного характера (в этнографическом смысле), а представляет собой относительно далеко ушедшее вперед стихотворное искусство. Обильнейшее и лучшее собрание монгольских песен представил А. Позднеев,³ к труду которого я и отсылаю во всех вопросах по поэтике.

¹ Über die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tatern (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*, Band IV, S. 85—114).

² Однако, особенно в старинных песнях летописцев, аллитерация встречается в середине того же самого стиха как в финском языке.

³ *Образцы народной литературы монгольских племен*, Выпуск I (больше мне ничего не знакомо), *Пародный письми монголов*, СПБ., 1880, тексты 65-ти

Очень ценная работа о монгольских песнях опубликована проф. С. Stumpfом¹ в Берлине по записям J. S. Stallybrass'a. Здесь приложены и мелодии, единственно достоверные данные о монгольской музыке, которые мы имеем. Песни принадлежат прибайкальским бурятам. К сожалению тексты переданы не полно, с другой стороны, некоторые песни снабжены историей возникновения, что заслуживает благодарности. Так например, причиной возникновения первой песни, на слова: «Белые скалы Кудары не сможет поколебать никакая человеческая сила; а сердце человеческое потрясается прощаньем с отцом и матерью», приводится то, что она сочинена Бадма (можно Падма) сыном Морхон'a, когда он был вызван в С. Петербург вместе с другим юным учеником около 1815—16 г., чтобы помочь I. J. Schmidt'у при переводе *Нового завета* на монгольский язык; его отец нашел эту запись при перемене места жительства под крышей. Однако мелодия песни значительно древнее, и по-

песен (стр. стр. 1—43). Транскрипция с переводом и подробный комментарий (стр. стр. 45—346). — Сравн. также Laufer. *Über eine Gattung mongolischer Volkslieder und ihre Verwandtschaft mit türkischen Liedern* (*Der Urquell*, Neue Folge, Band II, 1898, S. 145—157). — Более старые записи песен у P. S. Pallas, *Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, Erster Teil, St. Pet., 1776, S. 152—157. Калмыцкие подлинники любовных песен, приводимых на стр. стр. 153—154 (две песни), снабженные вставными версиями рукой Just. Friedrich Malsch'a, находятся в Гётtingене (Asch 143, pp. 63в—64в), с пометкой: «Diese zwey gedichte hab ich nicht darum ab geschrieben um sie den Challmüklen vor zu lesen weil sie sehr leicht auf gedanken fallen würden als ob wir auch noch dergleichen liebten und bey uns in gebrauch währen, sondern nur ihre Reth und denkungs art daraus zu sehen und noch viele unbekante Wörter drauss zu erlernen». (Эти два стихотворения я списал не для того, чтобы читать их калмыкам, ибо они весьма легко могли бы подумать, что мы также любим такие и что они у нас в употреблении, но для того, чтобы постигнуть из этого их речь и способ мышления, а также изучить множество еще неизвестных слов). Песни Pallas'a напечатаны также Fr. Majer'ом в *Asiatisches Magazin Klaproth'a*, Band I, Weimar, 1802, S. 547—554. Затем пять песен (три с текстами) у Г. Тимковского, *Путешествие в Китай через Монголию в 1880 и 1821 годах*, Санктпетербургъ, 1824, Том III, стр. стр. 305—310. A. Bastian, *Geographische und ethnologische Bilder*, Jena, 1873, S. 355 (перевод одной калмыцкой песни).

¹ *Mongolische Gesänge, Vierteljahrsschrift für Musikwissenschaft*, Band III, Leipzig, 1887, S. 297—304.

видимому новые тексты часто придаются стариным мелодиям. Двадцатистрофный текст третьей песни из которой приводится к сожалению лишь первая строфа —

В дали поросшего тростником озера
Стоят, собравшись желтые гуси;
Среди двадцати тысяч² мужей
Хоринский батюшка первейший —

возник в 1836 году при назначении Дорджи, после жестоких боев с соперниками, главой Хори, племени, живущему к востоку³ от реки Селенги. Самой красивой из приведенных здесь десяти песен является № 6, песнь умирающего витязя, которая повидимому очень древняя и должно быть возникла во времена Чингис-хана. Она гласит:

Черная коса моя длиною в локоть
Со своим плетеньем лежит теперь здесь.
Пестро сверкающие очи мои
Со своим (последним) взглядом лежат теперь здесь.
Это бедное тело мое,
Шагавшее по скалам, лежит теперь здесь.
Милый дынномастный³ бегунец мой,
Здоровым, конечно, добрался ты домой!
Извести ж отца моего:
Пораженный в спину лежал он там.
Извести же мать мою:
Все пятнадцать ран получил он.

Мелодия этой песни полна захватывающей скорби. Большинство песен оканчиваются квинтой, некоторые также секундой.

Одна монгольская любовная песня недавно сообщена А. Д.

¹ Число 20 (*zorin*) взято ради аллитерации с именем *Xori*.

² В подлиннике ошибочно написано «к западу» (прим. переводчика).

³ Издатель переводит «сливочно маstryй»; слово *учса* (калмыцкое: *үчсэ*) в тексте является однако транскрипцией китайского *чжа* — «дыни».

Рудневым¹ в фонетической транскрипции с переводом и подробными комментариями. Начало ея гласит:

В городе Пекине находится, принося счастье, пестрый жаворонок; для нежных влюбленных ночь полна блаженства. Посреди озера плещется и вырывает пестропёрая утка; хотя бы чувства наши, которые мы тайно обрели, были согласны или нет, мы постоянно будем снова сходиться.

Можно заметить, что здесь уже очевидное китайское влияние в сравнении любовной связи с жизнью утки, которая в Китае считается символом брачной верности. Интересно встречающееся в этом стихотворении отрицательное выражение: То что кружится над этим скалистым берегом, это не ястреб, нет, это бабочка. Руднев высказывает мнение, в противоположность Позднееву, что эта поэтическая форма очень часто встречается и характерна для монгольских эпических и лирических стихотворений. Несмотря на то, что эта песнь типично лирическая народная, ей присовокупляется чисто буддийский конец со словами: «С благословения Далай-ламы да возрадуемся и возвеселимся мы все вместе!» После горячих любовных излияний предыдущих строф это действует как струя холодной воды.²

Что касается записанных в устной передаче сказок и рассказов, то я должен ограничиться приведением лишь самых важных собраний. В первую очередь нужно назвать прекрасный сборник

¹ Extrait du *Jurnal de la Société finno-ougrienne*, Vol. XXIII, 18 (8 р.).

² Вообще буддизм произвел сильное впечатление на монгольскую (также как на тибетскую) народную поэзию и можно совершенно спокойно заявить — весьма вредное. Он искал возможности загасить светильник жизненных радостей этих простых любящих песни и веселье народов и превратил во всех отношениях здоровых людей в замаскированных пессимистов и упрямых мечтателей. В Центральной Азии мы находим тот же результат поповского хозяйственника, как и в Европе. Оно заглушает естественные ощущения людей, а радостное проявление таковых в песнях и сказаниях душит преступной рукой. Если монголы, несмотря на их покорность и преданность попам, спасли так много своего собственного для лучших времен жизни, то это в достаточной степени говорит за цепкую энергию их характера, и можно с радостью заметить, что и там еще не совсем уничтожены и потеряны воздух, свет и жизнь.

Позднеева «Калмыкские сказки», представляющий десять объемистых текстов в оригинальной транскрипции с переводами.¹ Обильнейшую добычу до сих пор доставляли буряты.²

Монголы обладают также маленькими веселыми шуточными рассказами, несколько хороших примеров которых сообщил проф. Gabriel Bálint в Клаузенбурге.³ Особению высмеиваются в них китайцы. Ехали раз вместе монгол и китаец, как вдруг загремел гром и пошел дождь. Китаец ехал впереди, а монгол позади него; в то мгновенье, когда раздался гром, монгол так сильно ударили своим кнутом по голове китайца, что последний свалился с коня. Затем монгол слез с лошади, закатил глаза, открыл рот и лег, прикинувшись мертвым. Китаец бросился к нему и сказал: «Монгол не в состоянии выдержать ни одного удара молнии, а меня поразили много, много — три удара. Видно монгол дрянное существо! Так вставай же, вставай!»

¹ Калмыцкие сказки, Зап., Том III, 1888, стр. стр. 307—364; IV, 1889, стр. 321—374; VI, 1891, стр. стр. 1—68; VIII, 1892, стр. стр. 1—38; IX, 1895, стр. стр. 1—58; X, 1896, стр. стр. 139—185. Тексты I—VI (без перевода) появились также в отдельном издании под заглавием *Калмыцкие народные сказки, собранные в калмыцких степях Астраханской губернии*, I, СПБ., 1892 (150 стр.).

² Н. М. Хангаловъ и И. Затопляевъ, *Бурятская сказки и поэзия* (Записки Восточно-сиг. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., по Отдѣленію Этнографии, Том I, № 1, Иркутскъ, 1889, 159 стр.). *Сказания Буряты, записанные различными собирателями* (Ibid., Том I, № 2, Иркутскъ, 1890, 159 стр.). Кроме того богатый материал можно найти в вышеупомянутых трудах Потанина.—А. Д. Рудневъ, *Баргу-бурятская сказка*, Иркутскъ, 1902, Текстъ и русскій переводъ, и И. С. Смолѣвъ, *Бурятская легенды и сказки. Труды Тронкосовско-Кяхтинского Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.*, Том X, Вып. 1, стр. стр. 42—62 мне къ жалению недоступны. Материалы по монгольскому фольклору имеются также в книгах James Gilmour, *Among the Mongols* (Кар. 28 и 29), *More about the Mongols* (London, 1893) и R. Lovett, *James Gilmour of Mongolia* (London, 1892); однако эти материалы не без противоречий. Самая старая повествовательная литература о калмыках, которая однако вряд ли может быть доступной библиотекам кроме русских, указана у В. И. Межкова, *Сибирская Библиография*, Том II, (у автора ошибочно «Том I» [прим. переводчика]) стр. стр. 424—429, СПБ., 1891 г.—Хорошую характеристику важнейших черт и мотивов монгольско-туркского фольклора дает W. Jochelson в своем исследовании *The koryak* (*Memoirs of the American Museum of Natural History*, Vol. VI, Part I, Leiden и New-York, 1905, pp. 344—352).

³ Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn, Band IV, 1895, S. 70—71.

При этих словах монгол поднялся с видом, как будто он наполовину пришел в себя. «Смотри», продолжал говорить китаец, «я мужественный человек, три удара молнии не раскроили мне головы. Поедем дальше, паршивый монгол!» Затем они поехали дальше. Другая история рассказывает, как китаец и монгол, бывшие товарищами по поездке, должны были однажды переночевать возле кучи аргала, заготовленного для зимней топки. Почки монгол начал теребить зубами одежду китайца и кусать его икры, подражая рычанию волка. Перепуганный китаец закутал свою голову и взмолился к волку: «Там находится дрянной монгол, ты бы съел его раньше, а если ты и тогда будешь голодным, то я сам отдаю свое обнаженное седалище». Утром он клялся небом и землей, что избил до полусмерти девять волков, пока негодный монгол крепко спал.

Интересно также то обстоятельство, что монголы повторяют маленькие анекдоты и историйки про китайских героев, которые они могли слышать из уст китайцев или усвоить при посредстве китайской переводной литературы. Таким образом напр. слышал Г. Тимковский¹ два монгольских рассказика об обвязном легендами полководце Чжу-го-ляне (181—234 по Р. Х.).²

Benjamin Bergmann³ сообщил десять калмыцких шуток, главным образом о воровских проделках.

Монгольским племенам доступно также удовольствие, испытываемое от загадок и шарад, которые допускаются лишь во время длинных зимних вечеров. Образуются две одинаково сильные партии, которые соглашаются между собой, сколько раз каждая сторона может пытаться разрешить загадку, заданную другой стороной. Если отгадывающая сторона не разрешит загадки, то она должна выдать одного своего члена победившей

¹ Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годахъ, С.-Петербургъ, 1824, стр. стр. 185—187. Тимковский называет его Кумин, т. е. Кунмин, одним из его прозваний.

² S. Giles, A Chinese Biographical Dictionary, London, 1898, стр. стр. 180—182.

³ Nomadische Streifereien unter den Kalmücken, Band II, Riga, 1804, S. 343—352.

партии, имеющей право снова загадать новую загадку. Галсан Гомбоев¹ сообщил шестьдесят бурятских загадок в селенгинском наречии с текстом и переводом, другой сборник, приготовленный Банзаровым, издал Руднев.² Вл. Котвич³ опубликовал сборник калмыцких загадок и пословиц.

Юридическая литература. Право у монголов несколько усложнилось, благодаря тому, что в нем отложились три различных культурных слоя, — коренное монгольское право, затем индийско-буддийские представления, проникшие с ламаизмом из Тибета и могущие быть кратко обозначенными как ламайское право, и в третьих китайско-манджурское право, почти совершенно вытеснившие туземное обычное право, и по которому еще и теперь управляет наибольшее количество монголов. От древних уложений, бывших в силе в эпоху установления их политического могущества, до нас к сожалению ничего не сохранилось, однако некоторые замечания о них и выдержки из них существуют в исторической (в особенности мусульманской) литературе. Они могут быть использованы для реконструкции старого монгольского права и, при посредстве современного традиционного обычного права, несколько расширены. Если грустварительно обратить внимание на китайское право, то нужно отметить, что манджурские императоры Китая после подчинения Монголии, значительно облегченного благодаря распаду и несогласиям многочисленных племен, издавна старались пересадить

¹ В. М. А. Castrén, *Versuch einer burjäischen Sprachlehre*, St.-Petersburg, 1857, S. 228—233.

² Образцы монгольского народаю творчества. Монгольский текст и русский перевод загадок, собранных Банзаровым среди баргу- и агинских бурят, а также отчасти из хошуунах Узумучин и Аргу-Хорчин, под редакцией А. Д. Руднева. Зап., Том XIV, 1901, стр. стр. 092—0106. (Сравни далее: Orientalische Bibliographie, Band XVIII, Nr. 1905, 1372).

³ Калмыцкие загадки и пословицы, издались Вл. Котвичъ. Издание Факультета Восточныхъ Языковъ, № 16, СПБ., 1905. — Четыре калмыцкие загадки у Л. Bastian, *Geographische und ethnologische Bilder*, Jena, 1873, S. 356.—Двадцать загадок бурят, живущих к северу от Байкала, (текст и перевод) у И. Чистохина, *Инородческие загадки Тункинского края*, *Извѣстія Восточно-сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Геогр. Общества*, Том XXVI, Иркутскъ, 1895, стр. стр. 37—39.

туда свое собственное законодательство. Император Цянь-лун (1736—1795 гг.) был первым повелевшим произвести кодификацию всех узаконений, составленных раньше в связи с монгольскими делами. Этот первый сборник заключал в себе 209 параграфов, разделенных на двенадцать глав, и был напечатан в 1789 г. в четырех не очень объемистых томах, которые перевел Иакинф Бичурин.¹ Однако скоро почувствовался недостаток при практическом применении важнейших законов в связи с местными обстоятельствами и в частности с отношениями к пекинскому двору. В течение двадцати лет в министерских сообщениях появилось значительное число указов, которые исправляли и дополняли прежний свод законов. По предложению Ли-Фань-юаня, министерства управляющего внешними делами, в 1811 году была назначена особая комиссия по составлению нового свода законов, законченного уже в 1815 г. В этом сборнике из 209-ти прежних параграфов двадцать были исключены, 178 изменены, остальные одиннадцать вновь пропиты, и 526 пунктов составлены заново. Манджурская версия этого кодекса была переведена Липовцовым на русский язык.² В последующие годы монгольское право еще больше расширилось. В 1826 году было выпущено издание из 63 книг, и уже в 1832 г. появилось новое издание. Имеется монгольский перевод его, из которого Ковалевский в своей хрестоматии (Том I, стр. стр. 183—201) сообщил текст пяти отрывков, — а именно о переписи у монголов, о прибытии ко двору, о приеме гостей, об облаве, и об особых знаках милости и благотворительности. Этот свод законов содержит также богатый статистический материал.

¹ О. Иакинфъ, *Записки о Монголії*, СПБ., 1828, Том II, стр. стр. 203—339. На немецком языке у К. Ф. в. д. Borg, *Denkwürdigkeiten über die Mongolei*, Berlin, 1832, S. 320—426. Выдержки из него у Г. Тимковского, *Путешествие в Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ*, Том III, СПБ., 1824, стр. стр. 342—358. (Сравн. также Том II, стр. 16).

² Липовцовъ, *Уложение Китайской Палаты винныхъ сношений*, съ мань-джурского. СПБ., 1828, 2 Тома, 4⁰. Монгольское издание указано в Казанском каталоге, №. 139.

А. Позднеев дал в своей хрестоматии (стр. стр. 379—416) тексты 32-х официальных документов — законы, запросы, отношения, императорские указы и т. д., к сожалению без приведения источников.

Старейший свод законов монголов известен под именем «Яса Чингиса» (*Xaik' yosun-i bīčig*), и происходит от самого завоевателя; к сожалению он до нас не дошел, однако мы знаем о его существовании из мусульманских и монгольских источников.¹ Он был составлен на монгольском языке и написан уйгурским письмом; ведь желание, передать письменным образом свои распоряжения и законы, было главной побудительной причиной заимствования и распространения письма Чингисом. Его уложение было безусловно самым ранним произведением монгольской литературы.²

Кроме свода Чингиса в его время повидимому существовало еще одно произведение, которое главным образом трактовало об устройстве судов и было известно под названием *Qutadju-bilig* Чингиса. По крайней мере таково определение этого произведения, к которому недавно пришел П. Мелиоранский³ в противоположность Наммер-Purstall, полагавшему возможным видеть в этом труде «сборник устных распоряжений» хана. Заглавие выбрано должно быть под влиянием уйгурского *Qutadju-bilig*, однако не идентично с *Bilg'*ом, сборником ханских изречений, которые частично сохранились у Рашид-ад-дина.

Любопытный свет проливается на старинное устройство монголов и на изменения их миросозерцания под влиянием ламаизма

¹ Сравн. Позднеевъ, *Лит.*, стр. стр. 37—50.

² Отрывки и выдержки у Мирхавенд'я, Иби-батута, Бартак'я, *Plan de Cathay*, *Babruk'*я, *Marco Polo*; содержание в главных чертах изложено у арабского историка Макризи (*Silvestre de Sacy, Chrestomathie arabe*, Vol. II, Paris, 1826, pp. 160—165). Сравн. Yule, *Cathay*, London, 1861, Vol. II, p. 507.

³ О Кудатку Биликъ Чингизъ хана, Зап., Том XIII, 1901, стр. стр. 015—023. Сравн. *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, Band IV, 1. Abt., Berlin, 1901, S. 254—255.

в ту эпоху, когда третий Далай-лама Соднам-джампо (1543—1588 гг.) посетил Алтай-хана тумутского (1507—1583 гг.) в 1578 году и теснейшим образом связал монголов с интересами Лхасской церкви.¹ Лама и хан сопились на принятии заповедей буддийского декалога со стороны монголов и предложили следующее радикальное изменение туземных законов: «Если раньше умирал монгол, принадлежащий к высшему или низшему классу безразлично, то его жена, его рабы, его лошади, его скот и т. д. убивались;¹ с этих пор однако столько достояния, сколько в идея считается равноценным предназначенным к смерти коням, скоту и т. п., должно быть поднесено духовенству и Далай-ламе; этих должно просить о соборной молитве; вовсе не должен совершаться символический обряд убийства. Как и раньше, тот кто убьет человека, по закону теряет жизнь; кто убьет лошадь или голову скота, по закону лишается всего своего достояния; если кто нибудь толкнет, ударит или другим образом наложит руку на ламу или носителя духовного облачения, то жилище виновного разрушается».² Кроме того были запрещены стариные шаманские изображения богов (*ongrud*), существующие должны были быть сожжены, а жилища поступающих наперекор этому разрушены; кровавые жертвы должны были прекратиться; вместо этого должно было упражняться в добродетели и короче говоря устроить всё так, как это уже имело место в Тибете.³ Здесь высказано вполне ясно, что дело тогда заключалось во внедрении тибетского права в Монголии.⁴

¹ Сравн. Yule, *Marco Polo*, 3. Ed., Vol. I, pp. 250—251.

² Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 219—220. Сравн. Кёррен, *Die lamaische Hierarchie und Kirche*, S. 139.

³ Huth, I. c., S. 221.

⁴ «У калмыков и монголов имеются не только многочисленные законы основанные на обычаях, но кроме того и князья создавали в своей среде в разные времена, начиная с правления Чингис-хана, писанные законы, которые (предусматривая монархический образ правления), если не совсем соответствуют неподдельной справедливости, то во всяком случае близко к ней приближаются. Самое старое уложение (Цаджин-Бичик [*Cäji-yin bichik* «Книга законов»]), по которому правда суд больше не производится, но которое всё же, поскольку

Новейший свод законов калмыков, составленный при Батур-хун-тайдже, в первой половине семнадцатого столетия, полностью сообщен Pallas'ом.¹ Попов привел в своей калмыцкой грамматике (стр. стр. 359—365) отрывок оттуда с текстом и переводом. Но работа Pallas'a уже давно отошла в тень, благодаря великолепному критическому изданию и переводу калмыцких законов Голстунского,² труд которого должен быть положен в основу всех исследований как по калмыцкому, так и по восточно-монгольскому праву.

М. Хангалов³ описал правовые понятия бурят; Ковалевский упоминает в предисловии к своему словарю (стр. IX-а) о рукописном «Кодексе законов у бурят».⁴

мне оно известно, должно содержать некоторые замечательные особенности, я не мог раздобыть. На основании этого уложения совершение не был наказуем разврат, производящийся с поповскими наложницами (таковыми больше всего пользуется монгольское духовенство). Кто бывал застигнут в прелюбодеянии с княгиней, тот должен был вносить в виде пени только одну козу с козленком, ибо уложение заранее предполагало, что простолюдин никогда не отважится на это в отношении княгини, если ему не будет дан повод к соблазну. При обыкновенном прелюбодеянии виновник его должен был отдать рогоносцу четырехлетнего коня, а прелюбодеяку трехлетнего коня судье. Кто ловил чужого человека у своей невольницы, мог отобрать у него всё, взять лошадь, деньги и всё что он имел при себе и голым прогнать его; рабыня же оставалась ненаказуемой. Именно из этого старинного кодекса повидимому происходят также различные, еще до сих пор имеющие силу законы обычного права». (P. S. Pallas, *Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, Erster Teil, St.-Petersburg, 1776, S. 193—194).

¹ *Sammlungen etc.*, Erster Teil, S. 194—218.

² *Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Голдан-Хунь-тайджиа и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши*, СПБ., 1880, введение, стр. стр. 1—16; текст, стр. стр. 1—33; перевод, стр. стр. 35—72; примечания, стр. стр. 73—143.—Carl Koehele, *Das Recht der Kalmyken (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, Band IX, Stuttgart, 1891, S. 445—475) дал краткую компиляцию по данному предмету, основанную на Pallas'e и Bergmann'e, не использовав *Монголо-ойратских законов Голстунского*; об уложении Чингис-хана нет вообще речи, и исторические моменты совершенно не представлены.

³ *Этиографическое обозрение*, Москва, 1895, стр. стр. 100—142.

⁴ О современном управлении Монголией сравни. W. F. Mayers, *The Chinese Government*, 2 Ed., Shanghai, 1886, pp. 80—92.—О племенном разделении монголов см. I. J. Schmidt, *Die Volksstämme der Mongolen, als Beitrag zur Geschichte dieses Volkes und seines Fürstenhauses (Mémoires de l'Acad. des Sciences de*

Политические и торговые сношения между Российской и Китаем начались в середине семнадцатого столетия. Договоры заключавшиеся между обоими странами переводились обычно с китайского на маньчжурский язык, а некоторые, кажется и на монгольский. Монгольская версия одного из таких договоров от 1803 года воспроизведена в монгольской *Хрестоматии* Попова на стр. стр. 96—123.

Медицинская литература. Хотя повидимому монгольские племена и обладают своей туземной народной медициной, о которой Pallas и Bergmann доставили интересные материалы, однако существующая литература о лечебных знаниях поконится вероятно исключительно на переводах с тибетского и китайского языков. Зато количество этой литературы тем и значительней; почти все объемистые труды тибетцев по медицине узнали перевод на монгольский язык, прежде всего *Lhan thabs* о содержании которого Позднеев¹ набросал краткий анализ, и перевод монгольского издания которого он имел в виду. Любопытно то обстоятельство, что выдающиеся врачи в Монголии ведут дневники, в которые они заносят историю болезней, пользовавшихся ими, вместе со способом лечения их. Эти памятки оставляются по смерти врача его любимому ученику в наследство.²

Астрономическая литература. — Об этой отрасли, которая пожалуй состоит исключительно из переводов с тибет-

St.-Pét., VI-e Série, Sc. polit., Vol. II, 1834, pp. 409—477); W. Schott, *Bevölkerung, Verfassung und Verwaltung der heutigen Mongolei* (по Статистическому описанию китайской империи Иакинфа Бичурина). Erman, *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*, Band IV, 1845, S. 534—547; П. С. Поповъ, *Записки о монгольскихъ кочевьяхъ*, переводъ съ китайского (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., Том XXIV, СПБ., 1895).

¹ Очерки быта буддийскихъ монастырей и буддийского духовенства въ Монголии (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., Том XVI) СПБ., 1887, стр. 163, прим.

² Больше по этому вопросу и о монгольской медицинской литературе см. у Heinrich Laufer, *Beiträge zur Kenntnis der tibetischen Medicin*, I. Teil, Berlin, 1900, S. 11—17.

ского и китайского языков,¹ до сих пор очень мало известно.² В Пекине еще ежегодно обнародуется монгольский календарь с астрономо-астрологическими указаниями и посыпается в Монголию. Известен большой интерес, проявлявшийся монгольскими императорами в отношении наблюдений неба; знаменитая обсерватория, некогда находившаяся на городской стене Пекина была основана в 1279 г. при Хубилае.³ Летоисчисление монголов в главнейшем совершенно одинаково с тем, что существует у тибетцев.⁴

Переводы Библии. — Наиболее ранняя монгольская версия *Писания*, о которой мы имеем некоторые сведения, — это написанная францисканцем J. de Monte Corvino (1247—1328 гг.), посланным папой Николаем IV, представителем ко двору императора Хубилая (1291 г.). В письме от 8 января

¹ Сравн. напр. Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, Band II, S. 333, 335, 343, 379. Ковалевский, *Монгольская Хрестоматия*, Том II, стр. 306.

² I. P. Abel-Rémusat, *Odonu nārā inu, Uranographia Mongolica sive nomenclatura siderum, quae ab astronomis mongolis agnoscuntur et describuntur* (*Excerptum ex opere, Mongolica lingua conscripto, quod in Bibl. Imp. Paris. conservatur*), *Fundgruben des Orients (Mines de l'Orient)*, Band III, Wien, 1813, p. p. 179—196. Та же работа по французски под заглавием *Uranographie mongole* в его *Mélanges asiatiques*, Vol. I, Paris, 1825, pp. 212—239. Обработанный здесь список созвездий взят из монгольского перевода астрономического сочинения, написанного йезуитами во времена Кан-си (см. также Rémusat, *Recherches sur les langues talares*, p. 223), которое снабжено таблицами, представляющими движение солнца и планет. Весь труд повидимому не имеет общего заглавия; первый том изучавшийся Rémusat, озаглавлен «*Tngri-yin udza-yin alyum-un domu*» («*Стихи о вращении небес*»). Приводимое Rémusat китайское заглавие соответствует Nr. 4893 (*Тянъ-энь-бу-тунъ-ю*) в *Catalogue des livres chinois* M. Courant'a (Vol. II, Paris, 1903, p. 40), труд между прочим не написанный йезуитами.

³ Сравн. A. Wylie, *The Mongol Astronomical Instruments in Peking (Chinese Researches*, Shanghai, 1897, Part III, pp. 1—20); Yule, *Marco Polo*, 3 Ed., Vol. I, pp. 446—456.

⁴ Сравн. Pallas, *Sammlungen etc.*, Zweiter Teil, S. 218—284; — B. Bergmann, *Nomadische Streifereien unter den Kalmücken*, Band II, Riga, 1804, S. 333—340; — Schmidt, *Geschichte der Ost-Mongolen*, pp. XIX—XXI. F. K. Ginzel (*Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie*) к сожалению не занимался летоисчислением монголов.

1305 г. он писал: «Прошло двенадцать лет, как я теперь не получал никаких известий с Запада. Я стал старым и седым, но скорее от работы и страданий, чем от старости, ибо мне только 58 лет. Я хорошо знаком с татарским языком и письмом, на которое я перевел весь Новый Завет и псалмы, и велел переписать их с большой тщательностью».¹ Неизвестно, был ли знаком этот перевод широким массам, и кажется весьма сомнительным, чтобы он был напечатан. Monte Corvino упоминает там же, что он имел намерение, перевести весь латинский служебник, и что при служении обедни он читал, на монгольском языке слова *praeфatio* и *canon'a*.

I. J. Schmidt окончил в 1809 г. перевод на калмыцкий язык *Евангелие от Матфея*, но его рукопись погибла при пожаре Москвы, т. ч. печатание состоялось лишь в 1815 г.² До 1817 г. все издание было раскуплено. Перевод *Четырех Евангелий и Деяний Апостолов* на калмыцкий язык был окончен в 1822 г.;³ новый перевод *Нового Завета* на калмыцкий язык был предпринят А. Позднеевым⁴ при помощи нескольких ассистентов, чей труд был в 1896 году воспроизведен фотолитографским путем в уменьшенном виде в Шанхае.

Edward Stallybrass и W. Swan были в 1817 г. посланы в Монголию от London Missionary Society, для перевода Библии на литературный монгольский язык. Их работа была просмотрена Schmidt'ом. Весь *Ветхий Завет* был издан в 1840 г.

¹ H. Yule, *Cathay and the Way thither*, Vol. I, p. 202; Abel-Rémusat, Jean de Montecorvino, *Nouveaux mélanges asiatiques*, Vol. II, Paris, 1829, pp. 193—198.

² *Evangelium St. Mathaei in linguam Calmucco-Mongolicam translatum ab Isaaco Iacobo Schmidt Cura et studio Societatis Biblicae Ruthenicae typis impressum. Petropoli, apud Fridericum Drechslerum, 1815, 40.*

³ Отдельное издание калмыцкого *Евангелия от Иоанна* было недавно произведено Британским и Иностранным Библейским обществом, но оно недатировано. *Ев. от Матфея* было выпущено на монгольском языке в С. Петербурге в 1819 г., *от Марка и Луки* в 1821 г.

⁴ Том I, Санктпетербургъ, Изд. Великобр. и Иностр. Библ. Общ., 1887, 586 стр., Том II, ibid., 1894, 688 стр., 80.

в Селенгинске и Ходоне. Около того же времени Святейший Синод предложил приостановить это дело на основании царского указа. Swan и Stallybrass возвратились поэтому в Англию и в 1843 г. British and Foreign Bible Society распорядилось перевести и издать *Новый Завет*, основой для чего служила работа русского Библейского Общества. Т. к. употреблявшиеся в Сибири шрифты были проданы, а в Англии не было никаких монгольских шрифтов, то книга печаталась манджурским шрифтом, которым уже обладало British Bible Society. В 1877 году были специально отлиты монгольские шрифты для нового издания *Нового Завета*. Anton Schifner наблюдал за первой частью издания, после его смерти А. Позднеев; в 1880 печатание было окончено.¹ Это издание в 1885 году было в Шанхае вос-

¹ Последнее доступное мне издание носит заглавие: *The New Testament of our Lord and Saviour Jesus Christ; Translated out of the Original Greek into the Mongolian Language by Edward Stallybrass and William Swan, many years Missionaries residing in Siberia; for, and at the expense of the British and Foreign Bible Society. London, printed by William Watts, 1896, 925 стр.* — В. Jülg (*On the Present State of Mongolian Researches, JRAS, 1882, p. 23*) говорит, что *Ветхий Завет* был переведен в Сибири с 1836 по 1840 гг., однако я видел один экземпляр перевода *Книги Бытия*, из которого выясняется, что этот перевод должен был быть оконченным не позднее 1831 г. и выпущенным в 1833 г. Экземпляр о котором идет разговор содержит следующее интересное рукописное предисловие:

The Directors of the London Missionary Society will be pleased to accept of this copy of the Book of Genesis, Translated into the Mongolian Language by the Rev. Edward Stallybrass, as the First Fruits of the Mission Press at Selenginsk, Siberia.

The greater Number of the Larger Types used in Printing this First Edition, were cast from Matriees made at this station, by the Boriate workman, as were also the Matrices for the Cipher Types, used for the Verses; and the whole work of composing, and almost the whole of the Printing, and Binding of this Edition was Executed by tens of the Young Boriate students of this Station.

The Book of Genesis has the Honour to be the First in the Mongolian Language, in which Ciphers has been used to mark the divisions.

The getting up of this Volume in its present form, and the labours attending it, were wholly from the Plan, and exertious of your

Humble Servant
Robert Yuille

произведено фотолитографским путем и издано отдельными частями (новое издание, Шанхай, 1900).

Евангелие от Матфея было переведено на разговорный халхаский язык под руководством Joseph Edkins'a и епископа Schereschewsky'go, пригласивших одного ламу, чтобы приготовить эту версию по литературному изданию Swan'a и Stal-lybrass'a. Эта работа вышла в 1873 г. и в 1894 г. была снова размножена фотолитографским способом.¹ Edkins издал также христианский катехизис на монгольском языке (26 листов, Пекин, 1866 г.).² Некоторые христианские трактаты I. J. Schmidt'a и русских миссионеров перечисляются B. Jülg'ом.³ Тимковский⁴ упоминает в списке приобретенных им в Пекине книг о «Разговоре христианина с китайцем о вере» на монгольском языке, в двух частях. Это должно быть перевод китайского сочинения иезуита Matteo Ricci,⁵ вероятно *Цзи-жэнь-ши-*

Dec. 1831, Selenginsk.

Soli Deo honor et gloria.

На внутренней стороне следующего листа находится следующая цензурная напечатанная пометка:

По поручению Г. Г. Министрства Внутренних Дѣл и Народного Просвѣщения, я читалъ монгольскій переводъ книги Бытия, и нашелъ его согласнымъ съ разными переводами протестантскіхъ исповѣданій, почему и одобряю его къ напечатанію: Санктпeterбургъ 11 Декабря 1833 года. Академикъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Яковъ Шмитъ.

¹ В общем сравн. о монгольских версиях Библии у M. Broomhall, *The Chinese Empire, a General and Missionary Survey*, London, 1907, pp. 410—414.

² [A. Wylie], *Memorials of Protestant Missionaries to the Chinese*, Shanghai, 1867, p. 283.

³ *On the Present state of Mongolian Researches* (*JRAS*, 1882, p. 22 отдельного оттиска). Сравн. также А. Позднѣевъ, *Еще къ вопросу о послѣднѣхъ сообщеніяхъ Православной Миссіонерской Общества на калмыцкомъ языке*, в *Журнале Министерства Народного Просвещенія* 302, стр. стр. 158—172, 1900 г.

⁴ *Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ*, СПБ., 1824, Том II, стр. 395.

⁵ Сравн. с тем заглавием, которое приведено в *Orientalische Bibliographie*, Band IV, 1891, под №. 233: Геромонахъ Алѣксей (Виноградовъ). *Миссіонерскіе діалоги М. Риччи съ китайскими учеными о христіанствѣ и язычествѣ и обзоръ китайско-церковной, римско-католической литературы съ XVI по XVIII ст.*, С. Пет., 1889, VIII + 121 + I стр. 8.

бянь.¹ другой труд Ricci в монгольской версии приводится в Казанском каталоге под №р. 120 как *Tngri-yin ejen-ü ünenki jirum* «Истинные поучения бога». Это известное произведение Ricci Тянь-чжу-ши, написанное в 1601 году.²

Заключение. — В общем монгольская литература может быть охарактеризована как заимствующая и воспроизводящая. Она восприняла литературу Тибета и небольшую часть китайской литературы, без того чтобы возвыситься до оригинальной переработки полученных таким путем идей. Будучи всегда хорошими рассказчиками, монголы стали ревностными распространителями индийских повестей, часть безграничного запаса которых они передали своим западным соседям, тюркам и славянам, и с этой точки зрения культурного посредничества определяется их деятельность в рамках мировой литературы. Они без сомнения обладали историческим чутьем, если даже и получили его предварительно у китайцев, а их летописи, на которые они безусловно употребили много старания и усидчивости, дают яркое доказательство их доброго желания и способности к образованию. Там, где они могли, непотревоженные чужими влияниями, свободно развернуть свою натуру, у них никогда не отсутствовали своеобразность и творческие достижения народного духа, одушевленные юмором и добродушием. Они поддерживали простые чувствительные народные мотивы и героический эпос. В последней области они оказываются родственными по духу с киргизами, вогулами, иртышскими остыками, эстонцами и финнами, и антиподами китайцев и всему тому восточно-азиатскому культурному миру, который никогда не создавал ни одной героической песни. Эпос производит свое волшебное действие на всех нас и вопросы его возникновения и распространения доставляют

¹ H. Cordier, *L'imprimerie sino-européenne en Chine*, Paris, 1901, p. 40, №р. 233.

² H. Cordier, I. e., p. 39, №р. 225. Эти монгольские переводы сочинений Ricci неотмечены Cordier и повидимому остались неизвестными самим иезуитам, в трудах которых они не упоминаются.

каждому образованному человеку неисчерпаемый интерес. И в этом монгольская литература может нам помочь и представить ценные материалы для разрешения как общих вопросов, так в особенности для до сих пор не разрешенного вопроса об истории эпических песен на территории Средней и Северной Азии. И здесь достижения монголов далеко выходят из рамок чисто литературного значения; они превращаются в ценнейшие культурно-исторические и этнографические свидетельства, тем что они раскрывают нам общие связи с народами отдаленнейшей Фулы и обнаруживают исторические нити, связывающие всю человеческую мысль. Центральное положение, занимаемое монголами в Азии сделало их так сказать центральным пунктом духовной культуры, очагом, пламя которого заимствовали различные племена. До сих пор можно распознать два главных течения, идущих от монголов в чуждые и далекие области. В северо-восточном направлении сказания их проникли к тунгусским народностям, которые занесли их дальше к корякам и чукчам вплоть до Берингова пролива, и даже еще далее, на северо-американском побережье Тихого океана мы находим их отзвуки.¹ По другому пути, в восточном направлении, монгольские героические сказания странствовали в долину Амура к гольдам и другим тунгусам,² они ведь перешли даже через пролив на Сахалин к айнам. Всё это явление не менее замечательно, чем странствование индийских сказок на запад, и в той области, где так мало исторических документов, именно это и должно помочь восстановлению исторических фактов. И единственна эта причина была бы достаточно важна, чтобы побуждать к изучению монгольской литературы и сделать эти занятия более плодотворными.

Но еще другая точка зрения имеет место здесь. Мировое

¹ Только мимоходом могу я здесь указать на фундаментальные работы Franz Boas (*Indianische Sagen von der Nord-Pacificischen Küste Amerikas*, Berlin, 1895), W. Jochelson (*The Koryak*, 1. c.) и P. Ehrenreich (*Die Mythen und Legenden der südamerikanischen Urvölker und ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas und der alten Welt*, Berlin, 1905).

² Laufer, *American Anthropologist*, 1900, pp. 330—331.

историческое значение монголов настолько велико, что нас должно живейшим образом интересовать всё касающееся духовной жизни народа, который некогда смог потрясти всю Европу, а ее королей и пап вовлечь в сферу своего влияния. В истории нашего отечества они заклеймены именем варварских орд, на школьной скамье они выставляются нам чернее китайской туши и предтечами пресловутой желтой опасности. Тем более обязана наука выступить против такого странного определения и приблизить этот народ в общечеловеческом отношении к нашим сердцам. В своих песнях он встает перед нами со своими радостями и горестями, со своей искренней любовью к родине, к широкой степи и к горячему степному коню, с трогательной привязанностью к матери, к возлюбленной, к жене. Мы познаем общечеловеческие и вместе с тем благородные и рыцарские черты этих необузданных сыновей степи, которые некогда стучались в двери нашего отечества такими могучими ударами меча.

Цена 1 р. 50 к.

ИЗДАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ.

1. Марр Н. Я. К изучению современного грузинского языка. 1922 г. 22 стран. 40 к.
2. Марр Н. Я. Чем живет яфетическое языкознание (на грузинском языке и в яфет-транскрипции). 1923 г. 80 стран. 1 р. 50 к.
3. Тубинский М. И. Образцы бенгальской литературы. 1922 г. 132 стран. 2 р.
4. Самойлович А. И. Несколько дополнений к классификации турецких языков. 1922 г. 16 стран. 40 к.
5. Справочные сведения по Петроградскому Институту Живых Восточных Языков (1920—1923 гг.). 1924 г. 87 стран. *Разошлось*.
6. Ромасевич А. А. Современная персидская пресса в образцах. 1924 г. 268 стран. 5 р. *Разошлось*.
7. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. 1925 г. 318 стран. 2 р. 25 к.
8. Труды яфетического семинария. II. — Марр Н. Я. Пособие к лекциям по практическому изучению живого грузинского языка. 1926 г. VII+99 стран.
9. Справочные сведения по Ленинградскому Институту Живых Восточных Языков (1924—1925 гг.).
10. Самойлович А. И. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. 1925 г. 156 стран. 2 р. 50 к.
11. Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности. (С.-З. Монголия). 1926 г. XI+202 стран. 4 р. 50 к.
12. Труды яфетического семинария. I. — Марр Н. Я. Абхазский аналитический алфавит. 1926 г. 52 стран. 1 р.
13. Труды тюркологического семинария. I. — Иностранцев Н. А. Хунну и Гуниы. 1926 г. IV+152 стран. 2 р.
14. Г. Бюлер. Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Перевод под редакцией акад. Ф. И. Щербатского. 1923 г. 157 стр. 2 р. 50 к.
15. Бертельс Е. З. Бахтиар-Наме. Персидск. текст и словарь. 1926 г. 90 стр. 2 р. 50 к.
16. Оде-Васильева К. В. Начальная арабская хрестоматия, с предисловием акад. И. Ю. Крачковского. 1926 г. 44 стран. 1 р.
17. Баранников А. П. Краткая грамматика Хиндустани (Урду). 1926 г. 112 стран. 2 р. 50 к.
18. Конрад Н. И. Японская литература в очерках и образцах. 7 р. 50 к.
19. Бертельс Е. З. Грамматика персидского языка. 1926. 126 стран. 2 р. 50.
20. Лауфер Б. Очерк монгольской литературы. Перевод В. А. Казакевича под редакцией и с предисловием Б. Я. Владимировца. 1927. XXI+95 стр. 1 р. 50 к.
- 22 Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. 1927. 160 стран. 2 р. 50 к.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ И ЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОМЕЩАЮТСЯ: МАКСИМИЛЛАНOVСKИЙ ПБР. 7; ТЕЛФ. 157-41, 124-89. ДЛЯ
ТЕЛЕГРАММ: ЛЕНИНГРАД, ЛИЖВА.